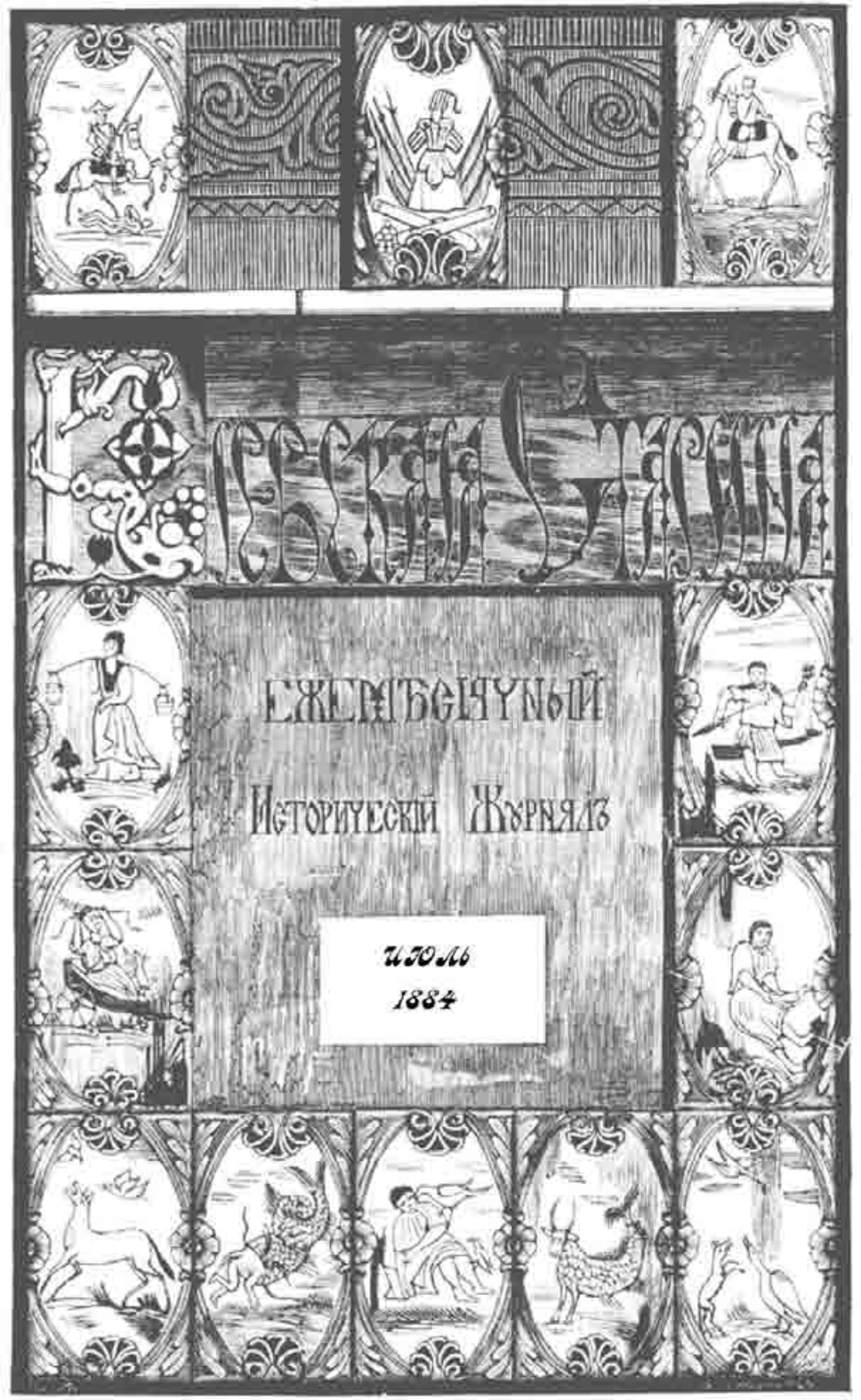
Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
Іюль
1884

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1884 г.

стр.

I. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІИ. *(Продолженіе)*. К. М 359

II. ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ. *(Окончаніе)*. Д. И. Эварницкаго 392

III. ХРОНИКА КІЕВСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ПО ДНЕВНИКУ МИТРОПОЛИТА СЕРАПІОНА. (1804—18024 г) 423

IV. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ. И. С—р—а 467

V. ЗАПИСКИ ПЕТРА ДИМИТРІЕВИЧА СЕЛЕЦКАГО. Часть первая 1821—1856 годъ. *(Продолженіе)* 485

VI. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ.—Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.—*В. А.*—б) Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Т. 11. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. И. П. Новицкій.—*О. Л.*—в) Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. Спб. 1883 г. — *А. К.* — г) Андріевскій Ал. — Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года.—*Ц. Н.* 505

VII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Любопытная книжица конца XVIII ст. *Ц. Г. Неймана.*—б) Приглашеніе къ открытію университета св. Владиміра и правила поступленія въ оный.—Графа *Милорадовича.*—в) Еще о Боровиковскомъ.—*В. Горленка.*—г) Кіевскій пещерникъ XVIII ст.—Сообщ. *Ал. Лашкевичъ.*—д) Изъ временъ нашествія шведовъ на Россію.—*А. Катрухина.*—е) Многолѣтіе, возглашенное въ Кіевѣ въ началѣ XVIII в.—Сообщ. *П. Л—въ.*—ж) Историческое средство противъ конокрадства.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—з) Орестъ Марковичъ Новицкій. (Некрологъ).—и) Загадочная пѣсня.—Сообщ. *А. Маркевичъ.*—і) Къ портрету Анны Ярославны 525

VIII. ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Анны Ярославны.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ IX.

ІЮЛЬ.

1884 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го іюня 1884 года.

PIANGO LA SUA MORTE E LA MIA VITA
АННА ЯРОСЛАВНА
Королева французская родилась въ Кіевѣ
скончалась близъ Парижа.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе[1]).

IV.

Жванецъ.—Дорога изъ Каменца. — Должокъ. — Гавриловцы. — Въѣздъ въ Жванецъ.— Армянскій костелъ и кладбище. Ограда и валы.—Рынокъ положеніе мѣстечка.—Пристань.—Видъ съ пристани.—Окопы и галицкая граница.—Атаки.—Хотинъ и Брага.—Исторія Жванца и его замка.

Самой живописной частью Поднѣстровья, по крайней мѣрѣ въ русскихъ предѣлахъ, считаются берега Днѣстра отъ Жванца до Ямполя; мѣстность эту называютъ Подольскою Швейцаріею. Отсюда Днѣстръ теряетъ уже характеръ горной рѣки, берега его значительно понижаются и онъ принимаетъ характеръ степныхъ рѣкъ, отъ которыхъ отличается только быстротою теченія.

Мы рѣшились осмотрѣть берега Днѣстра отъ Жванца до пороговъ и наняли въ Каменцѣ еврейскаго балагулу съ бричкой, который доставилъ насъ въ Жванецъ часа черезъ три. Ничего не можетъ быть ужаснѣе и утомительнѣе ѣзды на еврейской подводѣ: бричка, разумѣется, всегда разъѣзженная, тряская, неподмазанная, но хуже всего то, что балагула, вѣроятно изъ хозяйственныхъ соображеній, пріучаетъ лошадей къ особому аллюру, какимъ отличаются только еврейскіе извощики. Лошади идутъ мелкой рысью, которая еще болѣе усиливаетъ тряску стараго экипажа и совершенно разстраиваетъ непривычнаго къ такой ѣздѣ. Мнѣ кажется, что цѣлыя сутки ѣзды даже бессарабскою почтою, гдѣ ямщикъ несется какъ бѣшеный, не обращая вниманія на горы, овраги и другія препятствія, гдѣ путникъ помимутно рискуетъ вылетѣть изъ повозки и сломать себѣ шею, меньше растрясутъ человѣка, чѣмъ два часа ѣзды на еврейской подводѣ. Поэтому оба мы чрезвычайно обрадо-

[1]) См. »Кіевская Старина«, 1884 г., майск. кн., стр. 1—32.

вались, когда показалось вдали мѣстечко, бывшее цѣлью нашей поѣздки.

Мѣстечко Жванецъ расположено въ 18 верстахъ на югозападъ отъ Каменца; къ нему ведетъ почтовая дорога, проходящая изъ Каменца въ Хотинъ. Отправясь сюда изъ Каменца, всякій живущій въ центрѣ города проѣзжаетъ черезъ турецкій мостъ, минуетъ старинную польскую крѣпость, въ которой уцѣлѣли три башни и колодецъ, построенные турками, обращенную теперь въ казармы для арестантскихъ ротъ и примыкающіе къ ней земляные валы и бастіоны николаевскаго времени, выложенные камнемъ и сверху покрытые дерномъ. Далѣе дорога проходитъ черезъ Подзамче,—западное предмѣстье Каменца, расположенное на возвышенной равнинѣ. Это русское предмѣстье, состоящее изъ широкой улицы, не вымощенной, не смотря на чрезвычайное обиліе камня, такъ какъ весь городъ построенъ на скалѣ; по обѣимъ сторонамъ улицы рядъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ весьма однообразной архитектуры, окруженныхъ цвѣтниками и огромными фруктовыми садами; изъ нихъ нѣкоторые обнесены каменными или деревянными заборами, другіе плетнями и живою изгородью, иные просто окопаны канавкой, вообще предмѣстье имѣетъ очень патріархальный видъ. Къ концу Подзамча равнина, на которой оно расположено, а вмѣстѣ съ ней и дорога спускается въ довольно глубокую балку, наполняющуюся иногда водою, на что указываетъ небольшой мостикъ, расположенный по срединѣ. За мостомъ, на другомъ склонѣ балки начинается село Должокъ, утопающее въ садахъ, особенно изобилующихъ сливами и черешнями. Крестьянскія хаты, очень чистенькія и нарядныя, скорѣе напоминающія мѣщанскія жилища, производятъ весьма пріятное впечатлѣніе, свидѣтельствуя своимъ внѣшнимъ видомъ объ извѣстной степени зажиточности населенія. Во время польско-турецкихъ войнъ XVII вѣка въ Должкѣ находилась таможня и здѣсь должны были проживать какъ польскіе, такъ и турецкіе послы, являвшіеся съ порученіями къ каменецкимъ властямъ. Въ то время иностраннымъ посламъ былъ запрещенъ въѣздъ въ Каменецъ, чтобы лишить ихъ возможности осматривать укрѣпленія этого города. Въ люстраціи г. Каменца 1665 г. значится: »с. Должокъ обязывается пынѣ, какъ и прежде, пословъ, идущихъ къ намъ изъ Орды и нашихъ въ Орду содержать на

своемъ продовольствіи и давать имъ подводы. Въ этомъ селѣ имѣется три дворянскихъ дома для пословъ и два козака для разсылки бумагъ«. Если не ошибаюсь, въ Должкѣ существуетъ волостное двукласное училище; помнится, что мы видѣли такую вывѣску, проѣзжая черезъ село.

Непосредственно за Должкомъ тянется вдоль почтовой дороги другое село Жабинцы, составляющее какъ-бы продолженіе перваго. По внѣшнему виду Жабинцы ничѣмъ не отличаются отъ Должка; тѣже чистенькія хаты »на двѣ половины«, съ большими, прямыми окнами[1]), окруженныя хорошими и довольно обширными хозяйственными постройками, и все это окаймляется большими фруктовыми садами и огородами. Только село это меньше предъидущаго и не имѣетъ церкви. Оба села расположены на взгорьѣ и дорога, начиная отъ Должка, постепенно подымается вверхъ на весьма значительную плоскую возвышенность, поросшую лѣсомъ. Отсюда открывается прекрасный видъ на окрестности. Оборачиваетесь назадъ и передъ вами, на скалистомъ островѣ, окруженномъ вѣнцомъ высокихъ горъ, обрисовывается весь Каменецъ съ его мостами, старинными башнями и остатками старинной стѣны, идущей въ нѣсколько рядовъ по уступамъ острова, со множествомъ церквей, которыхъ кресты и куполы горятъ на солнцѣ. На вершинѣ главнаго католическаго собора, обращеннаго въ мечеть, во время турецкаго господства въ Каменцѣ, очень рельефно обрисовывается бронзовая статуя Богородицы, съ сіяніемъ изъ звѣздъ, стоящая на полумѣсяцѣ; эту статую поставили католики послѣ возвращенія Подолья польскому правительству. Вокругъ города блестящей змѣей вьется Смотричъ между высокими, скалистыми берегами, представляющими самыя причудливыя очертанія: въ иныхъ мѣстахъ скалы отвѣсны, какъ стѣна, въ другихъ они нависли надъ берегомъ и подъ этими навѣсами, прилѣпившись къ скалѣ прямо надъ рѣчкой, гнѣздятся

[1]) Въ подольскихъ селахъ очень рѣдко попадаются хаты »на одну половину«, такъ часто встрѣчающіяся въ полтавскихъ селахъ и хуторахъ, гдѣ подобная хата едва освѣщается однимъ-двумя маленькими подслѣповатыми окошечками изъ одного куска стекла, за частую криво вмазаннаго. Какъ наружность хатъ, такъ и большое количество всякихъ хлѣвовъ, повитокъ и другихъ хозяйственныхъ построекъ указываютъ на значительную зажиточность подольскаго населенія, сравнительно съ нашимъ.

маленькіе, легкіе домики каменецкихъ мѣщанъ. Влѣво отъ дороги, на краю горизонта вы видите высокую гряду бѣловатыхъ известковыхъ скалъ, очень живописно перемѣшанныхъ съ группами зелени, у подножія которыхъ извивается таже рѣчка. Ближе къ дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ тянутся обширные пустые лѣса, окруженные рвомъ и валомъ. Въ лѣсу и вдоль дороги встрѣчаются довольно часто курганы, понынѣ еще не изслѣдованные археологами. Дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена старыми дуплистыми деревьями, между которыми очень часто попадаются огромной величины черешни. Въ одномъ мѣстѣ почтовая дорога перерѣзываетъ длинную аллею изъ тополей, которая идетъ въ право и въ лѣво, на сколько глазъ захватитъ; это путь въ усадьбу мѣстнаго помѣщика, пролегающій по его владѣніямъ. Затѣмъ дорога начинаетъ спускаться въ долину, которая постепенно понижается въ направленіи къ Днѣстру; здѣсь уже лѣсъ перемежается съ хлѣбными полями и нивами, придающими большее разнообразіе пейзажу. Въ старину эта мѣстность называлась »жванецкими гаями«.

Трудно передать то нетерпѣніе, какое овладѣваетъ путникомъ, никогда не видѣвшимъ Днѣстра и много слышавшимъ о красотахъ этой рѣки, когда наконецъ вдали показывается темною полосою наддпѣстрянскія горы, слегка покрытыя туманомъ. Вправо отъ дороги показывается большое село Гавриловцы съ прекрасной каменной церковью. При въѣздѣ въ село стоитъ красивый каменный памятникъ съ крестомъ и длинною надписью. Зная, что мѣстность эта, бывшая театромъ многочисленныхъ войнъ, изобилуетъ историческими воспоминаніями, мы тотчасъ останавливаемся и читаемъ надпись, изъ которой узнаемъ, что этотъ крестъ поставленъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ мѣстнымъ крестьяниномъ и его женою изъ благочестивыхъ цѣлей. Отсюда путникъ уже различаетъ расположенный на высокомъ луговомъ берегу Днѣстра городъ Хотинъ. Мало по малу на склонѣ горы ниже города замѣчается какая-то огромная сѣрая масса, которая съ каждой минутой увеличивается и становится яснѣе; наконецъ передъ вами во всемъ своемъ грозномъ величіи встаетъ старая хотинская крѣпость, производящая на зрителя подавляющее впечатлѣніе своей громадностью. Почти въ тоже время замѣчаются вправо отъ дороги остатки жванецкаго замка, но они совершенно стушевываются передъ хотинскою крѣ-

постью по своей ничтожности. Видъ этой крѣпости поглощаетъ все вниманіе и, стараясь разсмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ, мы незамѣтно приближались къ м. Жванцу, расположенному всего въ разстояніи 2—3 верстъ отъ Гавриловецъ.

Недалеко отъ въѣзда въ мѣстечко, въ небольшой балкѣ, вправо отъ дороги, виднѣется старое кладбище съ каменными крестами и плитами, теперь оставленное; кладбище обнесено высокой каменной стѣной, но ворота настежь открыты и на могилахъ безпрепятственно пасутся коровы. Между кладбищемъ и дорогою стоитъ большой каменный памятникъ, сложенный изъ мѣстнаго известняка въ видѣ четырехгранной колонны. По разсказамъ мѣстныхъ жителей этотъ памятникъ остался отъ времени турецкаго господства въ краѣ. Минуя кладбище, мы въѣзжаемъ наконецъ въ предмѣстье Жванца, состоящее изъ прямой улицы, которую образуютъ ряды прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, выходящихъ на улицу рядами и окруженныхъ густыми садами. Но вотъ кончаются хаты и начинаются еврейскія жилища, представляющія весьма рѣзкій контрастъ съ крестьянскими. Грязные, ободранные дома стоятъ безъ всякаго порядка просто на улицѣ, безъ всякой огорожи; при домѣ совсѣмъ нѣтъ двора и ни малѣйшаго слѣда какихъ нибудь сараевъ, коморъ, или помѣщеній для домашнихъ животныхъ,—вообще никакихъ хозяйственныхъ построекъ. Все это помѣщается въ самомъ домѣ. Въ этомъ мѣстѣ, на выѣзжей улицѣ находится старый турецкій колодецъ, дѣйствующій и до настоящаго времени. Колодецъ имѣетъ видъ небольшого круглаго холма меньше аршина въ вышину и около сажени въ діаметрѣ, сложеннаго изъ большихъ каменныхъ плитъ, повышающихся къ срединѣ колодца въ видѣ ступенекъ. Внутри онъ выложенъ камнемъ; сверху круглое отверстіе, въ которое опускаютъ ведро. (Впрочемъ нужно замѣтить, что ведра встрѣчаются сравнительно рѣдко даже въ мѣстечкахъ и городахъ; въ Подоліи воду носятъ въ особой деревянной посудѣ »коновка«, сдѣланной изъ клёпокъ въ видѣ кувшина или кружки, съуживающейся кверху, съ 2—3 обручами и ручкой, которую надѣваютъ на коромысло). Такіе колодцы встрѣчаются въ южной Подоліи весьма часто; иногда возлѣ нихъ находится крестъ или выдолбленное изъ камня корыто, но это уже позднѣйшія прибавки, а самые колодцы представляютъ одинъ изъ немногихъ остатковъ турецкаго господства въ краѣ. Къ числу та-

кихъ остатковъ принадлежатъ кое-какія постройки въ нѣкоторыхъ городахъ и прекрасные старые сады. Извѣстна и понынѣ любовь турокъ къ садоводству и къ усовершенствованію ирригаціи; слѣды ихъ работъ и понынѣ встрѣчаются въ мѣстностяхъ, когда-либо подчинявшихся турецкому господству. Слѣдуя дальше по въѣзжей улицѣ, встрѣчаемъ по лѣвую сторону старинный каменный костелъ, окруженный высокой стѣной, къ которой пристроены нѣсколько еврейскихъ домовъ. Минуя ихъ, мы въѣзжаемъ на рынокъ, т. е. въ самый центръ мѣстечка. Тутъ нужно сказать нѣсколько словъ о наружности подольскаго мѣстечка и объ архитектурѣ еврейскихъ домовъ, такъ какъ это совсѣмъ неизвѣстныя вещи для жителя напримѣръ лѣвобережной Украйны.

Всякое мѣстечко или бывшій владѣльческій городъ начинается съ предмѣстья, состоящаго изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ хатъ съ садами, огородами и другими признаками осѣдлости; смотря по величинѣ мѣстечка они идутъ одной или нѣсколькими улицами. Затѣмъ слѣдуютъ еврейскіе дома, построенные на довольно близкомъ разстояніи. Самый центръ мѣстечка составляетъ такъ называемый рынокъ—большая четырехъугольная площадь, застроенная по краямъ однимъ или двумя рядами еврейскихъ домовъ или *заѣздовъ*. На площади находится нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ, въ которыхъ производится торговля всевозможными продуктами, необходимыми для обывателей; тутъ-же передъ столиками сидитъ нѣсколько торговокъ—евреекъ, продающихъ хлѣбъ, яйца, фрукты и другіе съѣстные припасы. Но главная торговля происходитъ въ домахъ, окружающихъ площадь.

Всѣ эти дома выстроены по одному и тому-же архитектурному типу и различаются между собою только величиной и большей или меньшей опрятностью, смотря по зажиточности хозяина. Еврейскій домъ, въ большинствѣ случаевъ каменный, представляетъ продолговатый четырехугольникъ; одна изъ узкихъ сторонъ, обращенная на рынокъ, служитъ фасадомъ. По срединѣ дома находятся ворота и крытый въѣздъ, раздѣляющій жилище на двѣ половины: въ одной находится рядъ комнатъ, иногда сообщающихся между собою, иногда представляющихъ отдѣльные номера, изъ которыхъ одинъ выходитъ на улицу, въ остальные ходъ черезъ внутренній корридоръ, а ихъ окна выходятъ на стѣну сосѣдняго дома, отстоя-

щаго всего на $1^1/_2$—2 аршина. Въ худшихъ комнатахъ живутъ сами хозяева,—лучшія предназначаются для проѣзжающихъ. По другую сторону корридора, подъ тою-же крышею, помѣщается шинокъ, винарня, или лавка со всевозможными товарами; на улицу продѣлано широкое квадратное отверстіе въ родѣ окна безъ рамы, запирающееся ставней, которая, опускаясь горизонтально, служитъ прилавкомъ. Подобная лавка находится безъ исключенія при каждомъ еврейскомъ домѣ—вездѣ чѣмъ нибудь торгуютъ. Все это занимаетъ половину дома, иногда меньшую; остальную занимаетъ такъ называемая стодола, нѣчто въ родѣ сарая, примыкающаго къ дому, съ воротами на концѣ, какъ разъ противъ въѣздныхъ воротъ. Здѣсь лежатъ дрова, стоятъ повозки и экипажи проѣзжающихъ; вдоль стѣнъ устроены ясли для скота, возлѣ которыхъ проводятъ время и лошади принадлежащія постояльцамъ, и хозяйскій скотъ, и домашняя птица. Сюда-же выбрасываются всевозможные помои и кухонные остатки, потому что на улицу дальше выносить. Среди толстаго мягкаго слоя навозу и разнаго рода нечистотъ, составляющихъ почву стодолы, копошится нѣсколько штукъ свиней, которыя хотя принадлежатъ христіанскому населенію мѣстечка, но промышляютъ себѣ кормъ главнымъ образомъ на улицахъ и въ еврейскихъ домахъ. Разведеніе свиней составляетъ одинъ изъ весьма доходныхъ промысловъ для жителей подольскихъ мѣстечекъ. Эти животныя дошли до такого нахальства, что зачастую являются даже въ комнаты, и если въ такихъ случаяхъ хозяйка заѣзда спѣшитъ водворить порядокъ, то никогда не препятствуетъ имъ проводить дни и ночи въ стодолѣ, которой не нужно даже выметать послѣ такого посѣщенія. Такимъ образомъ свиньи являются здѣсь единственными исполнителями санитарныхъ требованій, и нужно отдать имъ справедливость, они гораздо лучше соблюдаютъ интересы жителей, нежели многіе представители нашей санитарной коммиссіи.

Таковъ характеръ еврейскаго заѣзда. Для дополненія картины можно прибавить, что съ улицы вдоль всего дома тянется »призьба«, на которой цѣлый день сидятъ хозяева и постояльцы, ожидая новыхъ проѣзжающихъ и созерцая все, что дѣлается на площади и прилегающихъ къ ней улицахъ. Надъ »призьбою« выступаетъ широкій навѣсъ, дозволяющій продолжать это мирное занятіе и въ дурную погоду. Старые каменные дома, изъ которыхъ многіе отко-

сятся еще къ прошлому столѣтію, какъ напримѣръ въ Могилевѣ, Каменцѣ и др., имѣютъ еще мезонинъ съ балкономъ и высокой острой крышей, но въ настоящее время въ нихъ вѣроятно не чувствуется надобности, поэтому что этихъ прибавокъ нѣтъ уже въ новѣйшихъ постройкахъ.—При въѣздѣ на рынокъ васъ обыкновенно окружаетъ цѣлая толпа евреевъ,—каждый приглашаетъ остановиться въ его заѣздѣ, обѣщая всевозможныя удобства. Нашъ балагула молча проѣхалъ сквозь кричащую толпу и остановился передъ заѣздомъ своего знакомаго, гдѣ мы и расположились—нельзя сказать, чтобы очень удобно. До вечера оставалось еще нѣсколько часовъ и мы, воспользовавшись этимъ временемъ, отправились осматривать достопримѣчательности мѣстечка.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей квартиры, по лѣвой сторонѣ въѣзжей улицы, привлекаетъ вниманіе старый армянскій костелъ,—каменное зданіе старинной архитектуры, окруженное высокой, массивной каменной стѣной, на которой во многихъ мѣстахъ сохранились слѣды фортификацій, въ видѣ бойницъ и контрфорсовъ. Мѣстами верхъ стѣны начинаетъ осыпаться и, конечно, остается безъ починки. Внутренность костела не представляетъ ничего замѣчательнаго и ничѣмъ не разнится отъ обыкновенныхъ католическихъ костеловъ средней руки. Зданіе довольно обширно и достигаетъ значительной вышины, особенно колокольня съ бойницами, утратившими свое значеніе, такъ что въ настоящее время въ одной изъ нихъ помѣщаются часы, составляющіе гордость мѣстечка. Въ оградѣ костела расположено старое армянское кладбище, отъ котораго сохранилось нѣсколько памятниковъ, большею частью обвалившихся и разрушенныхъ, и много надгробныхъ плитъ съ армянскими надписями, почти совсѣмъ вросшихъ въ землю и покрытыхъ мхомъ.—Въ настоящее время, за неимѣніемъ армянъ въ Жванцѣ, костелъ обращенъ въ католическій; не смотря на довольно значительную древность костела, въ немъ, кажется, не сохранилось никакихъ документовъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ польскихъ метрическихъ книгъ. По крайней мѣрѣ такой отвѣтъ далъ при насъ ксёндзъ туристу, пожелавшему осмотрѣть архивъ.

Костелъ окруженъ еврейскими домами, при чемъ нѣкоторые прямо пристроены къ оградѣ. Непосредственно за оградой, къ югу, по направленію къ Днѣстру тянутся остатки стариннаго земляного

вала, частью застроеннаго домами, частью заросшаго дерномъ и сорными травами, гдѣ пасутся различныя животныя. Валъ этотъ обрывается въ самомъ мѣстечкѣ, не доходя до берега, и мы нигдѣ не могли найти его продолженія; вѣроятно онъ срытъ былъ при постройкахъ.

Больше въ ту сторону уже нечего было смотрѣть и мы возвратились въ рынокъ. Какъ уже сказано было выше, это большая продолговатая площадь, окруженная еврейскими домами; между ними, по правую сторону площади, находится рядъ каменныхъ лавокъ, въ томъ числѣ одна кондитерская съ громкой вывѣской, объявляющей, что здѣсь приготовляются мороженое, шеколадъ и другія заманчивыя вещи, а между тѣмъ на окнахъ выставлены засушенныя старыя пирожныя самаго отталкивающаго вида; вѣроятно спросъ на эти произведенія не особенно великъ. По другую сторону цѣлый рядъ домовъ занимаютъ »винарни« (винные погреба, гдѣ производится торговля распивочно и на вынось), идущія и дальше въ улицу, которая ведетъ къ рѣкѣ и составляетъ продолженіе въѣзжей. Эти заведенія имѣютъ несравненно болѣе веселый видъ, чѣмъ несчастная кондитерская; между ними одно обращаетъ вниманіе своей новой вывѣской и особенно опрятной наружностью. Для посѣтителей, сверхъ обыкновенія, отведены двѣ комнаты, убранныя на подобіе ресторана, съ диванами и креслами, и увѣшанныя, вмѣсто символическихъ еврейскихъ картинъ, портретами и картинами воинственнаго содержанія. Очевидно это мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются жванецкіе нотабли. Здѣсь мы нашли прекрасное бессарабское вино разныхъ сортовъ, далеко превосходящее тѣ фабрикованныя вина, какія у насъ продаются подъ именемъ крымскихъ и французскихъ.

На рынокъ выходятъ нѣсколько улицъ, которыя прямыми или ломанными линіями продолжаются до окраинъ мѣстечка. Прямо отъ нашей квартиры шла улица, составлявшая продолженіе въѣзжей; это непирокая грязная улица,—по обѣимъ сторонамъ тянутся еврейскіе дома, не огороженные, безъ дворовъ, расположенные на разстояніи 2—3 аршинъ другъ отъ друга; здѣсь живутъ различные промышленники; надъ дверью каждаго дома № и надпись, означающая, что домъ принадлежитъ купцу такому-то. Вдругъ, совершенно неожиданно между такими домами показывается очень красивый двухъэтажный домъ, съ легкими балконами, весь украшенный рѣзь-

бой, не то въ русскомъ, не то въ швейцарскомъ вкусѣ, окруженный рѣшеткой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Домъ этотъ принадлежитъ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; наружность улицы нисколько не выигрываетъ отъ этого изящнаго жилища, такъ какъ оно представляетъ слишкомъ рѣзкій контрастъ съ окружающими постройками, которыя показываются еще неряшливѣе отъ такого сосѣдства.

Послѣ двухъ-трёхъ поворотовъ улица обрывается на высокомъ, скалистомъ берегу Днѣстра; отсюда ведетъ внизъ небольшая извилистая тропинка, пролегающая по уступамъ скалъ, напоминающимъ крутую лѣстницу. У подножія скалъ тянется узкая низменная береговая полоса, покрытая пескомъ и небольшими, закругленными камешками, выброшенными водой. По склону горы лѣпятся нѣсколько маленькихъ домиковъ, а на вершинѣ, на самомъ удобномъ мѣстѣ для наблюденія, откуда открывается прекрасный видъ далеко вверхъ и внизъ по рѣкѣ, находится квартира станового, которому отсюда очень удобно наблюдать движеніе по рѣкѣ. Самое мѣстечко расположено при впаденіи р. Жванчика въ Днѣстръ, на высокомъ полуостровѣ, образованномъ теченіемъ этихъ двухъ рѣкъ. Обѣ онѣ прорыли себѣ очень глубокія, узкія долины съ почти отвѣсными скалистыми берегами, на которыхъ обнажаются мѣстныя каменныя породы.

Въ юго-западной сторонѣ мѣстечка, при устьѣ Жванчика, находится единственный сколько нибудь пологій спускъ къ рѣкѣ, годный для проѣзда экипажей. Здѣсь проложена улица, по которой происходитъ главное торговое движеніе между рынкомъ и берегомъ. Отъ устья Жванчика Днѣстръ дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ мѣстѣ находится обширная, весьма удобная пристань; здѣсь сортируется и распиливается получаемый по рѣкѣ изъ Галичины лѣсъ, связывается въ плоты, которые сплавляются внизъ по Днѣстру большею частью нагруженные какими нибудь товарами. Не смотря на большую разговорчивость мѣстныхъ жителей, которая подчасъ сильно надоѣдаетъ, намъ почти ничего не удалось узнать о торговлѣ мѣстечка; на всѣ распросы вамъ отвѣчаютъ, что каждый изъ обывателей ведетъ торговлю лѣсомъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, что на плотахъ или галерахъ иногда сплавляются разные товары, между прочимъ съ недавняго времени отправляются

въ Австрію большіе транспорты фосфоритовъ, которые скупаются въ разныхъ мѣстахъ Подолья австрійскими агентами.

Тотчасъ за лѣсной пристанью, внизъ по теченію находится перевозъ изъ нѣсколькихъ плохихъ паромовъ; еврей за переправу беретъ съ разныхъ лицъ различно, смотря по пассажиру, хотя, разумѣется, »свого не подаруе«; прислуга на паромахъ вся соетоитъ изъ мѣстныхъ крестьянъ—украинцевъ и молдованъ. На берегу у перевоза—маленькая лавочка и вмѣстѣ шинокъ, въ которомъ торгуетъ еврей. Осмотрѣвши пристань, подымаетесь тропинкой на гору, откуда открывается прекрасный видъ на окрестности: на право, вверхъ по рѣкѣ, берега Днѣстра сначала нѣсколько понижаются, дальше на горизонтѣ обрисовываются нѣсколько вершинъ; между ними замѣчается группа деревьевъ—это галицкая граница; здѣсь расположено пограничное галицкое село Околы св. Троицы. Прямо противъ Жванца на бессарабскомъ берегу, который въ этомъ мѣстѣ значительно ниже подольскаго и весьма полого спускается къ рѣкѣ, расположено большое село Атаки, съ красивыми бѣлыми хатами, утопающими въ зелени, и церковью по срединѣ села. На лѣво, внизъ по Днѣстру, на подольскомъ берегу среди садовъ виднѣется село Брага, а противъ него, въ томъ мѣстѣ, гдѣ повышается бессарабскій берегъ и его возвышенность ближе подходитъ къ водѣ,—городъ Хотинъ со своей грандіозной крѣпостью, которая привлекаетъ все вниманіе зрителя. Глядя на эту громаду, созданную человѣческими руками и производящую и теперь еще подавляющее впечатлѣніе, вспоминается историческая судьба крѣпости и вмѣстѣ съ ней исторія цѣлаго края, для котораго та служила оплотомъ. Только тяжелое чувство могутъ вызвать историческія воспоминанія, соединенныя съ хотинской крѣпостью, и какимъ ничтожнымъ кажется жванецкій замокъ передъ этимъ великаномъ, который пережилъ свою славу и теперь стоитъ, всѣми оставленный и забытый, и долго еще, даже въ развалинахъ, будетъ разказывать позднѣйшимъ поколѣніямъ о той борьбѣ различныхъ культуръ, которой онъ былъ центромъ, и на долго еще останется весьма замѣчательнымъ памятникомъ строительнаго искуства.—Наступившія сумерки, освѣтившія на минуту яркими красками громадную стѣну и рядъ красивыхъ скалъ съ широкой извилистой рѣкой у ихъ подножья, вскорѣ скрыли отъ насъ прелестную картину. Надъ рѣкой поднялся

туманъ, кое гдѣ на плотахъ показались огоньки, отражаясь въ водѣ, и напомнили намъ, что пора уже подумать объ отдыхѣ и приготовленіяхъ къ предстоявшей на завтра экскурсіи.

Слѣдующій день мы хотѣли начать съ осмотра жванецкаго замка и пещеры и затѣмъ сдѣлать прогулку въ Хотинъ и Брагу.

Замокъ находится въ западной части мѣстечка и путь къ нему лежитъ чрезъ рынокъ, день случился базарный и вся площадь, буквально запруженная народомъ такъ, что протолпиться было трудно, представляла очень оживленное и оригинальное зрѣлище. Выбравшись наконецъ изъ толпы, мы направились къ р. Жванчику и, пройдя 2—3 кривыхъ узкихъ переулка, вышли на пустырь, гдѣ и возвышаются развалины замка. Укрѣпленіе это расположено на высокомъ, скалистомъ, почти отвѣсномъ берегу р. Жванчика; оно имѣетъ видъ пятиугольника, обведеннаго со стороны мѣстечка довольно глубокимъ рвомъ, который заросъ крапивою и другими сорными травами, такъ-же какъ и внутренность крѣпости, представляющая довольно жалкій видъ. Стѣны изнутри укрѣплены валами, подъ которыми находятся обширные погреба и склады, частью уже обрушившіеся; одинъ изъ такихъ обваловъ, случившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, образовалъ весьма значительное котловидное углубленіе внутри крѣпостнаго двора. Круговая стѣна, построенная на вершинѣ насыпного вала, сложена изъ тесаннаго камня, скрѣпленнаго цементомъ; верхняя ея часть постоянно осыпается,—вообще постройка не носитъ того характера прочности и внушительности, какой мы привыкли видѣть въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ. На каждомъ углу стояла башня и только въ этихъ мѣстахъ стѣна достигаетъ двухъ аршинъ въ толщину. Въ замокъ съ разныхъ сторонъ ведутъ нѣсколько воротъ. Въ передней части замка, въ стѣнѣ надъ главными воротами, сохранились слѣды какой-то пристройки, вѣроятно двухъ-этажнаго жилого помѣщенія. Въ настоящее время уцѣлѣли три башни съ бойницами и зубчатымъ верхомъ, двое въѣзжихъ воротъ и почти вся круговая стѣна, хотя верхушка ея во многихъ мѣстахъ разрушена и только мѣстами сохранились остатки бойницъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Больше всего пострадала восточная сторона: тутъ стѣна почти совершенно разрушена, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно пройти въ замокъ сквозь образовавшееся отверстіе. Вообще нужно замѣтить, что жванецкій замокъ

не поражаетъ зрителя ни размѣрами, ни прочностью укрѣпленій и, при сравненіи съ хотинской крѣпостью, производитъ чрезвычайно ничтожное впечатлѣніе—совершенно какъ будто игрушечный домикъ, поставленный рядомъ съ настоящимъ. Можно только удивляться чрезмѣрному патріотизму польскихъ писателей, которые посѣщали Жванецъ, при чемъ разумѣется не могли не видѣть Хотина, и которые съ большимъ апломбомъ изображаютъ неприступнымъ жванецкій замокъ, приводя въ доказательство своего мнѣнія тотъ фактъ, что даже турки, въ періодъ найбольшаго своего могущества, не пытались никогда овладѣть этимъ замкомъ, а вмѣсто того старались укрѣпиться въ болѣе отдаленныхъ центрахъ, какъ Паневцы, Каменецъ и др. Мнѣ кажется, что безпристрастный наблюдатель не можетъ признать это мнѣніе справедливымъ: при одномъ взглядѣ на обѣ крѣпости, расположенныя почти другъ противъ друга, всего на разстояніи 3— 4 верстъ, становится очевиднымъ, что, находясь съ большими силами въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, хотинскій паша, если не по праву, то на дѣлѣ, могъ распоряжаться въ Жванцѣ по своему усмотрѣнію и если турки не пытались овладѣть этимъ замкомъ, то вовсе не потому, чтобы это представляло большія затрудненія, а вѣрнѣе потому, что въ томъ не было никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что при приближеніи турокъ гарнизонъ обыкновенно, не ожидая враговъ, самъ очищалъ замокъ. При томъ-же самая удобная переправа черезъ рѣку находится не у Жванца, а у Браги противъ Хотина. Въ случаѣ необходимости, турки могли просто перейти на подольскій берегъ и безъ всякаго опасенія оставить въ сторонѣ замокъ, никогда не обладавшій большими гарнизонами. Наконецъ извѣстно, что во время 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи Жванецъ принадлежалъ имъ на равнѣ съ прочими крѣпостями и замками. Нѣсколько ниже замковой стѣны, подъ одной изъ башенъ, въ отвѣсномъ высокомъ берегу р. Жванчика, виднѣется четырехъугольное отверстіе, вырубленное въ скалѣ. Это и есть извѣстная жванецкая пещера, весьма древняя; въ настоящее время входъ въ нее со стороны рѣки оказывается совсѣмъ невозможнымъ вслѣдствіе вертикальныхъ обваловъ скалы. На сколько можно разсмотрѣть издали, стѣны и потолокъ пещеры имѣютъ видъ корридора, вытесаннаго въ скалѣ; повидимому она подновлена поляками и сообщалась съ внутренностью замка посредствомъ подзем-

ныхъ ходовъ. У подножія скалы, въ которой находится пещера, при впаденіи въ Жванчикъ маленькой рѣчки Вильшанки, устроена большая каменная мельница, возлѣ нея на горѣ—огромные склады; мельница принадлежитъ евреямъ, а работаютъ на ней крестьяне. Возлѣ мельницы чрезъ Жванчикъ перекинутъ легкій деревянный мостикъ, вѣрнѣе »*кладка*«, отъ котораго идетъ дорога къ пограничному селу Исаковцы на Днѣстрѣ. По ту сторону Жванчика идетъ цѣлая улица изъ прекрасныхъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ садами, составляющая какъ-бы продолженіе мѣстечка. За нею тянется низменный песчаный мысъ, вдающійся клиномъ между двухъ рѣчекъ, поросшій лозою и болотными растеніями; дно здѣсь чрезвычайно мелко, черезъ рѣчку переложено нѣсколько камней, по которымъ можно перейти на другой берегъ, не замочивши ногъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ мѣстечкомъ, остается сказать нѣсколько словъ о его исторіи, представляющей много весьма интересныхъ и подчасъ трагическихъ эпизодовъ.

Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени первоначальнаго заселенія Жванца,—имя это встрѣчается первый разъ въ документахъ, относящихся къ первой половинѣ XV в. Король Ягайло, занявшійся съ большимъ усердіемъ раздачей русскихъ земель польскому дворянству на ленномъ правѣ, грамотой 1431 г. отдалъ въ собственность рыцарю Свычкѣ изъ Ленчины пространство земли по берегу Днѣстра, приблизительно отъ Збруча до р. Жванчика. Въ документѣ не указано, была-ли эта мѣстность заселенная или пустопорожняя, но уже упоминается она подъ именемъ Жванца. Къ концу XV в. закончилась колонизація этого уголка и вокругъ Жванца группировалось еще 6—7 селъ, такъ что цѣлое помѣстье, такъ называемыя »добра жванецкія«, заняло нѣсколько десятковъ кв. верстъ. Въ теченіи четырехъ столѣтій, 1431—1830 гг., оно составляло нераздѣльную собственность одного владѣльца и только съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія раздробилось между нѣсколькими владѣльцами. За это время добра жванецкія нѣсколько разъ переходили въ собственность того или другаго знатнаго рода, при чемъ нѣкоторые изъ владѣльцевъ особенно заботились объ устройствѣ имѣнія. Благодаря ихъ стараніямъ, Жванецъ уже въ половинѣ XVI в. считается весьма значительнымъ населеннымъ пунктомъ. Около этого времени онъ переходитъ въ собственность рода Калиновскихъ, одного изъ

богатѣйшихъ дворянскихъ родовъ юго-западнаго края, котораго представители очень быстро успѣли обогатиться путемъ выпрашиванія у короля жалованныхъ грамотъ на огромные участки малозаселенныхъ земель въ русскихъ областяхъ.

Въ царствованіе Сигизмунда III въ началѣ XVII в. Валентій Калиновскій, генералъ подольскій, въ силу общепринятаго тогда обычая, укрѣпилъ Жванецъ замкомъ, развалины котораго сохранились и понынѣ на высокомъ берегу Жванчика. Трудно сказать, что имѣлось въ виду при постройкѣ укрѣпленія: было-ли оно воздвигнуто съ цѣлью обороны пограничнаго мѣстечка, или-же просто потому, что знатному дворянину нельзя было жить иначе, какъ въ замкѣ. Кажется послѣднее вѣрнѣе, потому что расположенный вблизи грозной хотинской крѣпости, обладавшей весьма сильнымъ турецкимъ гарнизономъ, скромный жванецкій замокъ не могъ служить серьёзнымъ оплотомъ противъ турокъ, какъ-то пытаются доказать мѣстные польскіе ученые. Какъ-бы тамъ ни было, но благодаря укрѣпленію, гарантировавшему жителей отъ внутреннихъ неурядицъ и тревогъ въ краѣ, населеніе Жванца съ этого времени начинаетъ быстро увеличиваться и возвышается торговое значеніе мѣстечка, благодаря его выгодному положенію вблизи границы и при одной изъ лучшихъ пристаней на Днѣстрѣ.

Вскорѣ Жванецъ, въ силу семейныхъ счетовъ, перешелъ въ родъ Ланцкоронскихъ и тогда постигло его первое общественное бѣдствіе—онъ подвергся полному разоренію со стороны польскихъ войскъ, никогда не отличавшихся порядкомъ и дисциплиной. Въ августѣ 1621 г., во время извѣстной хотинской войны, въ которой козацкое войско принимало участіе въ качествѣ союзниковъ польскаго правительства, союзныя войска остановились у Жванца, разсчитывая здѣсь переправиться черезъ Днѣстръ. Предводительствовалъ козаками гетманъ Сагайдачный; польское войско, по обычаю, шло подъ начальствомъ обоихъ гетмановъ, великаго и польнаго. Въ то время, какъ Сагайдачный съ козаками занятъ былъ устройствомъ переправы у с. Браги, гдѣ строился временный мостъ подъ руководствомъ русскаго крестьянина, польское войско, состоявшее изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, скучало бездѣйствіемъ, съ завистью поглядывая на богатое мѣстечко, недавно лишившееся своего законнаго защитника за смертью Калиновскаго. По окончаніи

моста, едва только успѣли перейти на тотъ берегъ козаки, а за ними передовые польскіе отряды и все начальство, какъ какой-то охотникъ до чужого имущества, пользуясь удобнымъ случаемъ, распустилъ въ остальномъ войскѣ слухъ, будто гетманы приказали снести мѣстечко. Недленно всѣ обозные слуги, пѣхота и всевозможный сбродъ, наполнявшій ряды польскаго войска, всѣ эти элементы, жадные на легкую добычу, съ такимъ усердіемъ и поспѣшностью бросились исполнять мнимый приказъ, что въ самое короткое время Жванецъ былъ дочиста разграбленъ и нѣсколько окрестныхъ селъ снесены до основанія. Для усмиренія разбоя и грабежа явился польный гетманъ Любомирскій съ прочими начальниками и хотя, послѣ разслѣдованія дѣла, нѣсколько зачинщиковъ были казнены, чѣмъ возстановленъ порядокъ въ войскѣ, но для облегченія участи мѣстечка ничего не было сдѣлано. Вскорѣ послѣ погрома Жванецъ перешолъ во владѣніе Ланцкоронскихъ, и новый владѣлецъ начинаетъ заботиться о благосостояніи мѣстечка, возстановляетъ замокъ и исправляетъ поврежденія, причиненныя грабежомъ. Король Владиславъ IV, видѣвшій лично бѣдственное положеніе мѣстечка и понимавшій его пограничное значеніе, возстановилъ грамоту, въ силу которой Жванецъ получаетъ магдебургское право, право торговъ и ярмарокъ въ установленные дни и сверхъ того гербъ и магистратскую печать.

Не успѣлъ Жванецъ оправиться отъ перваго погрома, какъ черезъ семь лѣтъ онъ снова становится центромъ вооруженнаго столкновенія. Послѣ извѣстной битвы подъ Батогомъ, въ которой польская армія съ гетманомъ Калиновскимъ была совершенно разбита и уничтожена козаками, король Янъ Казиміръ съ 30,000 войскомъ, состоявшимъ большею частью изъ наемныхъ венгерскихъ и волошскихъ полковъ, остановился у Жванца, желая отрѣзать Хмельницкому возможность сношеній съ Молдавіей. Самъ король съ старшинами и частью войска, составляющей стражу, поселился въ замкѣ; остальное войско расположилось на высокой равнинѣ надъ с. Брагой, противъ Хотина, и здѣсь укрѣпило свой лагерь земляными валами. Въ настоящее время это мѣсто занято пахатными полемъ валы почти совершенно разпаханы и отъ прежняго укрѣпленія едва сохранились самые ничтожные слѣды. Польское войско бездѣйствовало подъ Жванцемъ въ то время, какъ союзники Хмельницкаго

Татары протянулись линіей по всей Подоліи, Польшѣ и Галичинѣ до Львова, чтобы отрѣзать королю обратный путь, и грабили занятыя ими области. Между тѣмъ подошелъ ноябрь, наступили холода, а вмѣстѣ съ ними и недостатокъ жизненныхъ припасовъ. Войско роптало на недостатокъ въ пищѣ и неуплату жалованья и хотя король рѣшился расплачиваться собственной казной, но продовольствія и за деньги нельзя было достать; люди и лошади начали умирать отъ голода и холода. Въ тоже время начались въ польскомъ лагерѣ повальныя болѣзни, которыя послужили сигналомъ къ бѣгству: не смотря ни на какія увѣщанія и строгія мѣры противъ дезертировъ, польскіе солдаты цѣлыми массами оставляютъ лагерь; ихъ примѣру слѣдуютъ венгры и волохи, такъ что еще до первой встрѣчи съ непріятелемъ, король съ остатками войска очутился въ самомъ грустномъ положеніи. Приходилось жить чуть не подаяніемъ, довольствуясь тѣми припасами, какіе по временамъ присылались молдавскимъ логофетомъ и хотинскимъ пашею изъ любезности. Узнавши о приближеніи крымскаго хана съ ордой, король совсѣмъ потерялъ голову,—начинаются безпрерывные военные совѣты, однѣ рѣшенія быстро смѣнялись другими: о сопротивленіи никто и не думалъ и почти всѣ проэкты сводились къ одному, что нужно подкупить татаръ и заручившись поддержкой съ ихъ стороны, кончить дѣло договоромъ съ козаками. Самъ король до того растерялся, что пытался тайкомъ бѣжать изъ лагеря съ немногими приближенными, но остальные узнали объ этомъ и не пустили его.

Наконецъ подошелъ Хмельницкій съ татарами, разсчитывая путемъ продолжительной осады принудить короля къ сдачѣ. При вѣсти о его приближеніи страшная паника произошла въ лагерѣ; бѣгство польскихъ солдатъ достигло ужасающихъ размѣровъ, такъ что у короля едва осталось около 11,000 человѣкъ. Большая часть бѣглецовъ была захвачена татарами на пути въ Каменецъ. Наконецъ Жванецъ былъ осажденъ, голодъ и смертность въ немъ достигли крайнихъ предѣловъ. Король вошелъ въ переговоры съ ханомъ, заплатилъ татарамъ огромную контрибуцію 100,000 червонныхъ и сверхъ того обязался платить имъ ежегодную дань и позволялъ имъ брать ясыръ въ польскихъ областяхъ, но исключительно изъ русскихъ жителей. Послѣ того, 15 декабря 1653 г.,

заключенъ съ козаками жванецкій договоръ, подтверждавшій всѣ зборовскія статьи.

На другой-же день король уѣхалъ во Львовъ, не думая объ исполненіи договора; остатки его арміи составили нѣсколько мелкихъ отрядовъ, которые должны были преградить татарамъ путь въ Польшу и въ Каменецъ, но не смотря на это, татары разсыпались по всему Подолью и совершенно разграбили нѣсколько селъ и мѣстечекъ, жители которыхъ были уведены въ Крымъ.

Послѣ того наступилъ для Жванца новый промежутокъ спокойствія, хотя и продолжительнѣе перваго, но недостаточно длинный для того, чтобы дать возможность мѣстечку оправиться и возвратить прежнее благосостояніе. Въ 1672 г. султанъ Магометъ IV съ огромнымъ войскомъ предпринялъ походъ съ цѣлью овладѣть Каменцемъ, а за нимъ и цѣлымъ Подольемъ. Отправляясь подъ Каменецъ, султанъ у Жванца переправился на подольскій берегъ и едва только окружилъ мѣстечко, какъ польскій гарнизонъ безъ одного выстрѣла сдалъ замокъ, въ которомъ султанъ поставилъ сильный турецкій гарнизонъ. Не смотря однако на этотъ фактъ, занесенный даже въ польскіе источники, историки польскіе настойчиво утверждаютъ, что турки никогда не осмѣливались завладѣть сильнымъ жванецкимъ замкомъ. У Жванца турецкая армія соединилась съ поджидавшимъ ее здѣсь козацкимъ войскомъ Дорошенка, помогавшимъ ей въ занятіи Каменца, и затѣмъ разсыпалась по всей Подоліи, овладѣвая всѣми укрѣпленными мѣстами и оставляя въ нихъ свои гарнизоны. Съ этого времени Жванецъ остается въ рукахъ турокъ во все время, пока продолжалось ихъ владычество въ Подоліи, не смотря на многочисленныя попытки поляковъ овладѣть этимъ пограничнымъ пунктомъ, въ которомъ находилась одна изъ наиболѣе удобныхъ переправъ черезъ Днѣстръ.

Въ слѣдующемъ году, во время хотинской битвы Яна Собѣскаго, жванецкій замокъ служитъ мѣстомъ заключенія каменецкихъ мѣщанъ, арестованныхъ турецкимъ пашею.

Съ этого времени до начала XVIII ст. Жванецъ принадлежалъ туркамъ, но большинство жителей разбѣжалось и все его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ еврейскихъ семействъ, производившихъ торговлю лѣсомъ, и небольшаго количества крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ. Послѣ стольнихъ военныхъ погромовъ

и замокъ, и мѣстечко лежали въ развалинахъ и представляли чрезвычайно жалкій видъ.

Въ 1690 г., въ силу карловицкаго трактата, турки очистили Подолье. Съ этого времени прекращается ихъ господство и въ Жванцѣ, который начинаетъ заново населяться; кромѣ прежнихъ жителей, мѣщанъ и крестьянъ, возвратившихся въ мѣстечко, является масса новыхъ колонистовъ изъ Червоной Руси. Благодаря выгодному положенію на одной изъ лучшихъ днѣстровскихъ пристаней, здѣсь поселяются въ большомъ количествѣ греки и армяне, занявшіеся торговлей подъ гарантіей магдебургскаго права; они быстро подняли торговлю и промышленность до весьма значительнаго уровня. Явились и прежніе владѣльцы Ланцкоронскіе, занявшіеся обновленіемъ замка, лежавшаго въ развалинахъ.

Періодъ благосостоянія Жванца продолжается приблизительно до 1768 г. Армяне и греки ведутъ обширную торговлю венгерскими винами, красными товарами, солью, сушеной рыбой, хлѣбомъ и строевымъ лѣсомъ. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Жванцѣ, въ 1699 г., армяне выстроили большой каменный костелъ, существующій и понынѣ; теперь онъ перешелъ въ руки поляковъ. Около половины XVIII в. съ большими усиліями удалось и полякамъ построить себѣ деревянный костелъ, но онъ просуществовалъ не долго.

Въ 1768 г. Жванецъ снова становится театромъ военныхъ столкновеній и подвергается новому разоренію. Зимою этого года нѣкоторые изъ предводителей барской конфедераціи, успѣвшіе спастись послѣ взятія Бара русскими войсками, разсѣялись со своими отрядами по границамъ Подолья и Молдавіи, всюду захватывая въ свои руки укрѣпленные замки. Основавши главную квартиру въ Хотинѣ, подъ защитой хотинскаго паши, два отряда подъ начальствомъ братьевъ Пулавскихъ заняли Окопы св. Троицы и Жванецъ вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ селами, съ цѣлью организовать здѣсь серьёзную защиту.

Однако, при первомъ столкновеніи съ русскими войсками, конфедераты, вытѣсненные изъ жванецкихъ окоповъ, заперлись въ замкѣ, при чемъ для своей безопасности нашли нужнымъ сжечь ближайшіе къ замку дома, въ томъ числѣ и польскій костелъ. Такимъ образомъ уничтожена значительная часть мѣстечка, но эта мѣра насколько не облегчила защиты: послѣ нѣсколькихъ дней осады,

храбрые конфедераты, въ количествѣ 400 человѣкъ кавалеріи и около 40 янычаръ, явившихся съ разрѣшенія хотинскаго паши, ночью вышли изъ замка со стороны р. Жванчика, спустились съ крутого, почти отвѣснаго берега, считавшагося неприступнымъ и потому не занятаго русской стражей, перешли по льду на правый берегъ Днѣстра и разсѣялись въ Бессарабіи.

Въ маѣ слѣдующаго года, Жванецъ испыталъ новое бѣдствіе: на него напали турки съ татарами, разграбили и опустошили какъ беззащитное мѣстечко, такъ и окрестныя села; множество жителей погибло, въ томъ числѣ и настоятель польскаго костёла, остальные спаслись бѣгствомъ въ болѣе отдаленныя мѣста.

Ко всѣмъ этимъ несчастьямъ прибавилось еще одно, общее для всего подольскаго края: чума, занесенная изъ Турціи и памятная цѣлому Подолью, истребила огромное большинство жителей Жванца, такъ что послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій мѣстечко представляло чрезвычайно жалкій видъ. Кладбище, на которомъ похоронены зачумленные, лежитъ на берегу Днѣстра, при устьи Жванчика, откуда начинается дорога въ Исаковцы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лѣсная пристань. До недавняго времени православные жители мѣстечка въ Троицынъ день являлись сюда съ процессіей молиться объ умершихъ, но теперь этотъ обычай оставленъ.

О крайнемъ разореніи мѣстечка свидѣтельствуетъ сеймовое постановленіе 1775 г., въ силу котораго дается жителямъ на 12 лѣтъ льгота отъ всевозможныхъ повинностей и уплатъ въ пользу казны, для того чтобы поднять изъ развалинъ мѣстечко, оживить торговлю и возвратить прежнее благосостояніе. Но эта мѣра оказалась безсильною: большая часть грековъ и армянъ переселились въ другія мѣста, остальные смѣшались съ мѣстнымъ шляхетскимъ элементомъ и, усвоивши его бытъ, оставили свои прежнія занятія.

Въ военно-административномъ отношеніи, какъ укрѣпленный пунктъ, Жванецъ обыкновенно, т. е. въ то время когда имъ владѣли поляки, находился въ вѣдѣніи регимментаря подольскаго. Въ концѣ 1777 г. онъ поступаетъ подъ непосредственное начальство коменданта каменецкаго и получаетъ значеніе пограничнаго форпоста съ небольшимъ отрядомъ кавалеріи въ качествѣ гарнизона, подъ начальствомъ хорунжаго. Этотъ послѣдній игралъ скорѣе наблюдательную роль: его главной обязанностью было извѣщать высшія

власти о движеніяхъ турецкихъ войскъ въ Хотинѣ, о появленіи повальныхъ болѣзней на берегахъ Днѣстра и т. д. Сверхъ того въ обязанности хорунжаго входило: 1) поддерживать мирныя сосѣдскія отношенія съ хотинскимъ пашею и 2) наблюдать за другими польскими отрядами, расквартированными вдоль по теченію Днѣстра и охранять всѣ броды и перевозы черезъ рѣчку отъ Жванца до Могилева.

Какъ пограничный пунктъ, Жванецъ былъ мѣстомъ, гдѣ публиковались съ большой торжественностью всѣ важнѣйшія перемѣны, происшедшія въ краѣ и доводившіяся до свѣдѣнія сосѣдней державы. Такъ напримѣръ здѣсь объявляли объ избраніи новаго короля, при чемъ хотинскій паша приносилъ поздравленія коменданту; въ свою очередь и поляки платили такою-же любезностью при восшествіи на престолъ новаго султана и т. д. Такъ какъ существованіе жванецкаго замка всецѣло зависѣло отъ поддержанія мирныхъ сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ правительствомъ, то польскія власти старались устранить всѣ малѣйшіе поводы къ столкновенію; такъ напримѣръ, если хорунжій не могъ поладить съ хотинскимъ пашею, или почему нибудь не нравился ему, то немедленно замѣнялся другимъ. Главной обязанностью хорунжаго было именно поддержаніе сосѣдскихъ отношеній съ турецкимъ губернаторомъ. Въ документахъ сохранилось много примѣровъ взаимной любезности между сосѣдями. Такъ напримѣръ, поляки, желая доказать свою справедливость передъ невѣрными, всѣ приговоры надъ подолянами за преступленія, совершенныя ими на молдавской территоріи, приводили въ исполненіе на высокомъ берегу Днѣстра въ виду Хотина. D-r Antoni J. приводитъ весьма характерный примѣръ подобной любезности—казнь одного шляхтича за убійство турка, сопровождавшуюся цѣлымъ ритуаломъ, за исполненіемъ котораго турки слѣдили съ другого берега. Вѣроятно и паша, съ своей стороны платилъ такою-же учтивостью. — Вообще исторія Жванца, исполненная трагизма, представляетъ въ тоже время много весьма оригинальныхъ эпизодовъ, которые очень живо переносятъ насъ въ эпоху польскаго владычества, отличавшагося характеромъ крайняго своеволія и самодурства, не лишеннаго по временамъ и комическихъ выходокъ.—Такъ напримѣръ, въ то время, какъ въ Жванцѣ уже существовала православная церковь и армянскій

костелъ, не было польскаго костела, не было и средствъ для его сооруженія. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ епископъ каменецкій, Сигизмундъ Чижевскій, возъимѣлъ блестящую мысль—обязать къ постройкѣ костёла еврейскую общину въ Жванцѣ. Предлогомъ къ тому послужила торжественная процессія, устроенная будто мѣстными евреями съ большимъ парадомъ; шествіе открывалъ старый еврей, несшій подъ балдахиномъ какое-то священное изображеніе; за нимъ слѣдовала огромная масса народа съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ. Въ такомъ видѣ процессія прошла черезъ рынокъ, украшенный свѣжими деревьями и усѣянный цвѣтами и душистыми травами.—Религіозное чувство благочестиваго епископа было возмущено подобнымъ фактомъ и, въ наказаніе за дерзость, епископскій судъ (22 апрѣля 1663 г.) приговорилъ старѣйшихъ изъ евреевъ къ тюремному заключенію на 1 годъ и 6 недѣль, всѣхъ-же остальныхъ—къ штрафу въ 16,100 злотыхъ, которые должны быть употреблены на постройку костела. Къ счастью для евреевъ, набожный епископъ вскорѣ умеръ, не дождавшись исполненія приговора. Изъ того-же приговора узнаемъ еще одну интересную подробность, а именно: въ данное время Жванецъ, составлявшій собственность Ланцкоронскаго, находился въ арендѣ у еврея Емануэля.

Съ теченіемъ времени Жванецъ все больше и больше теряетъ свое прежнее значеніе торговаго пограничнаго пункта и пріобрѣтаетъ общій характеръ подольскаго мѣстечка—характеръ промышленнаго, культурнаго и административнаго центра для весьма небольшаго района. Хотя послѣ присоединенія Подолья къ Россіи въ Жванцѣ были устроены таможня и карантинъ, но эти учрежденія ни мало не способствовали процвѣтанію промышленности и, послѣ присоединенія Бессарабіи, были упразднены въ 1812 г., просуществовавши всего 17 лѣтъ. Мѣстечко все больше и больше приходитъ въ упадокъ; въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія оно составляетъ собственность нѣсколькихъ владѣльцевъ; въ 1842 оно было пріобрѣтено казной для проэктируемой постройки цѣлой системы пограничныхъ укрѣпленій, но проэктъ не былъ приведенъ въ исполненіе и Жванецъ остался въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ. До начала работъ многіе изъ жителей были разселены въ

сосѣднія села, преимущественно въ Гавриловцы, что еще больше способствовало уменьшенію населенія.

Въ настоящее время въ Жванцѣ считается до 3,000 жителей; большинство составляютъ евреи, меньшинство—православные малороссы и незначительную часть—католики. Евреи торгуютъ хлѣбомъ, лѣсомъ и т. д., держатъ перевозъ на Днѣстрѣ и занимаются самыми доходными промыслами. Остальное населеніе живетъ земледѣліемъ и ремеслами.

Наибольше выгодъ доставляетъ лѣсная торговля, которою занято почти все еврейское населеніе Жванца. Евреи закупаютъ лѣсъ, сплавляемый сюда изъ Галичины,—большею частью дубъ, сосну и букъ, сортируютъ его, вяжутъ въ плоты или тутъ-же на пристани распиливаютъ въ доски, изъ которыхъ строятъ лодки и »галяры«—особыя плоскодонныя суда въ видѣ четырехъ угольныхъ ящиковъ, на подобіе парома съ высокими бортами, которыя встрѣчаются на всемъ протяженіи Днѣстра до моря; суда эти отличаются большой ёмкостью. Плоты и галяры представляютъ единственное средство передвиженія на Днѣстрѣ, вслѣдствіе мелководія этой рѣки; они нагружаются хлѣбомъ, лѣсомъ и другими товарами, которые доставляются такимъ путемъ во всѣ днѣстровскія пристани до самыхъ Маякъ. Торговля находится въ рукахъ евреевъ, но рабочими на пристани и на судахъ служатъ мѣстные крестьяне.

Въ лѣтнее время населеніе увеличивается еще купальщиками, которые стекаются сюда въ значительномъ количествѣ по совѣту врачей, такъ какъ воды Днѣстра, проложившаго себѣ русло въ породахъ известковыхъ скалъ, считаются цѣлебными. Съ наступленіемъ лѣтняго сезона оживляется какъ торговая, такъ и общественная жизнь мѣстечка; является усиленный спросъ на продукты, сдѣлавшіеся предметами первой необходимости въ жизни культурныхъ классовъ. Сверхъ того является потребность и въ развлеченіяхъ. Во время нашего пребыванія въ Жванцѣ давались спектакли заѣзжей еврейской труппой; афишъ разумѣется не было; за отсутствіемъ театра, представленія давались въ одномъ изъ заѣздовъ. Намъ не удалось посѣтить этотъ импровизированный театръ, но, судя по разсказамъ, представленія шли на русскомъ языкѣ и зала была переполнена публикой, состоявшей какъ изъ представителей еврейскаго населенія, такъ и изъ скучающихъ купальщиковъ.

V.

Окопы св. Тройцы, исторія села.—Дорога въ Брагу.—Берегъ Днѣстра.—Брага.—Историческія свѣдѣнія.—Перевозъ.—Промыслы жителей.—Хотинъ.—Видъ города; крѣпость, базаръ, русскій городъ.

Изъ окрестностей Жванца больше всего привлекаетъ вниманіе зрителя съ южной стороны старая хотинская крѣпость и расположенное противъ нея на подольскомъ берегу Днѣстра с. Брага; затѣмъ прямо противъ Жванца, на низкомъ песчаномъ мысѣ, лежитъ село Атаки [1]) и наконецъ въ разстояніи 3—4 верстъ вверхъ по Днѣстру, на юго-западъ отъ Жванца, среди горъ бѣлѣютъ нѣсколько хатъ, окруженныхъ уступами деревьевъ; это—небольшое село Окопы св. Тройцы, лежащее уже на территоріи нынѣшней Галиціи. Село расположено на склонѣ высокаго длиннаго мыса, который образуется теченіемъ рѣкъ Днѣстра и Збруча, впадающаго въ этомъ мѣстѣ въ Днѣстръ.

Окопы св. Тройцы, входившіе прежде въ составъ Подолья, возникли позже другихъ подольскихъ поселеній. Мѣстность, на берегу судоходнаго Днѣстра, на самой границѣ польскихъ владѣній съ турецкими и румынскими, привлекла вниманіе Станислава Яблоновскаго, великаго коронпаго гетмана, какъ удобный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ. Во время турецкаго господства, король Янъ Казиміръ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ очистить край отъ турокъ, размѣстилъ въ ближайшихъ къ границѣ мѣстахъ небольшіе гарнизоны, которые должны были прекратить подвозъ припасовъ въ Каменецъ и прервать возможность сношеній непріятеля съ заграницей. Въ это время было построено нѣсколько новыхъ замковъ въ мѣстахъ, за которыми признавалось извѣстное стратегическое значеніе, въ томъ числѣ и въ углу при впаденіи р. Збруча, въ самомъ крайнемъ пограничномъ пунктѣ Рѣчи Посполитой. Въ теченіи шести недѣль отрядъ польскаго войска высыпалъ здѣсь валы и шанцы, укрѣпленные каменной стѣной, при чемъ распоряжался работами самъ коронный гетманъ.

---

[1]) Поселенія съ такимъ именемъ довольно часто встрѣчаются на бессарабскомъ берегу; онѣ всегда расположены какъ разъ напротивъ подольскаго города или мѣстечка.

Небольшое укрѣпленіе, наскоро сооруженное, получило громкое названіе: «*Окопы горы св. Тройцы—блокада Каменца Подольскаго*»; въ настоящее время оно называется въ народѣ просто Окопами. Станиславъ Яблоновскій былъ прилично вознагражденъ правительствомъ Рѣчи Посполитой за оказанную имъ услугу; но замокъ не выполнилъ, кажется, своего назначенія—служить для блокады Каменца.—Мы не знаемъ, когда именно возникло здѣсь поселеніе: были-ли Окопы св. Тройцы заселеннымъ пунктомъ раньше постройки замка, или жители начали селиться подъ защитой укрѣпленій, но въ концѣ XVII столѣтія мы уже встрѣчаемъ извѣстія о существовавшемъ здѣсь поселеніи. Въ 1700 г. укрѣпленіе превращено въ мѣстечко привилегіей короля Августа II, надѣлившаго его магдебургскимъ правомъ, съ извѣстнымъ числомъ торговъ и ярмарокъ и т. д.; сверхъ того мѣщане освобождались въ теченіи десяти лѣтъ отъ всевозможныхъ податей и повинностей, какъ земскихъ, такъ и военныхъ. Военная служба, т. е. охрана границы, отбывалась особымъ гарнизономъ, принадлежавшимъ правительству. Но всѣ эти мѣры немного повліяли на развитіе благосостоянія мѣстечка. Вообще Окопы св. Тройцы не имѣли большаго значенія ни въ смыслѣ промышленнаго, или торговаго центра, ни въ смыслѣ укрѣпленнаго замка, не смотря на выгодное, повидимому, положеніе при самой границѣ, на берегу судоходной рѣки; гарнизонъ вскорѣ былъ выведенъ изъ замка, мѣстечко оставалось безжизненнымъ; укрѣпленія мало по малу приходили въ упадокъ и правительство нисколько не старалось вызвать поселеніе къ жизни. Разъ только, въ 1764 г., сеймъ ассигновалъ небольшую сумму на возстановленіе замка и валовъ и съ того времени совершенно оставилъ всякую заботу объ Окопахъ. Вѣроятно и послѣ ассигновки укрѣпленіе не было возстановлено, потому что въ 1770 г., когда Жванецъ, Паневцы и другіе пограничные замки заняты были барскими конфедератами, въ Окопахъ св. Тройцы на короткое время расположился небольшой отрядъ Казиміра Пулавскаго, заставшій здѣсь однѣ развалины и запустѣніе. Пулавскій нѣсколько реставрировалъ замокъ, въ которомъ пробылъ около 12 недѣль, и наконецъ былъ вытѣсненъ при первомъ штурмѣ русскимъ отрядомъ, одновременно съ конфедератами, занявшими жванецкій замокъ.

Послѣ раздѣла Рѣчи Посполитой, въ 1773 г. Окопы св. Троицы вошли въ составъ нынѣшней Галиціи, послѣ чего большая часть укрѣпленій была срыта австрійскими властями, устроившими въ мѣстечкѣ таможню и карантинъ. Въ настоящее время уцѣлѣла часть валовъ и стѣнъ, которые мало по малу разрушаются и временемъ, и жителями.

Въ двухъ верстахъ къ югу отъ Жванца, на берегу Днѣстра виднѣется небольшое село Брага, расположенное прямо противъ Хотина на подольской сторонѣ. Дорога въ Брагу идетъ по самому берегу Днѣстра, занимающему вдоль рѣки очень низкую и узкую полосу, всего нѣсколько сажень ширины; берегъ покрытъ толстымъ пластомъ разноцвѣтныхъ закругленныхъ камешковъ, выброшенныхъ рѣкою во время разливовъ; большинство этихъ галекъ состоитъ изъ кремней всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, снесенныхъ сюда водой изъ разныхъ мѣстъ, такъ какъ горы Подолья, состоящія большею частью изъ различныхъ известковыхъ и глинистыхъ породъ, чрезвычайно богаты кремнемъ. Низменная береговая полоса окаймлена съ правой стороны Днѣстромъ, съ лѣвой—возвышается сплошной стѣной каменная гора, около 40 сажень вышиною, служащая подпочвой для плоскогорной придиѣстровской равнины. Верхняя половина горы представляетъ рядъ отвѣсныхъ скалъ, изрѣдка поросшихъ тощей растительностью и напоминающихъ стѣны крѣпости или замка; ближе къ подножію, обрывъ становится болѣе пологимъ, благодаря осыпямъ камней и земли сверху. Во многихъ мѣстахъ высокій берегъ изрѣзанъ глубокими поперечными оврагами, вырытыми дождевой водой. По нимъ только и можно взбираться на гору, при чемъ подъ ногами осыпается постоянно земля и камни, такъ что приходится по два и три раза взбираться на одну и ту-же скалу. Дно овраговъ, также какъ и самый берегъ, усѣяно огромнымъ количествомъ кремневыхъ осколковъ, изъ которыхъ многіе напоминаютъ первобытныя орудія простѣйшей формы; между ними попадаются изрѣдка полированные каменные топорики, хотя намъ не посчастливилось найти ни одного.

Весь берегъ Днѣстра изрѣзанъ болѣе или менѣе глубокими заливами, отчего дорога вдоль берега чрезвычайно извилиста. При самомъ началѣ села Браги, дорога идетъ по цѣльной скалѣ, которая въ этомъ мѣстѣ образуетъ почву и, постепенно понижаясь,

переходитъ на дно рѣки и представляетъ очень удобное мѣсто для купанья.

Село, расположенное на южномъ склонѣ высокаго берега, состоитъ всего изъ двухъ рядовъ хатъ, которыя какъ-бы сбѣгаютъ съ горы къ Днѣстру. Посреди села небольшая церковь; садовъ мало, также какъ и въ Жванцѣ; причиной тому отчасти, можетъ быть каменистый грунтъ, въ которомъ трудно укорениться дереву, или, можетъ быть, и нелюбовь жителей къ занятію садоводствомъ, потому что на противуположномъ бессарабскомъ берегу такая-же каменистая почва и однако на ней растутъ и садовыя, и лѣсныя деревья; вся зелень въ селѣ состоитъ изъ однихъ огородныхъ растеній. На возвышенной равнинѣ, господствующей надъ селомъ, видны слѣды земляныхъ укрѣпленій, насыпанныхъ поляками во время войнъ XVI и XVII в., когда Брага на равнѣ съ Жванцемъ, Окопами и др. имѣла значеніе пограничнаго сторожевого пункта. Теперь городище почти совсѣмъ распахано, отъ него сохранились едва замѣтные остатки валовъ, окруженные рвомъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи, ближе къ почтовой дорогѣ, синѣетъ темная полоса лѣса — остатокъ бывшихъ *«жванецкихъ шанцъ»*.

Въ первый разъ съ своимъ настоящимъ именемъ Брага упоминается въ документахъ подъ 1595 г., какъ село, въ которомъ останавливался лагеремъ Замойскій, провожая господаря Іеремію Могилу на валашскій престолъ, и въ которомъ нѣсколько лѣтъ спустя собирались польскіе и валашскіе послы для заключенія договора, послѣ того, какъ сынъ Іеремін, не съумѣвшій удержаться на тронѣ, обратился къ покровительству Польши. Гетманъ Жолкевскій съ отрядомъ занялъ окопы на высотахъ надъ селомъ, а комиссары обоихъ державъ собирались на совѣщаніе вблизи укрѣпленій подъ его прикрытіемъ. Въ теченіи восьми дней, пока продолжались переговоры, въ Брагу ежедневно переправлялся изъ Хотина турецкій отрядъ, становившійся въ виду комиссаровъ, при чемъ поляки съ своей стороны выставляли такой-же отрядъ, а начальники ихъ щедро угощали турокъ водками и винами вопреки закону Магомета. Наконецъ договоръ былъ заключенъ; одна изъ его статей, относившихся къ Брагѣ, состояла въ томъ, что перевозъ у села, по давнимъ обычаямъ, остается въ общемъ пользованіи;

отсюда видно, что до того времени право перевоза одинаково принадлежало всѣмъ пограничнымъ народамъ, т. е. полякамъ, туркамъ и румынамъ.

Въ теченіи всего XVII в. Брага сохраняетъ значеніе такого пограничнаго пункта, куда съѣзжаются для переговоровъ послы изъ Подоліи и Румынскихъ господарствъ.

Во время хотинской кампаніи 1621 г., Брага получаетъ важное стратегическое значеніе, какъ ближайшій къ Хотину пунктъ на подольской территоріи. Воспользовавшись весьма удобной переправой черезъ Днѣстръ, гетманъ Сагайдачный устроилъ здѣсь мостъ и перевозъ черезъ рѣку для польско-козацкой арміи, которая пользовалась имъ во все время войны.

Въ продолженіи 27 лѣтняго господства турокъ въ Подоліи, село совершенно опустѣло, даже переправа почти перестала существовать, но послѣ удаленія турокъ, Брага, подобно другимъ оставленнымъ селамъ, весьма быстро колонизуется малорусскими поселенцами; жителей привлекала сюда близость Молдавіи, гдѣ не было крѣпостнаго права и куда легко было спасаться въ случаѣ притѣсненія отъ жванецкаго старосты, которому принадлежала Брага вмѣстѣ со многими другими селами.—Мы уже говорили выше, что здѣсь, на самомъ видномъ мѣстѣ противъ Хотина, происходилъ со стороны поляковъ обмѣнъ сосѣдскихъ любезностей съ турками въ видѣ казней преступниковъ, нанесшихъ вредъ туркамъ.

Съ 1769 по1792 г. Брага получаетъ значеніе русскаго почтоваго пункта; здѣсь стоялъ небольшой козацкій гарнизонъ, на обязанности котораго лежало пересылать корреспонденціи между Петербургомъ и Константинополемъ; тутъ-же останавливались русскіе послы, отправлявшіеся въ Турцію.

Въ настоящее время, также какъ и въ старину, въ Брагѣ существуетъ переправа черезъ Днѣстръ, состоящая изъ двухъ плохихъ паромовъ, которые здѣсь, какъ и въ Жванцѣ, да и повсемѣстно въ Подоліи, содержатся евреями, между тѣмъ какъ рабочими на нихъ являются крестьяне. Переправляясь изъ Браги въ Хотинъ, мы каждый разъ находили на берегу группы крестьянъ съ возами, въ ожиданіи парома, который не спѣшили подавать на ихъ зовъ. Изъ разговоровъ съ ними мы узнали, что жители Браги большею частью получили надѣлы на бессарабскомъ берегу, куда

отправляются на полевыя работы и откуда по нѣсколько разъ въ день возятъ снопы домой, при чемъ каждый разъ принуждены платить за переправу. Такой налогъ долженъ тяжело ложиться на крестьянское хозяйство. Здѣсь кстати отмѣтимъ одну особенность въ сельскихъ промыслахъ. По всему Подолью до береговъ Днѣстра крестьяне сѣютъ главнымъ образомъ различные сорта зерноваго хлѣба, горохъ и чечевицу, при чемъ пшеница идетъ въ продажу, а жито, гречка и др. потребляются на мѣстѣ. Но начиная отъ Жванца, по всему Днѣстровскому побережью сѣется преимущественно кукуруза, которая составляетъ главную пищу мѣстныхъ крестьянъ. Исключеніе представляютъ большія помѣщичьи имѣнія, гдѣ разводятся различные сорта хлѣба; но все это закупается евреями и сплавляется на плотахъ и галерахъ въ Одессу, или потребляется на мѣстныхъ винокурняхъ.—Изъ кукурузной муки больше всего приготовляютъ мамалыгу—особое молдованское кушанье, которое служитъ главной и постоянной пищей какъ бессарабскаго, такъ и подольскаго крестьянина. Кромѣ мамалыги, изъ кукурузы приготовляется особый сортъ хлѣба, такъ называемый »молай«, различныя лепешки и т. п. При каждой хатѣ находится одно или нѣсколько помѣщеній для склада кукурузы, сплетенныхъ изъ хвороста въ формѣ высокихъ цилиндрическихъ корзинъ (3—4 аршина вышиною), нѣсколько расширяющихся къ верху и закрывающихся остроконечной крышкой. Корзины эти очень удобно переносятся съ мѣста на мѣсто; въ каждой помѣщается около 10 возовъ кукурузы. По словамъ крестьянъ, 10—15 возовъ достаточно на прокормленіе небольшой семьи въ теченіе цѣлаго года, такъ какъ эта пища чрезвычайно сытная. Излишекъ зерна закупается евреями.

Хотя цѣлью нашей поѣздки было знакомство собственно съ Подольемъ, но разъ очутившись въ виду Хотина, нельзя было упустить случай осмотрѣть этотъ интересный бессарабскій городъ, первый, какой встрѣтился намъ на пути. Нужно замѣтить, что начиная отъ с. Атакъ (противъ Жванца), бессарабскій берегъ довольно быстро повышается, такъ что Хотинъ, отстоящій всего на разстояніи двухъ верстъ, расположенъ уже на довольно высокой горѣ, которая возвышается сплошною стѣной вдоль низменной и узкой береговой полосы.

Переправившись изъ Браги на другой берегъ, мы очутились у подножія старинной хотинской крѣпости, расположенной въ глубинѣ довольно значительнаго залива, какіе встрѣчаются постоянно по причинѣ частыхъ извилинъ рѣки. Въ крѣпость ведетъ узкая извилистая тропинка, круто подымающаяся по скаламъ и вся покрытая густымъ слоемъ щебня, который осыпается изъ развалинъ. Цитадель стоитъ на крутой возвышенности, которая со всѣхъ почти сторонъ отрѣзана отъ города чрезвычайно глубокимъ оврагомъ, сдвали не достигающимъ уровня Днѣстра и, повидимому, прорытымъ искусственно. Крѣпость, выстроенная генуэзцами, которые имѣли здѣсь факторію, и впослѣдствіи захваченная и значительно увеличенная турками, поражаетъ своею грандіозностью и необыкновенной прочностью постройки; до настоящаго времени сохранились почти цѣликомъ всѣ наружныя стѣны и башни, только внутреннія жилыя постройки большею частью разрушены. Цитадель имѣетъ видъ четырехъугольника съ круглыми башнями по угламъ, со множествомъ бойницъ и амбразуръ въ стѣнахъ; внутри двора—старый турецкій колодецъ, доходящій до уровня воды въ Днѣстрѣ, сохранившійся въ цѣлости и до настоящаго времени, хотя теперь имъ никто не пользуется,—множество погребовъ, подземныхъ ходовъ и другихъ построекъ, которыя лежатъ впустѣ. Съ сѣверо-восточной стороны, т. е. со стороны рѣки, крѣпость имѣетъ весьма внушительный видъ,—кажется, что стѣны и башни въ этомъ мѣстѣ были въ свое время реставрированы турками; но трудно представить себѣ что нибудь грандіознѣе противуположной части, которая выходитъ на оврагъ: громадная, выстроенная полукругомъ, стѣна спускается совершенно отвѣсно до самаго дна оврага, и на нѣсколько сажень превосходитъ своею высотою вышину сосѣдней горы. Стѣны сложены изъ желтаго кирпича необыкновенной прочности, съ украшеніями изъ краснаго кирпича въ видѣ полосъ вдоль всей стѣны до самаго верху; надъ главными въѣзднымн воротами на стѣнѣ выложенъ рельефный орнаментъ въ видѣ двухъ розетокъ, между которыми фигура пѣтуха, кажется, обращенная на востокъ. Толщина стѣнъ хотинской крѣпости превосходитъ всякое вѣроятіе: онѣ достигаютъ въ своей нижней части отъ двухъ до трехъ сажень въ толщину, во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ устроены небольшія камеры и потайные ходы, углубляющіеся въ землю и совершенно

темные, куда путешественникъ не рѣшается проникнуть. Въ настоящее время крѣпость совершенно заброшена и мало по малу разрушается временемъ и непогодой. Только изрѣдка посѣщаетъ ее заѣзжій туристъ и, преклоняясь передъ ея подавляющимъ величіемъ, удивляется той высокой культурѣ, которая могла создать и поддерживать въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій такую неприступную твердыню.—Цитадель укрѣплена съ единственной доступной стороны, т. е. съ юга, рядомъ земляныхъ фортификацій, сквозь которыя ведетъ въ городъ прекрасное шоссе, вымощенное еще турками. Среди валовъ уцѣлѣла часть мечети съ минаретомъ, служившая до недавняго еще времени казармою; тутъ-же находится нѣсколько казармъ, складовъ и другихъ военныхъ построекъ николаевскаго времени, которыя теперь тоже оставлены и уже приходятъ въ полное разрушеніе, не смотря на свой недолгій вѣкъ, между тѣмъ какъ старая хотинская крѣпость простоитъ еще долгое время и будетъ поражать еще много поколѣній необыкновенной прочностью постройки.

Объ исторіи Хотина существуетъ цѣлая литература, такъ что о ней нужно сказать или слишкомъ много или ничего; поэтому я ограничусь только внѣшнимъ очеркомъ крѣпости и города.

Въ разстояніи около версты отъ крѣпости, на склонѣ горы начинается городъ, который тянется къ западу отъ Днѣстра по высокой равнинѣ. Сперва идетъ старый городъ, представляющій настоящій лабиринтъ кривыхъ, узкихъ и непроходимо грязныхъ улицъ, застроенныхъ большею частью еврейскими домами; въ каждомъ производится какая нибудь торговля или промыселъ. На главной улицѣ уцѣлѣли еще нѣкоторые слѣды мостовой—остатки турецкаго шоссе, облегчавшаго сообщеніе между городомъ и крѣпостью или берегомъ Днѣстра. Вдоль улицы тянутся въ два ряда лавки, шинки, табачныя фабрики и т. п. Вся торговля находится въ рукахъ евреевъ, при чемъ по внѣшнему виду лавки нельзя опредѣлить, какой здѣсь главный продуктъ,—спеціализаціи въ торговлѣ совсѣмъ нѣтъ. Въ небольшихъ лавкахъ или рундучкахъ, гдѣ развѣшаны и нагромождены всевозможные товары болѣе низкаго достоинства (все лучшее и болѣе цѣнное прячется подъ прилавкомъ или въ жилыхъ помѣщеніяхъ и подвалахъ при лавкѣ), торгуютъ одни еврейки и наперерывъ другъ передъ другомъ зазываютъ всякаго, проходящаго по улицѣ. Евреи собираются группами на улицѣ и

возлѣ лавокъ, съ большимъ оживленіемъ толкуютъ о своихъ гешефтахъ, но не занимаются мелкой продажей.

Въ разныя стороны отъ главной улицы расходятся переулки, болѣе или менѣе правильные, также застроенные еврейскими домами, подъ часъ старинной архитектуры, со множествомъ пристроекъ, кладовыхъ, погребовъ и т. д.; повидимому, это жилища болѣе зажиточныхъ купцевъ. Дальше, на склонахъ горъ, лѣпятся бѣлыя чистенькія хаты хотинскихъ мѣщанъ, окруженныя садами и огородами, въ которыхъ преобладающимъ растеніемъ является кукуруза. На одной изъ горъ, пониже крѣпости, выглядываетъ среди зелени красивая каменная церковь, но, повидимому, безъ всякихъ остатковъ старины.

Миновавъ старый городъ, начинается новый, все-таки еврейскій городъ, который тянется подъ гору и дальше на высокой песчаной равнинѣ. Широкая главная улица, вымощенная еще во время турецкаго господства и служащая теперь главнымъ торговымъ центромъ, окаймлена съ двухъ сторонъ длинными корпусами каменныхъ лавокъ. Между ними весьма часто попадаются вывѣски, на которыхъ изображено крупнымъ шрифтомъ: *Кондиторская* и внизу мелкимъ шрифтомъ добавлено: *съ продажей питей распивочно и на вынос*. Незнакомый съ мѣстной стилистикой пріѣзжій напрасно сталъ-бы искать внутри этихъ заведеній чего нибудь напоминающаго кондитерскую; онъ найдетъ только бочку водки и другія принадлежности обыкновеннаго шинка.

Съ концемъ базара оканчивается еврейская часть города и начинается новый русскій городъ, отдѣляющійся отъ перваго довольно обширной площадью. Посреди площади, вправо отъ главной улицы, возвышается очень красивое зданіе турецкой архитектуры, сложенное изъ разноцвѣтнаго узорчатаго кирпича. Одноэтажное квадратное зданіе, очень высокое, окружаетъ со всѣхъ сторонъ широкая, крытая галерея, состоящая изъ ряда арокъ; посреди дома возвышается изящная, ажурная башенка съ полумѣсяцемъ на верху. Въ настоящее время это зданіе передѣлывается подъ лавки; намъ ничего не удалось узнать объ немъ отъ мѣстныхъ жителей, но кажется, судя по внѣшнему виду, что и въ турецкое время здѣсь долженъ былъ помѣщаться караванъ—сарай или какое нибудь общественное учрежденіе.

Въ концѣ площади начинается рядъ чистенькихъ бѣлыхъ домиковъ шаблонной архитектуры, въ пять или семь оконъ, съ подъѣздами, палисадниками и т. д., однимъ словомъ тоже самое, что мы привыкли видѣть на главной улицѣ заурядnаго уѣзднаго городка. Здѣсь живутъ представители мѣстной администраціи и интеллигенціи, здѣсь-же помѣщаются всѣ правительственныя учрежденія: полиція, острогъ, камера мирового судьи, уѣздное училище и т. п., нѣсколько магазиновъ, два-три ресторана и настоящая кондитерская.

По другую сторону улицы тянется довольно обширный скверъ, очевидно недавно еще разведенный, но уже довольно тѣнистый, съ традиціонными аллеями изъ акацій, съ усыпанными желтымъ пескомъ дорожками, съ зелеными скамейками и эстрадой для музыки посреди сада. Возлѣ сквера находится другая православная церковь, новенькая, чистенькая; на дверяхъ красуется длинное печатное поученіе противъ пьянства; вѣроятно православные жители Хотина особенно отличаются этимъ качествомъ.

Дальнѣйшій осмотръ города не представлялъ ничего интереснаго; время шло къ вечеру и пора было думать о возвращеніи въ Жванецъ.

К. М.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ТОПОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗАПОРОЖЬЯ.

(Окончаніе) [1]).

Изъ многочисленныхъ притоковъ Днѣпра въ предѣлахъ Запорожья болѣе значительные и извѣстные были слѣдующіе: *съ правой стороны*: Цыбульникъ, Сухой Омельникъ, Большой Омельникъ, Самоткань, Домоткань, Сура, Верхняя, Средняя и Нижняя Хортицы, Бѣлая, Червонная, Ребелинка, Тармань, Ненажора, Олешина, Тарасовка, Грушевка, Томаковка [2]), Каменка, Лапинка, Подпольная (Пидпильня), Рѣчище, Чортомлыкъ [3]), Шарай, Осетровка, Скарбная, Павлюкъ, Днѣприще, Сельчинъ, Шебалина, Днѣприще Чортомлыцкое, Базавлукъ, Березовка, Грушевка, Большая Тереневка, Сухая Тереневка [4]), Осокоровка, Золотая, Переставка, Дурная [5]), Сухая Наносоковка [6]), Мокрая Наносоковка [7]), Веревчина, Мѣловая, Гирлы, Коловоротъ, Вятлинскій-Перевалъ, Хресна, Каменка, Дримайловка [8]), Косматій, Идеромля, Бурганка, Тягинка, Малый Ингулъ, Бѣлозерка и наконецъ Бугъ; *съ лѣвой стороны*: Орель [9]), Протовчанка,

---

[1]) См. »Кіевская Старина« 1884 г., майск. кн., стр. 33—54.

[2]) Турецко-татарское слово »тумакъ«, по русски значитъ шапка.

[3]) Vox hybrida, славянское слово съ турецкимъ окончаніемъ.

[4]) Теперь сухой оврагъ.

[5]) Теперь сухой оврагъ.

[6]) Теперь Яреминская.

[7]) Теперь Дудчанская.

[8]) Теперь сухой оврагъ.

[9]) Вытекая изъ харьковской губерніи, онъ составляетъ границу между нею, полтавскою и екатеринославскою губерніями. Думаютъ, что названіе этой рѣкѣ

Самара, Осокоровка, Татарка, Мокрая и Сухая Каменка, Старуха, Вороная, Волнянка, Московка Сухая, Московка Мокрая (Великая), Рѣчище, Конка, Святая, Маячка, Бристана, Бабина, Аталыкова, Татарка, Басанка, Царева, Бѣло-серка, Мамай-Сурка, Рогачикъ, Чаплыва, Лопатиха, Русинова-балка, Сухая-Широкая Каирь, Мечетная Каирь, Западная Каирь, Крутая Каирь, Турецкая Каирь и Веливела [1]).

Изъ всѣхъ названныхъ притоковъ болѣе замѣчательны слѣдующіе: Базавлукъ, Подпольная, Малый Ингулецъ, Бугъ съ правой стороны, Самара и Конка съ лѣвой.

Базавлукъ, Базулукъ, Бузовлукъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Безовлукъ, извѣстенъ былъ подъ именемъ Герроса еще отцу исторіи Геродоту. На турецкомъ языкѣ Базавлукъ звучитъ »базар-лукъ«, что значитъ »торговля« [2]). Онъ начинается въ верхне-днѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи и, протекши 120 верстъ съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ рѣчку Скарбную изъ Подпольной, около Краснаго Кута, выселка Грушевки, херсонскаго уѣзда, въ ста сорока верстахъ выше самаго Херсона, служа границей между херсонской и екатеринославской губерніей. Сама »рѣчка Скарбная, принявши Базавлукъ, раздѣляется на два притока, изъ которыхъ одинъ называется р. Омель пихою, другой —р. Колотовскою. Колотовская вскорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ Переваломъ, который перехватываетъ Омельниху и потомъ дѣлится опять на три притока, именуемые жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія Воды, родъ болота или озера, весьма обширнаго, соединяются наконецъ съ Днѣпромъ посредствомъ многихъ гирлъ при деревнѣ Фирсовкѣ« [3]).

Рѣчка *Подпольная* начиналась въ старину противъ Микитина, теперешняго м. Никополя, екатеринославскаго уѣзда, на Орловомъ

дано узами или торками и произошло отъ одного корня со словомъ »Уралъ«. Никифоровъ. Очерки александрійскаго уѣзда, херсонской губерніи, ч. I, стр. 23.

[1]) Мышецкій. Ист. о каз. зап. Одесса, 1852, 59—73.—Русовъ. Русскіе тракты, Кіевъ, 1876 г., стр. 23.

[2]) Знаніемъ этого и другихъ словъ мы обязаны профессору харьковскаго университета В. И. Шерцлю.

[3]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Записки одесскаго общества исторіи и древностей, I, 54.

лугу, съ правой стороны, и получила свое названіе, по однимъ,—потому что проходила *подъ полями*, а по другимъ,—потому что своимъ теченіемъ подрѣзывала или *подпилывала* свои берега. Она замѣчательна тѣмъ, что нѣсколько разъ то соединяется съ Днѣпромъ, то отдѣляется отъ него, при чемъ въ разныхъ мѣстахъ носитъ и разныя названія. »Подпольная у г. Берислава принимаетъ названіе р. Касмахи, и отъ деревни Казацкой—рѣки Казацкой, гдѣ уже течетъ значительнымъ рукавомъ болѣе 100 саженъ шириною, и вливается въ Днѣпръ у д. Ольговки (Дядьковки) подъ названіемъ рѣки Конки. Съ приближеніемъ къ рѣкѣ Ингульцу, снова отдѣляется рукавъ вдоль праваго берега, подъ названіемъ Ингульца, и снова вливается въ Днѣпръ, а отъ Херсона, опять отдѣлившись, называется р. Кошевою. Къ сѣверу отъ Днѣпра, возлѣ самыхъ устьевъ, течетъ Прогной, называющійся опять р. Подпольной« [1]). Кромѣ этого рѣка Подпольная замѣчательна еще тѣмъ, что на ней была послѣдняя по счету, въ предѣлахъ русскаго государства, Запорожская Сѣчь, называемая Новою Сѣчью, основанная кошевымъ атаманомъ Иваномъ Милашевичемъ и существовавшая съ 1734 по 1775 годъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь село Покровское, екатеринославскаго уѣзда. Сѣчь находилась на большомъ полуостровѣ, заключенномъ между лѣвымъ берегомъ р. Базавлука и правымъ р. Днѣпра вмѣстѣ съ отдѣлившеюся отъ него рѣчкою Подпольною, что подало поводъ Э. Ляссотѣ сказать о Новой Сѣчи, что она расположена на островѣ Базавлукѣ [2]). Отъ пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ остались укрѣпленія; нѣсколько намогильныхъ крестовъ, между прочимъ крестъ надъ могилою кошеваго атамана Стефана Гладкаго, умершаго въ 1747 г., какъ гласитъ надпись; иконостасъ послѣдней сѣчевой церкви, хранящійся на хорахъ теперешней церкви, болѣе двадцати церковныхъ книгъ, нѣсколько иконъ съ интересными подписями, тамъ-же, четыре сволока, оставшихся отъ запорожскихъ хатъ съ характерными надписями и даже цѣлая хата, построенная въ 1747 году, августа 13-го и находящаяся во дворѣ крестьянина Митрофана Чернаго или, по уличному, Пашуши.

Рѣка *Ингулецъ*, или по Книгѣ Большаго Чертежа Ангулецъ, также извѣстна была уже Геродоту, подъ именемъ р. Гипакириса; на ту-

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для исторіи и статистики. Спб., ч. I, стр. 177.

[2]) Путевыя Записки Э. Ляссоты. Одесса, 1873 г., стр. 30.

рецкомъ языкѣ Ингулъ или Ингулецъ звучитъ »іен-кул«, что значитъ »обширное озеро«. Она беретъ свое начало въ такъ называемой Висунской степи, херсонской губерніи, александрійскаго уѣзда, въ 7½ верстахъ отъ с. Елисаветградки, и впадаетъ въ двадцати верстахъ выше г. Херсона, при селеніи Дарієвкѣ; всего теченія Ингульца, по прямому направленію, 217½ верстъ, а слѣдуя по извилинамъ—523 версты.

Рѣка *Бугъ*, извѣстная Геродоту подъ именемъ Гипаниса. Впрочемъ, есть мнѣніе, что у Геродота Днѣпръ и Бугъ считались за одну рѣку и именовались однимъ общимъ именемъ Борисѳена: »нынѣшній Бугъ для Геродота былъ ни что иное, какъ самый Борисѳенъ... Днѣпръ и Бугъ считались имъ (Геродотомъ) за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисѳенеса. Впрочемъ главнымъ, настоящимъ Борисѳенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него (Геродота) нынѣшній Днѣпръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Почему-же Геродотъ, исчисляя Ингулъ, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по крайней мѣрѣ съ той точки, гдѣ онъ и въ его время былъ уже отдѣльною, самобытною рѣкою, то есть съ соединенія его съ Чичиклеей? Причина тому безъ сомнѣнія заключается въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичиклеи запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьѣ, какъ и самый Днѣпръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть, по причинѣ пороговъ, доступенъ судоходству съ моря (πρὸς πλοῦτόν ἀπὸ θαλάσσης), а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать«[1]) Бугъ или, по Книгѣ Большаго Чертежа, Бокгъ, по козацки и польски Богъ или Бохъ, по турецки Ак-су—»бѣлая вода«, выходитъ изъ болотъ южной части волынской губерніи, на Авратынской возвышенности, отрасли Карпатскихъ горъ, у деревни Холодецъ, старо-константиновскаго уѣзда; протекаетъ черезъ волынскую, подольскую и херсонскую губерніи, съ сѣвера на юго-востокъ, на протяженіи 716 верстъ, заключая во всей своей рѣчной области 1,034 кв. миль и впадая въ Днѣпръ бугскимъ лиманомъ. Запорожцамъ принадлежалъ Бугъ только нижнимъ своимъ теченіемъ, отъ впаденія въ него р. Синюхи, съ лѣвой стороны, при теперешнемъ г. Ольвіополѣ, и до самаго

[1]) Надеждинъ. Геродотова Скиѳія. Зап. одес. общ. ист. и древ., I. стр. 41, 44, 55.

устья, что составляетъ 180 верстъ, по прямому направленію. Отличительное свойство этой части Бута то, что дно его уже въ началѣ, отъ Ольвіополя до сл. Александровки, бобринецкаго уѣзда, херсонской губерніи, на 15 верстъ выше г. Вознесенска, загромождено каменными глыбами, на пространствѣ 70—80 верстъ, называемыми здѣсь, какъ и на Днѣпрѣ, порогами и одинаковаго съ днѣпровскими-же происхожденія. Они начинаются еще у Брацлава, подольской губерніи, но тамъ они не такъ скучены да и самое число ихъ не велико; здѣсь-же отъ Ольвіополя до Александровска они составляютъ большую помѣху для судоходства по Бугу: число этихъ пороговъ насчитываютъ до восемнадцати; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: мигійскіе, числомъ два, при с. Мигіѣ, одинъ въ 350 с. длины, а другой въ 500; богдановскій, противъ дер. Богдановки, въ 600 с. длины; константиновскій, противъ с. Константиновки, въ 400 саж. длины; проточинскій, 80 с. длины, и александровскій, противъ с. Александровки. »Русло Буга, прорѣзавшись въ камнистой гранитной грядѣ, отрогѣ Карпатскихъ горъ, сквозь скалистые обрывы, сжимающіе его берега, пересѣкается въ самомъ руслѣ своемъ множествомъ отдѣльныхъ гранитныхъ массъ и булыгъ, мѣстами высовывающихся надъ поверхностью воды на двѣ сажени, въ видѣ цѣлыхъ острововъ, покрытыхъ иногда деревьями и живописно разбросанными садами, что, вмѣстѣ съ окружающею мѣстностью, также довольно живописною, составляетъ превосходную и рѣдкую въ херсонской губерніи картину. Эти гранитные острова и подводные камни составляютъ только верхнюю надводную часть тѣхъ каменныхъ глыбъ, которыми завалено все ложе рѣки между Ольвіополемъ и Александровкою и которыя образуютъ на всемъ протяженіи 18 пороговъ, не считая заборъ« [1]). Ниже села Александровки гранитные берега Буга смѣняются известковыми утесами, а потомъ мало-по-малу превращаются въ широкіе луга, такъ до г. Вознесенска; отсюда до впаденія р. Чичиклеи въ Бугъ, неподалеку отъ гор. Ананьева, переходятъ въ низменныя топи; еще ниже отъ впаденія р. Ингула, выше гор. Николаева, въ песчано-глиноватую низменность, по которой Бугъ и изливается въ Днѣпръ своимъ лима-

[1]) Шмидтъ. Матеріалы для географіи и статистики. Сб. 1863 г., ч. I, стр. 190.

номъ, имѣющимъ 46 верстъ длины и отъ 800 саженъ до 7 верстъ ширины.

Самара, или въ географіи южной Россіи 1698 года Малая Самара, у казанскихъ татаръ Сакмаръ, въ книгѣ Большаго Чертежа Самаръ, у запорожскихъ казаковъ Самарь. Имя »Самаръ, Самара, Самарчукъ« распространено у разныхъ народовъ древняго и новаго міра, начиная отъ евреевъ въ Палестинѣ и кончая киргизами въ европейской Россіи и Сибири. У евреевъ подъ этимъ именемъ мы знаемъ область: вся Палестина раздѣлялась на четыре области: Галилею, *Самарію*, Іудею и Перею. По сказанію житій »Сорока двухъ мучениковъ, Павла Аѳонскаго« и другихъ, былъ г. Самара, на рѣкѣ Ефратѣ, принадлежавшій сарацинамъ: въ Сибири былъ остяцкій князь по имени Самара, извѣстный своимъ неудачнымъ сраженіемъ съ русскимъ покорителемъ Сибири, Ермакомъ Тимоѳеевымъ; на горѣ Аѳонъ есть и теперь утесъ Самары; за Волгой есть гор. Самара, на рѣкѣ Самарѣ-же; въ Крыму была рѣчка Самарчукъ [1]); наконецъ слово »Самара« встрѣчается и у киргизовъ, въ смыслѣ нарицательномъ. Различно переводили и переводятъ это слово [2]), но ближе всего, кажется, подходитъ переводъ съ киргизскаго языка, на которомъ »самара« значитъ »круглое озеро«. »У роксоланъ, антовъ и запорожскихъ казаковъ Самара, кромѣ собственнаго названія именовалась еще »священною или святою рѣкой«. Самара вытекаетъ изъ харьковской губерніи, изюмскаго уѣзда, близъ села Самарскіе Пруды; длина ея въ запорожскихъ предѣлахъ простиралась до 200 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 100 саженъ и болѣе. Самара замѣчательна въ исторіи запорожскаго козачества тѣмъ, что на ней у запорожцовъ былъ монастырь, въ томъ именно мѣстѣ рѣки, гдѣ она раздѣляется на два рукава, собственно Самару и Самарчукъ, въ двухъ верстахъ выше теперешняго г. Ново-Московска, запорожской Новоселицы.

---

[1]) Надхинъ. Память о Запорожьѣ. Москва, 1877, стр. 46 и 47.

[2]) Авторъ »Истор. обозр. церквей екатеринославской епархіи« производитъ »Самару« отъ сарматовъ или сауроматовъ: »Сарматы построили себѣ городъ Савромару, въ просторѣчіи называвшуюся Самарою, при рѣкѣ того-же имени« (arx Sauromaris, vulgo vocatur Samaris cum ejus modern nominis flumi. ne). Стр. 12.

Рѣка *Конка*, Конскія воды или по татарски Эльки-су, беретъ начало въ александровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, въ десяти верстахъ отъ с. Конскихъ-Раздоръ и течетъ на протяженіи 180 верстъ. Она замѣчательна тѣмъ, что семь разъ соединяется съ Днѣпромъ и столько-же разъ отдѣляется отъ него. Такъ, взявшись изъ-подъ Конскихъ-Раздоръ, Конка имѣетъ сначала сѣверо-западное, прямо встрѣчное Днѣпру направленіе. »Но по мѣрѣ приближенія къ г. Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она вслѣдъ за нимъ поворачиваетъ туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это сліяніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится; именно близъ селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки и подъ г. Алешками. Невозвратно исчезаетъ она уже въ Днѣпрѣ возлѣ Лимана, при такъ называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки, какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго, или лучше, перепутаннаго теченія доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ сліяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ него особою синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно-днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ днѣпровской наибольшую часть острововъ и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго лѣса« [1]).

Кромѣ Днѣпра и его притоковъ, можно указать еще многія другія рѣки въ запорожскихъ предѣлахъ. Такъ на сѣверо-западномъ его склонѣ находятся *Кильчень* [2]), впадающая въ Протовчанку, *Солоная*, впадающая въ Базавлукъ, подъ селомъ Шо-

---

[1]) Андреевскій. Путев. зап. при объѣздѣ днѣпров. и мелит. у. Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838 г., № 5, 294.

[2]) Кильчень по турецки »Кылыджъ« — сабля, мечъ.

лоховымъ екатеринославскаго уѣзда, *Саксагань* [1]) и *Висунь*, впадающія въ Ингулецъ [2]), *Добрая*, впадающая въ Висунь, *Ингулъ*, у Геродота Пантикапесъ [3]), впадающій въ Бугъ, *Гнилой Еланецъ* [4]), *Мертвые Воды* и *Корабельная*, впадающія въ Бугъ, *Синюха*, впадающая въ Бугъ и отдѣлявшая на западъ запорожскія границы отъ границъ брацлавскаго воеводства, и наконецъ *Черный Ташлыкъ* изливающійся въ Синюху и *Каменка*—въ Ингулъ; на юго-восточномъ склонѣ: *Верхняя Терса*, впадающая въ Волчью, выше сл. Николаевки, александровскаго уѣзда [5]), *Нижняя Терса* впадающая въ Волчью, *Средняя* или *Степная Терса*, впадающая въ Нижнюю Терсу, подъ с. Берберовкой, александровскаго уѣзда, *Ганчулъ*, впадающій въ Волчью подъ деревней Богдаромъ [6]), *Янчулъ*, впадающій въ Ганчулъ [7]), *Волчья*, впадающая въ Самару [8]), *Торецъ*, впадающій въ сѣверный Донецъ, *Березняговатая*—въ Калміусъ, *Калміусъ* [9]), впадающій въ Азовское море и служившій у запорожцевъ пограничной рѣкою съ востока, отъ Славяно-Сербіи и Земли войска донскаго, *Кальчикъ* [10]), впадающій въ Калміусъ, *Берда*, впадающая въ Азовское море [11]), *Янчикракъ* и *Карачикракъ*, впадающія въ Конку [12]), Жеребецъ, впадающій въ Конку и отдѣлявшій

---

[1]) Саксагань, по турецки »сакыкъ«, легкій, быстрый.

[2]) Всего теченія Висуни 97 верстъ.

[3]) По турецки »іен-кулъ«—обширное озеро; находится между Бугомъ и Днѣстромъ; беретъ начало въ херсонской губерніи, елисаветградскаго уѣзда, вблизи любомірскаго лѣса, возлѣ деревни Бровковскаго; длина рѣки—190 верстъ, ширина отъ 5 до 90 саженей; впадаетъ въ Бугъ возлѣ г. Николаева

[4]) По турецки »алапъ«—лужайка, полина

[5]) По турецки »тересъ«—соръ, навозъ.

[6]) Въ имѣніи землевладѣльца О. И. Михеева.

[7]) По турецки Ганчулъ и Янчулъ звучатъ одинаково: »іен-чол«, обширное пространство, степь.

[8]) Волчья беретъ начало въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, не вдалекѣ отъ села Покровскаго; длина 220 верстъ, ширина отъ 15 до 25 саженъ, глубина отъ 1 до 6 футовъ.

[9]) Беретъ начало изъ высотъ бахмутскаго уѣзда, впадаетъ въ Азовское море, близъ г. Маріуполя; длина 150 верстъ, ширина до 30 саженъ, глубина отъ 6 футовъ до $3^1/_2$ саженъ.

[10]) Кальчикъ, Калка, по турецки »калкан«—щитъ, навѣсъ.

[11]) Длина 100 верстъ, ширина отъ 6 до 20 саженей.

[12]) Карачикракъ названіе турецкое: кара—черный, чикранъ названіе птицы; Янчикракъ значитъ Новый Чикракъ.

земли запорожскія отъ земель джедишкульской и джамбуйлуцкой ордъ.

Такова гидрографія запорожскаго края. Къ этому нужно прибавить нѣсколько словъ объ озерахъ и болотахъ.

Озеръ въ запорожскихъ владѣніяхъ, болѣе значительныхъ, считалось до пятисотъ, изъ нихъ до двухъ сотъ находилось въ теперешней екатеринославской губерніи и до трехъ сотъ въ теперешней херсонской губерніи Болѣе замѣчательныя изъ озеръ слѣдующія: Соломчино, Осокорово, Прогной, Головковское, Лахново, Ровное, Священное, Сотниково, Жаданово, Домаха, Тарасово, Васюрчино, Темерницкое, Федьковское, Федорово, Золотянское, Шатное, Царевское и др.

Изъ болотъ въ предѣлахъ запорожскихъ болѣе замѣчательныя слѣдующія: болота днѣпровскія, по нѣкоторымъ долинамъ и балкамъ, впадающимъ въ Днѣпръ, особенно съ правой стороны; орельскія болота, въ разныхъ мѣстахъ праваго берега р. Орели; самарскія болота, по обоимъ берегамъ р. Самары, особенно на среднемъ и нижнемъ теченіи ея; донскія на низменной мѣстности р. Дона, прилегавшей къ запорожскимъ владѣніямъ; калміусскія, при устьѣ р. Калміуса; наконецъ можно указать еще на болота по долинамъ рр. Базавлука, Ингульца, Ингула, Буга, по верховьямъ Ингула, Ингульца и другихъ рѣчекъ, въ нихъ или въ Днѣпръ вливающихся.

Послѣ всего сказаннаго о Днѣпрѣ, легко повѣрить тѣмъ историкамъ и путешественникамъ, которые говорятъ объ удивительномъ плодородіи долины Днѣпра и смежныхъ съ ней окрестностей. Уже Геродотъ на этотъ счетъ замѣчаетъ: »Земля (скиѳовъ) вся изъ плоскихъ равнинъ; она изобилуетъ травою и водами; рѣкъ, протекающихъ по ней не меньше числомъ, какъ въ Египтѣ каналовъ... Рѣка Борисѳенъ (Днѣпръ), по нашему мнѣнію, найбольшая и найобильнѣйшая. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пастбища. Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ, а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль въ чрезвычайномъ изобиліи садится сама собой« [1]) »Рѣка эта (Борисѳенъ), замѣчаетъ другой писатель древняго міра, полезнѣе всѣхъ прочихъ по изобилію и величинѣ рыбъ, по количеству зем-

[1]) Геродота Галикарнасскаго бытописаній книга четв., стихъ 53.

пыхъ плодовъ, которые она доставляетъ, и по пастбищамъ для скотскаго корма« [1]). »Въ 1581 году... мы осмотрѣли значительную часть этой земли (при-днѣпровскихъ степей) и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густо, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому что она впутывается между спицъ и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи, само по себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ [2])«. »Въ городѣ Екатеринославѣ и во всемъ уѣздѣ онаго воздухъ благорастворенный, вода въ рѣкахъ и устроенныхъ колодцахъ сладка и здорова; земля плодоносна, но не совсѣмъ еще обработана. Сельскіе жители упражняются въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ; въ рѣкахъ и озерахъ рыбы довольно, а особливо весной на Днѣпрѣ, въ порогахъ ловятся осетры, стерляди и сазаны, въ немаломъ количествѣ. Лѣсовъ по рѣкѣ Самарѣ и другихъ мѣстахъ небольшими буераками и кустарниками имѣется, но нынѣ разсадкою и посѣвомъ въ разведеніи по селеніямъ довольно успѣхи видны [3]). »Обширное пространство плодовитыхъ и тучныхъ земель, которыя прежде бывшими запорожцами оставлены были въ небреженіи непонятномъ, воздѣлывается; помѣщики, взявшіе дикопорожнія дачи, обрабатываютъ оныя прилѣжно и населяютъ людьми, да и казенные поселяне съ довольнымъ раченіемъ трудятся въ земледѣліи, ощущая очевидно труды свои сугубо награждаемые. Качество земли производитъ всякаго рода хлѣбъ, рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, гречиху, просо, ленъ, конопель и прочее; изъ огородныхъ овощей: арбузы отмѣнно сладкіе и великіе, красныя и бѣлыя дыни, разные огурцы, земляныя яблоки, чеснокъ, лукъ, свекла, петрушка и многія другія. Въ разсужденіи пространныхъ степныхъ мѣстъ великое заведено скотоводство, лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы суть главнѣйшимъ предметомъ, зажиточнѣйшимъ, къ полученію изряднаго прибытка. Ското-

[1]) Скимна Хіосскаго отрывки. Зап. одесск. общ. истор. и древн., т. III, стр. 137.

[2]) Записки Миллера, изданн. въ Лейпцигѣ въ 1585 году; Записки одесск. общества истор. и древ., I, 604.

[3]) Описаніе городовъ и уѣзд. азовской губерніи. Зап. одесск. общ. ист. и древн. III, 290—291.

водство здѣсь содержать тѣмъ удобнѣе, что скотъ, особливо рогатый и лошади почти чрезъ цѣлую зиму могутъ себѣ въ полѣ сыскивать пастьбу... въ рѣкахъ и озерахъ вода сладка и здорова и къ продовольствію жителей служащая; рыбы находится изобильно разнаго рода. Въ лѣсахъ хотя недостатокъ, однако въ отвращеніе онаго выращиваются нынѣ и посѣвомъ и разсадкою разныя деревья. Звѣри въ лѣсахъ и степяхъ водятся. »Дикія птицы« въ большомъ количествѣ [1]).

»По нашій сторони скризь були таки трáвы та бурьяны, шо зъ нихъ було й не вилезешъ. Стари люди розсказують, шо тутъ було якъ пидешъ по степу ранкомъ або вечеромъ, то заразъ же скидай съ себе штаны, а то якъ хлющи будуть; а скинувъ штаны, пидбирай ще й сорочку, а то й ця зопріе. Отъ що було! А шо цёгò звиру, птыци, такъ звисно, видимо й невидимо: такъ по степу й ходять. Отъ тутъ у Наковальни—слобидка такá—бувъ одинъ дидъ, призвищемъ Зализнякъ; ёму було, якъ винъ умеръ, годъ сто двадцять,—не брешу. Такъ той Залізнякъ було розсказуе про те, шо воно тутъ у старовину робилось. Прыихали, каже, мы съ своею панею у ци мисця, де теперь Наковальня—вони, бачъ, одійшли ій по наслидству—ну й прыихали; дивимось, ажъ тутъ ни хатины, ни куреня нема. Шо тутъ казати? А шо? рубай очеретъ та копай дернину, каже мени паня. Нарубавъ я очерету, накопавъ дернины; поставивъ той очеретъ, обсыпавъ землею,—оце, бачъ, хижка й е; шо жъ теперь їсти? Та їсти, що хочъ: е й птиця, е й звиръ степовый. Шо птиця? шо тамъ звиръ? Ти пойдь та піймай мени дике порося, каже мени паня. Ну, шо жъ порося й порося! Сидаю я на коня, беру малахай (длинный кнутъ) та й їду до рички, де бували бирла (логовища) дикихъ свиней. Та то прыиду та й жду, ажъ поки свини пидуть пастись у степъ, а поросята зостануться сами; выдивлюсь було, та заразъ туды; ухоплю порося та навтикача; та все бижу, та все бижу, шо есть духу, а воно кричить, якъ скажене! Та шо жъ вы думаете? Якъ почують гаспидови свини, такъ бижать за мною ажъ до куриня, та якъ бы не малахай, то й розирвали бъ: такъ и лизуть, такъ и лизуть пидъ ноги коневи. Отъ що було, кажуть, у старовину. Совсимъ не такъ якъ теперь. Отъ хочъ бы и

[1]) Записки одесск. общ. ист. и древн., III, 302.

урожай: хиба такий винъ бувъ, каже Зализнякъ, якъ теперь? У нашои пани, каже, було симейства симъ чоловика, а вона бильшъ двадцяти сажень николи було не сіяла пшеныци; оце було заволоче прямо проти куриня, посіе та й жде. Якъ уроде було, такъ стебла того й невидко: одинъ колосъ наче, та товстый такій якъ веретено. Отъ таки-то були хлиба, а травы такъ ще лучче. За травою и земли не видко було: якъ рядно, або кожухъ лежитъ поверхъ земли. Тоди, бачъ, мало хто косивъ іи, такъ вона пидниметця, та впьять и пада,— видъ того и лежитъ якъ рядно. А вышиня! хиба така була якъ теперь?! Чоловика верхи на кони не видко було! Отъ яки травы були« [1]). »Тоди травы теи було, шо й не пролизешъ. Тирса, комышъ, бурунчукъ, орошокъ, ковыль—якъ дерева стоять. Якъ загонишъ було у траву овець, такъ ихъ и не видко; уже хиба у вечери уздри́пъ, якъ понайдятця та сами повыходють изъ травы, тоди тилько и вздришъ; та якъ понабьетця було вивцямъ тееи тирсы, такъ днивъ два або три оббираешъ. Тра́вы дуже високи були; теперъ такихъ и не вбачишъ, скилько не їздь и не ходи. И дерева́ велики були; була тутъ груша, берестъ, вишня, дуля, а тернина така товста́, шо изъ неи робили оси на брички; туполи були: стоять було стина стиною та ривненьки якъ стрилочки; плавни таки, шо й не продерешься по-мижъ ними; тамъ велика лоза росла; заблудишъ було, якъ припизныся, або задивишься. Тоди урожаи на все були: сіяли тропки, а родило багато« [2]). »Трава така була якъ лисъ; та все пиріи, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ травъ и близько нема, а тоди, Боже правый, скилько ихъ було! Бачъ, зи́мы тоди тепли були,—це вже теперь до насъ кацапы понаносили холода́, а тоди зимы тееи не дуже чутно було, такъ того вона и трава велика росла. Вона оце пидниметця, выросте та впьять и пада на землю,—такъ и лежитъ якъ той войлокъ; нихто іи, бачъ, тоди не косивъ: сама соби росте сама й пада, видъ то́го и звалась вона не́жиръ-трава; якъ весна, то іи заразъ палютъ було, щобъ да-

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ крестьянина александровскаго уѣзда екатеринославской губерніи, Евдокима Косяка.

[2]) Записано мной отъ крестьянина-старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

вала съ-пидъ себе молоду траву; та якъ запалютъ, такъ вона горить недиль дви, або й три. Дуже багато було іи« [1]).

Всего вдоволь было у запорожцевъ:

Вдоволь было у лихъ и лѣсу дремучаго,
И звѣря прыскучаго,
И птицы летучія,
И рыбы пловучія;
Вдоволь у нихъ и травушки-муравушки,
Добрымъ конямъ на потравушку.

»Обильнѣе всѣхъ рыбою Орель, текущая въ Днѣпръ съ московской стороны: я видѣлъ, какъ на устьѣ ея рыбаки въ одну тоню вытащили болѣе 2000 рыбъ, изъ коихъ самыя мелкія были около фута величиною. Многія озера столь обильны рыбой, что она, умирая отъ тѣсноты, заражаетъ гніеніемъ своимъ воздухъ и стоячую воду озеръ. Сіи мѣста называются Замоканъ (т. е. Самоткань)... Выше Замокана протекаетъ рѣчка Домотканъ, въ которой видится множество большихъ раковъ, въ 9 дюймовъ длиною... Самара весьма обильна рыбой, а окрестности ея замѣчательны чрезвычайнымъ богатствомъ въ медѣ, воскѣ, дичинѣ и строевомъ лѣсѣ, такъ что едвали какое-либо мѣсто можетъ сравниться въ семъ съ окрестностями Самары. Оттуда доставляемъ былъ лѣсъ для построекъ на Койдакѣ. Казаки называютъ ее святою рѣкою, можетъ быть, за счастливое богатство ея [2]). Пользуясь всѣми выгодами прекраснаго климата, напоенная животворною влагою, защищенная густымъ дубовымъ лѣсомъ, самарская область носила названіе у запорожцевъ святой Палестины, рая Божьяго на землѣ. Городокъ Самарь, со всѣмъ его округомъ, по естественнымъ своимъ произведеніямъ, всегда былъ всѣмъ богатъ, плодороденъ и обиленъ; рыбы и дичи, меду и воску, всякаго рода хлѣба и строеваго лѣса, всего было въ немъ много и изобильно: »се була земля добре гарпая, квeтнучая и изобилуючая«,— такъ всегда и вездѣ до 1770 годовъ выражались казаки-запорожцы о Самарѣ и о Самарской паланкѣ [3])«. Не меньшимъ богатствомъ,

---

[1]) Разсказъ, записанный мной отъ столѣтняго старика села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда, И. И. Россолоды.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 16—19.

[3]) Осодосій. Сам. пуст.-никол. мон., екатер. губ., 1873 г., 4 и 5.

въ отношеніи рыбы отличался и самый Днѣпръ. »Рыбныя ловли у запорожцевъ были чрезвычайныя въ Днѣпрѣ, по озерамъ, особливо въ Тилигулѣ, на Кинбурнской косѣ и на Тендерѣ; здѣсь такое множество было у нихъ лова, что не только вся Украина запорожская ею обогащалась, но и вся Польша, гетманщина и прочіе околичные жители ею пользовались [1])«. Количество рыбы, ловимой въ Днѣпрѣ, было такъ велико, что запорожцы и потребляли ее сами, и продавали другимъ, употребляя полученныя деньги на покупку оружія и платья:

Днипровый, Днистровый, обидва лиманы,
Изъ нихъ добувались, справлялись жупаны.

Изъ рыбъ, которыхъ запорожцы ловили въ Днѣпрѣ, его притокахъ и озерахъ, были: осетры, сомы, севрюги, сазаны, лини, стерлядь, щука, тарань, подлещики, лещи (чабаки), семга, окуни, плотва, судаки (сула), язи, сельди, чилики, ерши, марена, сабля, бѣлуга, длиною иногда до трехъ саженъ, шириною до сажня [2]).

Еще больше того было звѣрей и птицъ: »Въ великомъ лугѣ были страшныя гущи, озера, лиманы, охваченные камышами, ситнягомъ; тамъ, по нетрямъ и дряговинамъ, звѣри кишѣли [3])«. »Ну й звиру жъ тутъ плодилось: дики козы, кабаны, вовки, лисици—такъ по плавнямъ и шныряють, гладки таки та дики! Свиню було якъ побачишъ дику, такъ скорійшъ лизь на дерево, а то заразъ хрю! хрю! чмакъ! чмакъ! та до тебе, такъ рыломъ и пре.... За тежъ и гадюччя тутъ було; зъ гадюкою такъ и пьешъ, и їси и спишъ: пидлизе було пидъ чоловика, звернетця въ клубокъ та й спить зъ нимъ: бачъ, холодно ій проклятій самій. Чорни гадюки, ци не страшни, а жовтобрюхи, такъ видъ тихъ Боже храни! Страшни скажени: сажень по два, по три довжины; такъ и кишать, та свистять якъ чабанъ на вивци. Ця дуже страшна гадюка: якъ укусе, то ото вже й смерть,—ей же Богу. Оце було якъ косити

---

[1]) Устн. повѣствов. Никиты Коржа, стр. 39.

[2]) Мышецкій. Ист.. о каз. запор. Одесса, 1852 г., стр. 77. Боплант. Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 17 и 19. Зап. одес. общ. истор. и древ., т. III, стр. 302.

[3]) Устн. повѣств. Ник. Коржа, изд. Стороженка, стр. 151.

траву на острови (Томаковкѣ), то перше всёго косари беруть коляки та выбиваютъ жовтобрюхивъ, а тоди вже берутця за косы. Отъ що було! А птыци? ій було, такъ у-ю-ю! Тоди стрильцивъ цихъ, сказать вамъ, мало було,—це вже теперь стало такъ, що кинешъ палицю на собаку, а въ стрильця попадешъ, а тоди ихъ не густо було; видъ того и птыци плодилось багато. У сорокъ пьятому годи (въ 1845) була тутъ велика вода, скризь позатопляло, тилько що ostривъ и бувъ сухий, такъ сюды птыци всякои якъ поналитало,—такъ сказати вамъ,—и гилля не видко було на деревахъ: самый компяхъ висе [1])«. »По озерамъ та по степамъ—рыбы, звиру, птыци видимо й невидимо. Плодились вовки, лисици, зайци, свини—и по плавнямъ и по скелямъ; рыба та сердешна такъ ажъ затхнстця, а ракивъ штанами ловили. А шо птыци? Стрепеты, огари [2]), лебеди, такъ и ходютъ. Травы таки, що ажъ по груди хватають, а то ще й бильшъ; а роса по трави, якъ вода; якъ хочешъ ити по степу, то першъ усего скинь штаны, а то й не дотягнешъ, якъ намокнуть. Грушья, калины, виноградў дикого—не пролизешъ. Ничью страшно було й ходити [3])«. »Тутъ були всяки дерева: окація, вильха, калина, бруслина, береза, дубъ, а звирно такъ, шо й скотыни не можно було пройти; зъ вивцями такъ не опизняйсь. Дики козы, кабаны, барсуки, видныхи такъ и бигають по степу, особливо видныхи. Це дорогій звирь; винъ скидаетця на лисицю, тилько що живе въ води; шерсть на нему така, що ажъ лощитця, а якъ погладишь, такъ наче-бъ то искры сыплютця. По пашому це видныхи, а по руському выдра. Птыци страсть Божа: гусей дикихъ выдирали изъ гниздъ сотнями, а качокъ, такъ, Господи спаси, скилько: волокомъ ловили. Теперь того нема: людно стало. Всёго було вдовиль: и звира, и рыбы, и травы. Комыши таки були, що й не проберешься за ними, а калданивъ, буркунивъ, такъ, Боже мій, скилько! [4])«. »У запорожцивъ велике було привилля, теперь такого

[1]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. С. Заброды, села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[2]) Огарь—большая рыжеватая утка, величиною почти съ гуся; научное названіе ея: anas rutila.

[3]) Записано мною отъ старика С. Герасименка, деревни Блажковки, херсонскаго уѣзда.

[4]) Разсказъ, записанный мною отъ старика Ѳ. А. Горбатенка, г. Алешекъ, таврической губерніи.

нема. Бжолы тіи, такъ батечки мои! Тоди усяки цвиты цвили, травы велыки були, бо ціеи погани—ховрашкивъ та гусеныци, що теперь плодитця, тоди не чути було; такъ древа, травы, звирья и не пройдешъ. Медъ и по пасикамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ: скилько хочешъ, стилько й бери; а звиру ще бильша сила: вовкивъ, лисиць, чокалкивъ (той же вовкъ, тилько злійшый надъ вовка), такъ цила бида; дики кони цилыми табунами ходили... Було й птыци вдовиль: качокъ, лебедивъ, охитви [1]), дрохвивъ,—такъ хо-хо-хо! Стрепетивъ сильцями ловили, а лебеди було якъ заведутця биться, та якъ пиднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стриляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить... За тежъ и кони водились тутъ, вивци, такъ на диво; та все воно по воли й паслось, хиба тилько коло отаръ и були чабаньци... [2])«.

Такимъ образомъ, уже изъ этихъ свидѣтельствъ мы можемъ видѣть, на сколько плодородна и богата была земля запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, уже на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ десятинъ, можно было найти и дикій чай, и шалфей, и ковыль, и цикорій, и куколь, и незабудку, и бузину, и сурѣпку, и спаржу, и чеснокъ, и лукъ, и хрѣнъ, и ромашку и множество другихъ видовъ растительности. Все это, при первомъ же блескѣ весенняго солнца, скоро поднимается изъ земли, быстро возрастаетъ и въ короткое время достигаетъ почти полнаго развитія, а при обильныхъ дождяхъ и подъ вліяніемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ, земля запорожскихъ козаковъ съ успѣхомъ производила и всякаго рода хлѣбъ, свойственный вообще всей южно-русской полосѣ. Вмѣстѣ съ появленіемъ растительности, появлялись и животныя, прилетали и птицы; изъ животныхъ тутъ были: олени, дикія козы, кабаны, барсуки, выдры [3]), сугаки, волки, лисицы, зайцы, медвѣди, лани, байбаки, лоси, дикія кошки, буйволы; были также

---

[1]) Охитва, хохитва, стрепетъ, свистокрилъ, трясучка, степная кура—разныя названія для одной и той-же птицы изъ породы дрохвы (otis tetrax). См. Даль. Толков. словарь, Москва, 1866 г., ч IV, стр. 514 и 309.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ столѣтняго старика Россолоды, жителя села Чернышевки, екатеринославскаго уѣзда.

[3]) Иначе видриха, каборга; изъ кожи каборги запорожцы видѣлывали себѣ шапки.

дикія лошади. »Онѣ ходили, говоритъ очевидецъ Бопланъ, отъ 50 до 60 головъ и нерѣдко заставляли насъ браться за оружіе, потому что издали мы принимали ихъ за татарскую конницу[1])«. »Тутъ водились дики кони. Ще й я та й то зазнаю ихъ: вони на масть мишасти, невелички, та гладки, та крѣпки таки. Мій батько таки ловивъ ихъ, такъ що-жъ? Вони або повтикають, або подохнуть: не можуть, бачъ, жити у неволи; по степу имъ бигати, такъ це такъ. Оце було йде чоловикъ кобылою по шляху, а дики кони пасутця у бальци. Отъ жеребець заразъ выскоче на могилу та й пюха, чи кобылою, чи конемъ йде той чоловикъ. Якъ почуе, що кобыла, заразъ-же й бижитъ до неи. Тоди вже, що тамъ чоловикъ той не роби и якъ не одбороняйся, а жеребець одибье кобылу. Видъ того по шляху багацько було валяетця колисъ, обиддя, оглобель та драбинъ зъ возивъ: то все дики жеребци ламають у произжаючихъ людей возы, якъ одбиваютъ кобылъ[2])«. Такъ богато было Запорожье разными животными. Не меньше того оно богато было и птицами. Изъ птицъ, водившихся въ запорожскихъ предѣлахъ, были: дикіе гуси, лебеди, дрохвы, бакланы, бабы—птицы, цапли, журавли, аисты, ястреба, орлы, соколы, куропатки, скворцы, коростели, дупеля, голуби, колпицы, тетерева, стрепеты, огари и др.

Вотъ привлекательная сторона запорожскихъ владѣній: днѣпровской долины, ближайшихъ къ ней окрестностей, самарскаго побережья, смежныхъ съ нимъ земель, вообще большей части правой и лѣвой стороны днѣпровскихъ степей. Здѣсь были прекрасныя пастбища для скота, безконечныя нетры для птицъ и необозримыя пространства для звѣрей; здѣсь, именно въ этой части запорожскихъ владѣній, нужно искать ту »Палестину«, тотъ »обѣтованный рай«, который текъ молокомъ и медомъ и который былъ предметомъ глубокаго благоговѣнія въ глазахъ всякаго козака; это Самарь и по-Самарье съ ея священнымъ пустынно-николаевскимъ монастыремъ:

Славно ж ть на кошу:
Я земли не пашу,

[1]) Бопланъ. Описаніе Украйны, 1832, Спб., стр. 93. Также Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ Южн. Россію, т. I, стр. 379.

[2]) Разсказъ, записанный мною отъ крестьянина Евсевія Головурнаго, деревни Богодара, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи.

Я травы не кошу,
А парчу все ношу,
Сыплю золотомъ...
На войнѣ не тужу,
А на смерть колочу,
Безъ войны я кучу,
Да кучу, какъ хочу,
Въ свою голову!..

Но тоже Запорожье, по мѣстамъ и въ иное время, носило и противоположный этому характеръ. »Разсказъ Папроцкаго выразительными чертами рисуетъ мѣстность, въ которой гнѣздилось козачество. Становится понятнымъ, почему, она оставалась »дикими полями«, безлюдною пустынею, не принадлежащею никому изъ сосѣднихъ народовъ. Это были пространства безплодныя, опустошаемыя саранчею, удаленныя отъ поселеній на столько, что человѣкъ рисковалъ умереть голодною смертью во время переходовъ. Нѣкоторыя только мѣста изобиловали рыбою и дичью, да на большихъ разстояніяхъ были разбросаны оазисы богатой растительности для пастьбы скота. Удалиться за пороги—значило подвергнуть себя многимъ лишеніямъ, которыя могъ выдерживать только человѣкъ съ желѣзною натурою. Что-бы войско могло стоять въ этой пустыни кошемъ, отряды его должны были заниматься охотою и рыболовствомъ. Даже добываніе соли сопряжено было съ далекими переѣздами и опасностями, и потому козаки вялили рыбу, натирая ее древесною золою вмѣсто соли... *Козакъ сиромаха*—было давнишнею народною поговоркою на Украинѣ, гдѣ сиромахою обыкновенно называется волкъ, въ смыслѣ голоднаго скитальца. Козакъ и убожество, козакъ и нужда — эти два понятія имѣли всегда близкое сродство. Вспомнимъ распространенное по Украйнѣ изображеніе запорожца съ надписью:

Козакъ, душа правдива,
Сорочки не мае, и т. д. [1])«.

Характеромъ безплодія отличалось по преимуществу такъ называемое »Дикое поле«, теперь »Чисто-поле, Пусто-поле«. Хотя у

[1]) Кулишъ. Подольск. колон. юго-западной Руси, Вѣст. Евр., 1874 года, т. IV, стр. 530.

поляковъ именемъ Дикаго поля называлось вообще все Запорожье, но есть основаніе думать, что это была только часть запорожскихъ владѣній, по преимуществу съ правой стороны Днѣпра. Дикое поле начиналось на западѣ отъ р. Синюхи, притока Буга, и тянулось на востокъ къ правому берегу Днѣпра, по верховьямъ р.р. Ингульца, Саксагани, Базавлука и Мокрой Суры; на сѣверѣ оно граничило съ гетманщиной, а на югѣ со степями ногайскихъ татаръ, въ паланкахъ Кайдацкой, Буго-гардовской и Ингульской [2]). Это была дикая, мало-плодная пустыня; въ ней не было ни деревушки, ни хаты, кромѣ рѣдко разбросанныхъ козацкихъ жилищъ—бурдюговъ. Здѣсь путешественники не только не находили необходимаго для себя пропитанія, но даже лишались зачастую и самой жизни, какъ объ этомъ поется въ превосходной думѣ »О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ неволи турецкой изъ Азова«.

.... Отъ меньшій братъ на Савуръ-могилу лягае,
Головку склоняе,
Тамъ соби безпечно девятого дня спочинокъ мае,
Девятого дня изъ неба воды-погоды выжидае;
Мало-не много спочивавъ,
Къ ёму вовки сироманьци набигали
И орлы сизопери налитали,
Въ головкахъ сидали,
Вони смерти дожидали.
.... Тоди меньший братъ на Савуръ-могилу захожае,
Головку свою козацьку склоняе,
Батькову-матчину молитву споминае,
И Богу душу отдавае.
Отъ руками не визьме,
Ногами не пійде
И ясно очима на небо не зиляне....
На небо взирае,
Тяжко воздыхае:
Голово моя козацькая!
Бували ми у земляхъ турецькихъ,

[2]) См. планъ Россіи съ 1770 г. »Планы и карты« Устрялова; также Путевыя записки. Э. Ляссоты, стр. 53 и 54.

У вирахъ бусурменськихъ;
А теперъ припало на безвидди, на безхлибьи погибати.
Девятый день хлиба въ устахъ не маю,
На безвидди, на безхлибьи погибаю!
Тутъ тее промовлявъ... Не чорна хмара налитала,
Не буйни витри винули,
Якъ душа козацька молодецька зъ тиломъ розлучалась.
Тоди сиви зозули налитали,
У головкахъ сидали, жалибно кували
И такъ якъ ридни сестры оплакали,
Тоди вовки—сиромальци набигали,
И орлы-чорнокрыльци налитали,
Въ головкахъ сидали,
Зъ лоба чёрни очи выдирали,
Биле тило одъ жовтои кости одрывали,
Жовту кисть по-пидъ зелеными яворами разношали
И комышами укрывали,
И жалибненько квилили—проквиляли:
То-жъ вони козацькіи похороны одправляли[1]).

Но не одно Дикое поле отличалось такими ужасами; безхлѣбье и безводье были частыми явленіями и во всей краинѣ запорожской, а голодные и оттого дико-свирѣпые волки рыскали цѣлыми стаями повсемѣстно; они нападали на путешественниковъ, разрывали ихъ, пожирали скотъ и въ ночное время поднимали въ степи такой адскій вой и дикое пѣніе, отъ котораго всякое живое существо приходило въ ужасъ и содроганіе. Еще больше того было здѣсь гадовъ, слѣпней, комаровъ и мошекъ, »крылатыхъ пилекъ запорожскихъ омутовъ«. »Берега днѣпровскіе замѣчательны безчисленнымъ количествомъ мошекъ: утромъ летаютъ мухи обыкновенныя, безвредныя; въ полдень являются большія, величиною съ дюймъ, нападаютъ на лошадей и кусаютъ до крови; но самые мучительные и самые несносные комары и мошки появляются вечеромъ: отъ нихъ невозможно спать иначе, какъ подъ козацкимъ пологомъ, т. е. въ небольшой палаткѣ, если только не за-

[1]) Антоновичъ и Драгомановъ. Истор. пѣсни малорусск. нар. Кіевъ, 1874 года, т. I, стр. 106—133.

хочешь имѣть распухшаго лица. Я могу въ этомъ поручиться, потому что самъ былъ проученъ на опытѣ: опухоль лица моего едва опала черезъ три дня, а вѣки такъ раздулись, что я почти не могъ глядѣть: страшно было взглянуть на меня... Чтобы избавиться отъ мучительныхъ комаровъ и мошекъ, одно средство—прогонять ихъ дымомъ; для сего надобно содержать постоянный огонь« [1]). Но что все это въ сравненіи съ тѣми бѣдствіями, которыя постигали запорожскій край отъ множества водившейся здѣсь саранчи? Это былъ страшный бичъ Запорожья; она истребляла не только травы степныя, произрастенія земныя, не только всѣ посѣвы хлѣбные и листья древесныя, но даже пожирала самую одежду, особенно зеленыхъ и красныхъ цвѣтовъ, и на далекое разстояніе заражала воздухъ зловоннымъ и отвратительнымъ смрадомъ. Въ Украйнѣ и въ Запорожьѣ саранча появлялась періодически, по два, по четыре и даже по шесть лѣтъ подъ рядъ. Въ 1690, въ 1745 и 1746 годахъ саранчи на Украйнѣ особенно много было. »Тогда многіе принялись было за набоженство и церковныя заклинанія и выходили многія парафіи съ процессіей церковною на встрѣчу летящей сараны; когда увидѣли, что сарана садилась на хоругви церковныя и на ризы священническія и грызла крашеную ихъ матерію, то, оставивъ процессіи и встрѣчи, стали изыскивать средства простѣйшія къ ея погубленію« [2]). Въ 1748 и въ 1749 годахъ для истребленія саранчи были введены такія мѣры, какія принимались противъ моровой язвы. »Бывшіе малороссійскіе полки всѣ были въ поле выведены и сами ихъ полковники и старшины, употребляя и прочихъ обывателей, истребляли саранчу, то зарывая ее во рвы, то сожигая, то метлами побивая... Словомъ сказать, истребленіе саранчи всѣхъ начальниковъ и жителей занимало и за первое дѣло почиталось и уважалось«. Такъ говоритъ неизвѣстный авторъ »Замѣчаній до Малой Россіи принадлежащихъ«, предлагающій при этомъ и самыя мѣры противъ этого страшнаго бича Малороссіи и Запорожья [3]). »Безчисленное множество оной (саранчи) въ Украйнѣ припоминаетъ мнѣ наказаніе, ниспосланное Всевышнимъ на Еги-

[1]) Боплавъ. Описаніе Украйны, Спб., 1832 г., стр. 84.
[2]) Конисскій. Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 187.
[3]) Замѣчан. до Малой Россіи, Москва, 1848, стр. 44 и 45.

петъ при Фараонѣ. Я видѣлъ, какъ бичъ сей терзалъ Украйну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, особенно въ 1645 и 1646 годахъ. Саранча летитъ не тысячами, не милліонами, но тучами, занимая пространство на пять или на шесть миль въ длину, и на двѣ или на три мили въ ширину. Приносимая въ Украйну почти ежегодно изъ Татаріи, Черкессіи, Бассы и Мингреліи восточнымъ или юго-восточнымъ вѣтромъ, она пожираетъ хлѣбъ еще на корнѣ и траву на лугахъ; гдѣ только тучи ея пронесутся или остановятся для отдохновенія, тамъ черезъ два часа не останется ни былинки, и дороговизна на съѣстные припасы бываетъ ужасная. Бѣдствія увеличиваются въ триста разъ болѣе, когда саранча не пропадаетъ до наступленія осени... Нѣтъ словъ для выраженія саранчи: она совершенно наполняетъ воздухъ и помрачаетъ свѣтъ дневной. Полетъ ея лучше всего сравнить съ снѣжными хлопьями, разсыпаемыми вьюгою во всѣ стороны. Когда она сядетъ, все поле покрывается ею, и раздается только шумъ, который она производитъ, пожирая растенія; оголивъ поле въ часъ или два, туча поднимается и летитъ далѣе по вѣтру. Въ это время исчезаетъ свѣтъ солнца и небо покрывается какъ будто мрачными облаками. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1646 года я долженъ былъ остановиться на двѣ недѣли въ недавно построенномъ Новградѣ, гдѣ заложена была мною крѣпость: увидѣвъ тамъ безчисленное множество саранчи, я не опомнился отъ удивленія. Гадина вывелась въ окрестностяхъ Новограда весною и не могла еще хорошо летать, но покрывала землю и наполняла воздухъ такъ, что я не могъ безъ свѣчей обѣдать въ моей комнатѣ. Домы, конюшни, даже хлѣва и погреба были набиты ею. Чтобы выжить сію незванную гостью изъ комнаты, я жегъ порохъ, курилъ сѣрою, но все безъ пользы: какъ скоро отворяли дверь, безчисленное множество насѣкомыхъ вылетало и прилетало въ одно время. На улицѣ онѣ кидались въ лицо, садились на носъ, щеки, брови, даже падали въ ротъ, если кто хотѣлъ вымолвить слово. Это неудобство еще незначительно въ сравненіи съ безпокойствомъ во время обѣда: разрѣзывая мясо на тарелкѣ, вы по неволѣ давите саранчу, и едва раскроете ротъ, чтобы проглотить кусокъ, въ ту-же минуту должны выплевывать влетѣвшую гадину. Люди самые опытные приведены были въ отчаяніе неописаннымъ множествомъ саранчи: надобно быть самому очевидцемъ, чтобы

судить объ этомъ наказаніи. Опустошивъ въ двѣ недѣли окрестности Новограда и получивъ силу летать, саранча отправилась по вѣтру въ другія области. Я видѣлъ ночлегъ ея: кучи насѣкомыхъ покрывали дорогу на четыре дюйма въ толщину, такъ что лошади наши останавливались и только подъ сильными ударами плети передвигали ноги: поднявъ уши и фыркая, онѣ переступали съ большимъ страхомъ. Гадина, давимая колесами повозокъ и лошадиными копытами, испускала смрадъ нестерпимый, для головы весьма вредный; я принужденъ былъ безпрерывно держать у носа платокъ, намоченный уксусомъ. Свиньи съ жадностью пожираютъ саранчу и отъѣдаются весьма скоро; но никто не употребляетъ ихъ въ пищу, единственно по отвращенію къ гадинѣ, которая наноситъ столь большой вредъ. Саранча живетъ не болѣе шести съ половиной мѣсяцевъ, но распложается и на слѣдующій годъ: октябрь мѣсяцъ останавливаетъ полетъ ея: тогда каждое насѣкомое выкапываетъ хвостомъ яму и, положивъ въ оную до 300 яицъ, зарываетъ ихъ ногами; послѣ сего умираетъ. Ни дождь во время несенія яицъ, ни сильный зимній холодъ не истребляютъ зародышей; весною-же, въ половинѣ апрѣля, когда солнечные лучи нагрѣваютъ землю, саранча вылупляется изъ яицъ и расползается, но не прежде шести недѣль получаетъ способность летать; до того-же времени отходитъ не далеко отъ мѣста своего рожденія. Укрѣпясь въ силахъ, она направляетъ свой полетъ по вѣтру; постоянный вѣтеръ сѣверо-западный вгоняетъ ее въ Черное море, а вѣтры другихъ странъ разносятъ бичъ сей по Украйнѣ... Вотъ что замѣчено мной въ долговременное пребываніе въ Украйнѣ о семъ насѣкомомъ. Оно бываетъ толщиною въ палецъ, а въ длину имѣетъ отъ трехъ до четырехъ дюймовъ« [1]). Почти въ такихъ-же краскахъ рисуетъ бѣдственное положеніе земель ногайскихъ татаръ, а съ ними вмѣстѣ и запорожскихъ, подвергаемыхъ опустошенію со стороны той-же саранчи, и баронъ де-Тоттъ, авторъ »Записокъ о туркахъ и татарахъ«. »Сіи насѣкомыя налетаютъ тучами на равнины ногайскія, садятся на поля, особенно засѣянныя просомъ, и опустошаютъ ихъ въ одно мгновеніе. При появленіи облаковъ саранчи свѣтъ дневной помрачается и облака ея заслоняютъ солнце. Иногда удается зем-

[1]) Боплань. Описаніе Украйны. Спб., 1832 г., стр. 87—89.

ледѣльцамъ— ногаямъ прогонять ее крикомъ и стукомъ, но чаще она садится на поляхъ ихъ и покрываетъ оныя слоемъ, толщиною отъ шести до семи дюймовъ. Тогда шумъ полета ея смѣняется шумомъ, который она издастъ, пожирая растенія, и который можно сравнить со звукомъ при паденіи града; но градъ не столько наноситъ вреда, какъ саранча. Самый огонь не можетъ быть опустошительнѣе для полей: тамъ, гдѣ отдыхала саранча, не остается и слѣдовъ прозябанія. Бичъ сей вѣроятно не пощадилъ-бы плодоносныхъ полей Греціи и Малой Азіи, если-бы Черное море не поглощало саранчи, когда она усиливается перелетѣть чрезъ сію естественную преграду. Не рѣдко я находилъ берега Эвксинскаго понта близъ Босфора Ѳракійскаго покрытыми изсохшею саранчей, такъ что нельзя было пройти по берегу безъ того, чтобы не увязнуть въ ея кучахъ. Любопытствуя знать причину истребленія ея, я выжидалъ случая и былъ свидѣтелемъ, какъ буря, заставъ саранчу близъ береговъ, истребила ее совершенно: принесенная волнами къ берегамъ, она издавала такой несносный запахъ, что долго невозможно было къ нимъ приблизиться« [1]).

Но и саранчею не окапчивались бѣдствія, постигавшія запорожскій край. Много приходилось козакамъ терпѣть еще отъ заразительныхъ лихорадокъ и особенно отъ страшной болѣзни, извѣстной подъ именемъ чумы, моровой язвы или наглой смерти. И это бѣдствіе не было рѣдкимъ явленіемъ на Запорожьѣ. Въ 1680 году »въ Кизикерменѣ, въ турецкомъ городѣ надъ Днепромъ, повѣтре моровое значне грасовало, и бея кизикерменскаго со всѣмъ домомъ его вигубило. Потомъ и въ Сѣчи запорожской, подъ осѣнъ (осень), тое-жъ повѣтре значную въ войску запорожскомъ учинило шкоду« [2]). Въ 1738 году »свирѣпствовавшая моровая язва въ Яссахъ и Букарестѣ распространилась не только въ Каменцѣ-Подольскомъ, Барѣ, Могилевѣ и въ другихъ польскихъ городахъ, но даже перешла въ Украйну« [3]). Тогда страшная смерть поглотила многихъ изъ запорожскихъ козаковъ, полегшихъ благородными костями на кладбищѣ Новой Сѣчи и своими могилами увеличившихъ эту мерт-

[1]) Mémoires du baron de Tott, sur les Turcs et les Tartares.

[2]) Лѣтопись Сам. Величка. Кіевъ, 1851 г., стр. 500.

[3]) Бантышъ-Каменскій. Истор. Мал. Рос., Москва, 1842 г., стр. 171.

вую обитель. Въ 1760 году »появившаяся и сразу въ одно время обнявшая все вообще Запорожье моровая язва была такъ сильна и свирѣпа, навела на козаковъ запорожцевъ такой паническій страхъ, что жители Запорожья въ недоумѣніи и страхѣ, въ томленіи сердца и въ смятеніи духа, въ виду смерти, прекратили всѣ обычныя занятія свои и всецѣло предались молитвеннымъ воплямъ и сердечнымъ воздыханіямъ къ Богу. Въ Никитиномъ (застава) іеромонахъ-начальникъ внезапно и скоропостижно умершій, незадолго до смерти въ духѣ старческой, отеческой любви, написалъ умилительное воззваніе къ своимъ дѣткамъ-запорожцамъ, прося и умоляя ихъ каяться во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ и готовиться къ переходу въ загробную жизнь; сѣчевой школы и церкви учитель и уставщикъ, іеромонахъ Леонидъ, прекративъ всѣ занятія по школѣ и перемѣстивъ учениковъ своихъ изъ Сѣчи за рѣчку Подпольную, по долгу званія своего, какъ отецъ сердобольный, *возвысилъ къ дѣтямъ-запорожцамъ голосъ свой яко трубу*, письменно и устно внушалъ всѣмъ и каждому, въ тяжкія минуты явной опасности, заботиться исключительно о благоугожденіи Богу и о спасеніи души. Самъ панъ атаманъ Алексѣй Бѣлицкій, именемъ всевельможнаго и всевластнаго Коша, располагалъ и приглашалъ козаковъ-запорожцевъ къ тому-же... Въ духовномъ, чисто религіозномъ настроеніи сердца, козаки-запорожцы во все это время огромными массами ходили въ Новые-Кайдаки на поклоненіе иконѣ Божіей Матери и въ Самарскій монастырь на поклоненіе образу великаго милостивца и избавителя отъ *напой смерти*, святителя Христова Николая«.

Вотъ непривлекательная сторона того удѣла, который достался на долю запорожскихъ козаковъ. Страшный зной лѣтомъ, невыносимый холодъ и лютая стужа зимой довершали общую картину и всего вообще Запорожья и Дикаго поля въ особенности, гдѣ холодъ, вслѣдствіе открытой, почти голой поверхности, вслѣдствіе своего положенія на сѣверъ, особенно давалъ о себѣ знать. »Основываясь на градусной широтѣ, можно полагать, что наши степи наслаждаются благораствореннымъ климатомъ южной Европы, но какъ много изотермическая линія разнствуетъ отъ широты! Средняя годовая температура Одессы выражается только $+8^{0}$, а температура лѣта отъ зимы разнится весьма много: лѣтній жаръ доходитъ иногда въ тѣни до $+30^{0}$; зимою термометръ понижается, хотя и весьма

рѣдко, до 23°. Годовое количество выпадающаго дождя доходитъ среднимъ числомъ линь до 13 фр. дюймовъ. Съ сею разностію между жаркимъ лѣтомъ и суровою, нерѣдко безснѣжною зимою, и съ этимъ ограниченнымъ количествомъ дождя, сопряжены непрестанные вѣтры, лѣтомъ палящіе почву, зимою усиливающіе холодъ, продолжительныя лѣтнія засухи при безоблачномъ, раскаленномъ небѣ и совершенномъ отсутствіи ночныхъ росъ, слабость электричества въ атмосферѣ, быстрое испареніе воды и наконецъ перемѣнчивость погоды. Таково состояніе атмосферы въ большей части херсонской губерніи« [1]), а, стало быть, скажемъ отъ себя, и запорожскаго края.

Но, безъ всякаго сомнѣнія, изъ всѣхъ климатическихъ неудобствъ запорожскаго края однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ былъ въ зимнее время холодъ. Бопланъ въ этомъ отношеніи даетъ прекрасное описаніе. »Хотя Украйна, говоритъ онъ, лежитъ подъ одинаковою широтою съ Нормандіею, однакожъ стужа въ ней суровѣе и съ нѣкотораго времени не только жители, особенно люди военные, но даже кони и вообще вьючный скотъ, не въ силахъ переносить холода нестерпимаго. Счастливъ еще тотъ, кто спасается отъ смерти, отморозивъ пальцы, уши, носъ, щеки или другія части тѣла. Въ сихъ членахъ естественная теплота исчезаетъ иногда мгновенно, зараждается антоновъ огонь и они отпадаютъ. Человѣкъ теплокровный хотя не можетъ вдругъ отморозить членовъ, но отъ стужи появляются на нихъ вереды, которые производятъ боль столь-же мучительную, какъ и болѣзнь венерическая. Это доказываетъ, что стужа въ Украйнѣ гибельна не менѣе огня. Вереды сначала бываютъ въ горошину, но чрезъ нѣсколько дней, иногда чрезъ нѣсколько часовъ, увеличиваются и покрываютъ весь членъ, который потомъ отваливается«...

»Обыкновенно стужа охватываетъ человѣка вдругъ и съ такою силою, что безъ предосторожностей невозможно избѣжать смерти. Люди замерзаютъ двоякимъ образомъ: одни скоро; смерть ихъ можно назвать даже спокойною, ибо они умираютъ во время сна, безъ долговременныхъ страданій. Кто пустится въ дорогу на конѣ или

[1]) Кирьяковъ. Взглядъ на лѣсов. и садов. въ херсонской губерніи; Лѣсной журналъ, 1836 г., ч. II, кн. I, стр. 103—105.

въ повозкѣ, но не возьметъ необходимыхъ предосторожностей, худо одѣнется и притомъ не можетъ перенести жестокой стужи, тотъ сперва отмораживаетъ оконечности рукъ и ногъ, потомъ нечувствительно самые члены, и мало-по-малу приходитъ въ забытье, похожее на оцѣпененіе: въ это время сильная дремота клонитъ васъ ко сну. Если дадутъ вамъ уснуть, вы заснете, но никогда уже не пробудитесь; если-же соберете всѣ свои силы и прогоните сонъ, или спутники васъ разбудятъ,—жизнь ваша спасена... Другіе умираютъ не такъ скоро, но смерть ихъ труднѣе и мучительнѣе. Природа человѣческая не въ состояніи даже перенести тѣхъ мученій, которыя приводятъ страдальцевъ почти въ бѣшенство. Такой смерти не избѣгаютъ люди и самаго крѣпкаго тѣлосложенія. Стужа проникаетъ въ почки и обхватываетъ поясницу: всадники отмораживаютъ подъ бронею животъ, особенно кишки и желудокъ. Потому-то страдалецъ чувствуетъ неутолимый голодъ. Принявъ пищу самую легкую, напримѣръ, бульонъ, онъ извергаетъ ее немедленно съ болью мучительною и коликами нестерпимыми, стонетъ безпрестанно и жалуется, что внутренности раздираются. Предоставляю ученымъ врачамъ изслѣдовать причину такихъ ужасныхъ страданій; замѣчу только, что нѣкоторые любопытные украинцы, желая узнать, отъ чего болѣзнь сія столь мучительна, вскрывали трупы и находили большую часть кишекъ почернѣлыми, обожженными и какъ будто-бы склеившимися. Это убѣдило ихъ, что подобныя болѣзни неизцѣлимы и что больной стонетъ и кричитъ день и ночь безпрестанно, по мѣрѣ того, какъ въ отмороженныхъ внутренностяхъ появляется антоновъ огонь: продолжительная, мучительная смерть его неизбѣжна. Что касается до меня, то я, путешествуя въ каретѣ или въ повозкѣ, клалъ на ноги для тепла собаку, укутывалъ ихъ суконнымъ одѣяломъ или волчьей шубой; лице же, руки и ноги натиралъ виннымъ спиртомъ, которымъ смачивалъ и чулки, оставляя ихъ высыхать на ногахъ... Стужа бываетъ еще опаснѣе для того, кто не употребляетъ горячей пищи и питья, по примѣру украинцевъ, которые три раза въ день ѣдятъ родъ похлебки или горячаго пива съ масломъ, перцемъ и хлѣбомъ, и тѣмъ предохраняютъ свою внутренность отъ холода [1]).

---

[1]) Боплянъ. Описаніе Украйны, стр. 93—99.

Такова характеристика запорожскихъ владѣній. Много здѣсь удобствъ и привлекательности, но много-же здѣсь неудобствъ и непривлекательности. Уже одинъ Днѣпръ мало казался гостепріимнымъ для всякаго путешественника. Грозенъ и дикъ онъ въ настоящее время, но еще грознѣе, еще болѣе дикимъ онъ казался въ прошлую пору, въ тѣ молодыя для Руси времена. Такимъ грознымъ, дикимъ, недоступнымъ дѣлали Днѣпръ какъ обиліе его заливовъ, гирлъ, болотъ и рукавовъ, такъ и множество его острововъ, корчей, заборъ и пороговъ. »Днѣпръ, говоритъ Діонъ Хризостомъ, подъ конецъ своего теченія (τὸ δε λοιπόν) бросается многими устьями въ лиманъ и образуетъ многочисленные острова, покрытые зеленью и камышомъ (δασεῖα καλάμῳ καὶ δένδροις)« [1]). По сказанію Боплана, съ южной стороны Днѣпра острововъ было болѣе десяти тысячъ и всѣ они были покрыты такою густою травою, такимъ непроглядымъ камышомъ и высокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромныя деревья за мачты кораблей, плавающихъ по днѣпровскимъ водамъ, а всю массу острововъ за одинъ сплошной, огромной величины островъ. »Однажды, говоритъ Бопланъ, преслѣдуя козаковъ на возвратномъ пути съ Чернаго моря, турецкія галеры проникли до самой скарбницы, но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ и рукавовъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули на нихъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили множество галеръ и такъ напугали турокъ, что они никогда съ тѣхъ поръ не смѣли входить въ Днѣпръ далѣе четырехъ или пяти миль отъ устья« [2]). Но что это въ сравненіи съ днѣпровскими порогами? Кто не видѣлъ пороговъ, кто не пытался проѣзжать чрезъ нихъ, тотъ никогда не можетъ себѣ представить всей грозности, всего ужаса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего величія, какимъ обдаетъ Днѣпръ всякаго путешественника. Кровь леденѣетъ въ жилахъ, уста смыкаются, сердце перестаетъ биться. Уже издали можно узнать приближеніе пороговъ,—узнать можно по тому страшному шуму, оглушительному реву воды, которая, вливаясь въ промежутки между пороговъ, сильно пѣнится, высоко вздымается

---

[1]) Dio Chrysost., cap. II, oratio XXXVI, стр. 75.

[2]) Бопланъ. Описаніе Украйны, стр. 26.

вверхъ и быстро стремится вырваться изъ своихъ тисковъ, желая какъ-бы все пожрать своимъ теченіемъ, за все какъ-бы судорожно хватаясь и все мгновенно увлекая. Картина еще страшнѣе выходитъ, когда на Днѣпрѣ схватится вѣтеръ или буря, такъ называемая »*полоса*«. »Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ (сѣверо-восточный) самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его«, сказалъ одинъ изъ эллиновъ о греческихъ вѣтрахъ и это-же можно примѣнить къ днѣпровскимъ. Изъ періодическихъ вѣтровъ, съ большимъ постоянствомъ дуетъ здѣсь сѣверо-восточный вѣтеръ, достигая наибольшей силы около двухъ часовъ дня. »Имъ (лоцманамъ) опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, не шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются полосы и если такая полоса застигаетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь [1])«. Полосы эти схватываются во всякое время дня и совершенно внезапно. Вотъ Днѣпръ спокоенъ и тихъ; въ его водахъ, какъ въ чистомъ хрустальномъ зеркалѣ, отображается ясное, безоблачное небо. Но это спокойствіе обманчиво, оно непродолжительно. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, надъ нимъ разражается страшная буря, дико завоетъ свирѣпый вѣтеръ и въ мигъ вся поверхность воды превращается въ цѣлыя горы во всѣ стороны брызжущей пѣны. Еще хуже того бываетъ въ осеннее время. Тогда среди яснаго, тихаго и теплаго дня воздухъ вдругъ холодѣетъ и начинаетъ мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сначала сѣрымъ, а потомъ совершенно темнымъ; оно какъ-бы наливается тяжелымъ свинцомъ. Днѣпръ кажется тогда черной, ужасающихъ размѣровъ гадиной, готовой всякаго пожрать въ своей невмѣстимой пасти; тогда всѣ предметы естественной величины выходятъ до чудовищной; былинка представляется деревомъ, небольшой камень огромной скалой, маленькій стрижъ (птица) большущимъ орломъ.

---

[1]) Аѳанасьевъ-Чужбинскій. Поѣздка въ южн. Рос. ч. I, стр. 87.

По всему этому среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ, не рискуя головой, могъ свободно плавать опытный и очень опытный пловецъ; среди его безчисленныхъ острововъ, топкихъ болотъ, среди непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто отлично и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ Днѣпръ и его долину: въ противномъ случаѣ, одна малѣйшая ошибка, одинъ неосторожный шагъ человѣка вели къ завѣдомой гибели его, непремѣнной смерти. Но вотъ эта-то дикость, вотъ эта-то неприступность Днѣпра и привлекала »низовыхъ молодцевъ«, запорожскихъ козаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ »поляхъ«, въ безводныхъ и дикихъ степяхъ,—здѣсь-то удальцы и находили себѣ надежное убѣжище, прочную колыбель, всеобъемлющее лоно. »Сичь—мати, а великій лугъ—батько«!.. Сюда не могла досягать ни рука королевскаго чиновника, ни рука пана-узурпатора, ни власть коронпаго гетмана, ни даже распоряженія самаго короля Рѣчи-Посполитой. Здѣсь-же »молодцы« не боялись ни набѣговъ татаръ, ни наѣздовъ турокъ. Такъ было уже въ началѣ существованія запорожской общины и до самаго 1638 года, когда поляки впервые, и то лишь отчасти, проникли и ознакомились съ запорожскими трущобами, придавая этому знакомству чрезвычайно важное значеніе [1]).

Съ понизовья вѣтеръ вѣетъ,
Повѣваетъ,
Вѣтеръ лодочки лелѣетъ
И качаетъ,
Гей, хлопцы, живо, живо!
Въ Сѣчи водка, въ Сѣчи пиво...
Будемъ отдыхать,

---

[1]) Кулишъ. Польско-козацкая война. Отеч. Зап., 1864 г., стр. 54, примѣчаніе 2.

Дружно въ весла! чайкой чайку
Обгоняйте!
Про Подкову, Наливайка
Запѣвайте.
Гей, хлопцы, пойте пѣсни,
Словно птицы въ поднебесьи
Вольныя поютъ.

Д. И. Эварницкій.

Харьковъ. 1883 г., декабря 6 дня.

Хроника кіевской общественной жизни по дневнику митрополита Серапіона [1]).

(1804—1824 г.)

Человѣкъ, по своему положенію поставленный въ необходимость принимать участіе въ наиболѣе крупныхъ событіяхъ общественной жизни, не можетъ, при всемъ желаніи, отдѣлить свою частную, личную жизнь отъ жизни общества. Какъ-бы ни былъ ограниченъ его кругозоръ, въ какихъ-бы узкихъ рамкахъ онъ ни велъ свои поденныя записи, какъ-бы эгоистично ни было его самонаблюденіе,—волей-неволей въ его дневникѣ найдетъ себѣ мѣсто и нѣчто годное для исторіи и характеристики общественной жизни. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служатъ дневныя записки м. Серапіона. Среди скучнаго, утомительно-однообразнаго и вялаго перечня градусовъ тепла, просителей и посѣтителей, богослуженій и обѣденныхъ кувертовъ,—нѣтъ, нѣтъ, да и мелькнутъ въ нихъ нѣсколько строкъ, характерныхъ для исторіи кіевской общественной жизни.

Общественная жизнь Кіева важнѣе и любопытнѣе, чѣмъ личное житіе владыки, разнообразившееся почти исключительно почестями и болѣзнями, а тотъ періодъ, который обнимаютъ записки Серапіона, не смотря на свою близость къ намъ, все-таки довольно малоизвѣстенъ.

О древней кіевской жизни мы знаемъ изъ лѣтописей, о новѣйшей изъ газетъ. Но между эпохою лѣтописей и эпохою газетъ есть длинный, глухой и темный промежутокъ, слегка и прерывисто освѣ-

[1]) Изъ посмертныхъ бумагъ проф. Ф. А. Терновскаго.

щаемый для насъ случайными извѣстіями мемуаристовъ и кіевскихъ поклонниковъ. Поэтому-то для насъ легче представить непрерывный ходъ кіевской жизни въ XI и XII столѣтіи, чѣмъ въ XVIII и началѣ XIX. Для подтвержденія этого нужно загляпуть хоть въ хронику кіевскую при *Описаніи Кіева* Закревскаго. Благодаря запискамъ м. Серапіона, открывается возможность отчасти пополнить этотъ пробѣлъ по отношенію къ годамъ 1804—1824. Почтенный архипастырь отмѣчалъ иногда, *не мудрствуя лукаво*, или лучше сказать—безъ всякихъ размышленій, факты общественной жизни, отмѣчалъ сухо, кратко и вяло, и тѣмъ не менѣе оставилъ намъ далеко не безынтересныя, хотя отрывочныя и односторонніе свѣдѣнія о кіевской жизни того времени. Постараемся по возможности сгруппировать ихъ подъ общими нѣкоторыми заглавіями, а гдѣ можно и связать между собою, по единству содержанія, отдѣльныя выдержки изъ дневника Серапіона, опуская замѣтки совсѣмъ не значущія, а подъ часъ сокращая и измѣняя многословную и слишкомъ однообразную ихъ форму.

Посѣщеніе Кіева митр. моск. Платономъ.

Митр. московскій Платонъ *Левшинъ* провелъ въ Кіевѣ недѣлю (отъ 2 по 8 іюня). Посѣщеніе это было для м. Серапіона и почетно, и пріятно, ибо на первыхъ порахъ поднимало его авторитетъ, но конечно требовались и нѣкоторыя хлопоты, чтобы принимать знаменитаго гостя.

1 іюня м. Серапіонъ получилъ увѣдомленіе о выѣздѣ м. Платона изъ Чернигова въ Кіевъ и отправилъ за Днѣпръ въ *трактиръ*, стоящій на восточномъ берегу Днѣпра, архимандрита никольскаго монастыря Иринея Фальковскаго, владимірскаго протопопа Кринитскаго (брата царскаго духовника) и лаврскихъ казначея, эконома и типографа, для встрѣчи московскаго митрополита. Московскій владыка подъѣхалъ къ *трактиру* около 2-хъ часовъ ночи, гдѣ и встрѣченъ у кареты прибывшими, и благословивъ ихъ, отпустилъ ѣхать шлюпкою, для него приготовленною, а самъ поѣхалъ паромомъ. Въ Лавру прибылъ въ 4 часа утра *въ Вознесенье 2 іюня*, и встрѣченъ въ сѣняхъ (архимандричьихъ покоевъ) митрополитомъ Серапіономъ и соборными старцами. Въ 6 часу, яко до-

рожный, трактованъ чаемъ. Въ 9 часовъ ходилъ въ великую церковь и слушалъ тутъ обѣдню, стоя у стѣны противъ праваго клироса. Послѣ проповѣди взошелъ въ олтарь и любопытно осматривалъ все, и вышедъ изъ олтаря, осматривалъ внутренность церкви. Возвратившись въ архимандричьи покои, митрополитъ Платонъ принималъ поздравленіе съ пріѣздомъ отъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ, отъ коменданта и отъ другихъ чиновниковъ. По отбытіи свѣтскихъ, поздравляли московскаго владыку братія лаврская и соборяне софійскіе, при чемъ протоіерей Леванда произнесъ рѣчь.

3 іюня митрополитъ Платонъ въ сопровожденіи митрополита хозяина осматривалъ Печерскъ, былъ въ Никольскомъ монастырѣ, въ церкви на Оскольдовой могилѣ и въ арсеналѣ. Ходилъ большею частью пѣшкомъ.

4 іюня гость служилъ раннюю обѣдню въ ближнихъ пещерахъ; потомъ ѣздилъ съ хозяиномъ въ Софійскій соборъ, гдѣ особливо и двоекратно входилъ въ придѣлъ видѣть гробъ Ярослава, основателя собора сего; также обратилъ большое вниманіе на одинъ, въ верхнемъ (срѣтенскомъ) придѣлѣ, иконостасъ рѣзной, »представляющій отъ корепя Авраамова происхожденіе«. Потомъ смотрѣлъ соборную, а послѣ и архіерейскую ризницу; сію послѣднюю признавъ нескудною панагіями и саккосами. Предъ обѣдомъ принимали у митрополита Платона благословеніе священство подольское и консистористы. Обѣдалъ у митрополита-хозяина съ викаріемъ, архимандритами и присутствующими (въ дикастеріи) на 13 кувертовъ. Послѣ обѣда гость посѣщалъ старокіевскія церкви и осматривалъ съ крыльца Андреевскаго собора Подолъ. Съ Андреевской горы оба митрополита пѣшкомъ шли до низу ея; заѣзжали сперва въ монастырь Фроловскій, потомъ въ греческій; оттолѣ были въ Академіи [1]). Наконецъ заѣзжали въ Михайловскій монастырь; гость былъ въ церкви и въ покояхъ у викарія Ѳеофана (Шіянова).

5 іюня воскресенье. Гость служилъ въ великой церкви съ своимъ архимандритомъ (андроньевскимъ) и протопопомъ и пр. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 26 кувертовъ: гость, хозяинъ, викарій, военный губернаторъ и гражданскій вице-губернаторъ, артиллеріи генералъ Миллеръ, генералъ-маіоръ Свѣчинъ и Толь,

[1]) См. объ этомъ *Труды кіевск. дух. ак.*, 1882 г. № 9, стр. 230.

генералъ-поручикъ Шардонъ, войтъ и Балабуха. Послѣ обѣда въ 7 часу митрополиты ѣздили въ Выдубецкій монастырь, гдѣ ходили по церквамъ; и во время сіе дождь шелъ.

6 іюня понедѣльникъ. Утромъ м. Платонъ былъ въ Шулявщинѣ и въ Китаевской пустыни, ходилъ въ лаврскую типографію, потомъ въ Преображенскую приходскую церковь, что̀ близь вратъ экономскихъ (т. е. Спаса на Берестовѣ); оттолѣ заходилъ въ намѣстничьи кельи и въ другихъ братскихъ кельяхъ былъ. Обѣдъ былъ у митрополита-хозяина на 12 кувертовъ. Послѣ обѣда отдыхалъ гость, а предъ вечеромъ сталъ сбираться въ путь. Предъ вечеромъ были ему поднесены отъ братіи книги, числомъ до 20, и два погребца, одинъ съ водкою старою сахарною о 8 штофахъ, а другой въ 12 бутылокъ венгерскаго и бархату малиноваго 16 арш. Братію отпустивъ, два митрополита ходили вечеръ по саду, потомъ взошедши въ покои до 11 часа разговаривали и простились.

8 іюня въ среду въ 5 часу утра митрополитъ Платонъ отпустилъ карету о 8 лошадяхъ и коляску о 5 лошадяхъ и кибитку о 5 лошадяхъ (ибо только и было экипажу), а самъ, искушавъ чаю и потомъ рюмку водки съ закускою, въ 20 минутъ 7 часа въ простомъ одѣяніи отправился изъ лавры въ путь. На дорогу ему поднесены были образа въ окладахъ сребряныхъ позлащенныхъ,—отъ Софійскаго собора Софіи премудрости Божіей, а отъ лавры Успенія Божія Матере и Антонія и Ѳеодосія. Старцы соборные провожали митрополита Платона до вратъ экономскихъ, а митрополитъ и викарій кіевскіе въ каретѣ до пристани. Здѣсь ожидалъ митрополита Платона полицмейстеръ, вмѣстѣ съ которымъ владыка московскій сѣлъ въ большую лодку, называемую по здѣшнему *дубъ*, и перевезенъ на другой берегъ Днѣпра, а въ 9 часовъ совсѣмъ отправился гость нашъ отъ днѣпровскихъ береговъ въ путь свой.

Отъѣздъ изъ Кіева архимандрита Константіа, вслѣдствіи патріарха константинопольскаго.

7 іюля былъ у меня (записано въ дневникѣ Серапіона) предъ вечеромъ бывшій архимандритъ здѣшняго греческаго монастыря *Константій* для истребованія благословенія отправиться въ путь въ Синайскую гору, котораго благословилъ на путь книгою подъ

заглавіемъ: *Каноны съ акаѳистами*, первой по моему благословенію въ кіево-лаврской типографіи печатанною, и сулкомъ (?) по бѣлому глазету шитымъ и поручами такими-же.

Принцъ Карлъ въ Кіевѣ.

22 и 23 августа былъ въ Кіевѣ 22-лѣтній принцъ мекленбургскій Карлъ, братъ родной супруга покойной в. кн. Елены Павловны. Остановился въ магистратскомъ трактирѣ. Митрополитъ былъ у принца съ визитомъ и поднесъ ему икону, планъ лавры на тафтѣ и книгу. Принцъ былъ въ лаврѣ, въ ризницѣ и на пещерахъ, отдалъ визитъ митрополиту и былъ лично водимъ имъ по Софійскому собору, гдѣ съ любопытствомъ смотрѣлъ старинное украшеніе, *миссіею* (мусіею, мозаикою) называемое, и гробъ Ярослава.

Брилліанты графини Потоцкой.

30 августа въ числѣ другихъ лицъ, посѣщавшихъ митрополита, была графиня Потоцкая, *которая брилліанты на себѣ имѣла, какъ сказывалъ ювелиръ ея, на милліонъ рублей. О суета!...* Тотъ-же ювелиръ цѣнилъ пэнагіи здѣшніе казенные, и лучшую и первую оцѣнилъ въ 4,800 р. с.—Это суета, уже значительно меньшаго размѣра!

Нищій эмигрантъ.

1 сентября былъ у митрополита эмигрантъ французскій, полковникъ, баронъ, якобы ограбленный между Житоміромъ и Кіевомъ на сумму до 17,000 руб.; просилъ милостыни, и дано ему 25 руб.

Цезаревичъ близъ Кіева.

Въ семъ году въ началѣ октября былъ вблизи Кіева цезаревичъ Константинъ Павловичъ; осматривалъ полки въ Махновкѣ. И ѣздили туда изъ Кіева генералъ-губернаторъ Тормасовъ и протопопъ Снигиревичъ, а митрополитъ поручилъ ректору академіи готовить оду de adventu M. Ducis Const P.

Пожаръ на Кудрявцѣ.

9 декабря былъ пожаръ на Кудрявцѣ, который у митрополита описывается такъ: »въ исходѣ 9 часа вечера усмотрѣлъ я нечаянно близъ одной главы собора Софійскаго малый свѣтъ на подобіе луны

красной, и потомъ вскорѣ освѣтился весь соборъ и домъ. И это былъ пожаръ на Кудрявцахъ; и горѣлъ домъ нашъ митрополитанскій бывшій, отданный года за два предъ симъ для гродской госпитали. И часа въ два весь сгорѣлъ большой его корпусъ съ церковію; но больные всѣ спасены. Пожаръ учинился аки бы отъ разсѣлины трубы подъ крышею. Богъ вѣсть, правда-ли?«—Дней чрезъ пять владыка ѣздилъ на пожарище. Огонь еще тлѣлся. Вѣрно въ землѣ горѣли перекладины. Мѣсто прекрасное, но пусто стало. Посидѣлъ владыка на горѣ, съ которой Подолъ видѣнъ, какъ на ладони, и поѣхалъ во свояси.—И теперь тамъ никакого жилья, одинъ огородъ, а мѣсто все также прекрасно, и видѣнъ Подолъ.

1805 годъ.

Слухъ о выходцѣ съ того свѣта.

28 февраля былъ у меня,—пишетъ митрополитъ, андреевскій протопопъ Лозановскій съ доносеніемъ о сборищѣ, бывшемъ въ недѣлю православія на кладбищѣ, по случаю или по слуху таковому, будто-бы одной жены умершій мужъ приходитъ къ ней и акибы хотѣли духовные въ недѣлю православія открыть его въ моемъ присутствіи. Оле суевѣрія и невѣжества!

Звонъ по душѣ.

16 апрѣля умерла мать ректора академіи Іоакима Логановскаго 77 лѣтъ; и по здѣшнему обыкновенію былъ звонъ наемный по преставившейся во всѣхъ церквахъ подольскихъ около $^1/_2$ часа. По просьбѣ сына митрополитъ разрѣшилъ похоронить почившую въ Китаевской пустынѣ.

Какъ отразилась въ Кіевѣ война 1805 г.?

Въ 1805 г. Россія въ коалиціи съ Австріею воевала противъ Наполеона. Въ Кіевѣ это событіе внѣшней политики, если судить по дневнику митрополита Серапіона, отразилось едва замѣтно. То иные знакомые брали у митрополита благословеніе на опасный путь за границу, то владыка случайно замѣчалъ движеніе войскъ; 30 іюня напримѣръ »владыка увидѣлъ проходящій мимо вратъ дому митрополитанскаго московскій полкъ солдатъ во Львовскіе врата, человѣкъ тысячъ, кажется, до 2-хъ. И шли около $^1/_4$ часа. И вышедъ изъ города, играли въ трубы и били въ барабаны«.—Куда и за чѣмъ

шли эти веселые люди,—размышленій на эту тему у владыки не записано.

Въ началѣ августа кіевскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ былъ назначенъ командовать 13 полками или, по счету митрополита, 26,000; вмѣсто Тормасова правленіе кіевскою губерніею временно поручено было предсѣдателю гражданской палаты д. с. с. Моршковскому. Впрочемъ Тормасовъ скоро отпросился назадъ за болѣзнію, и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ отъ кавалеріи баронъ Казиміръ Мейендорфъ, который 31 октября проѣздомъ былъ въ Кіевѣ и у владыки.

Въ связи съ войною стала дороговизна. Казначей лавры докладываетъ владыкѣ о покупкѣ ржи тысячи четвертей для братіи; »по 4 р. 50 к. просятъ, отмѣчаетъ владыка, и то у одного только; по *причинѣ проходу мимо здѣшнихъ мѣстъ полковъ*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около нашихъ губерній была саранча, а потому и неурожай«.

Кампанія 1805 г., какъ извѣстно, была неудачна. Русскіе и австрійцы жестоко были разбиты подъ Аустерлицемъ. Но въ Кіевѣ ходили слухи совершенно противуположнаго свойства: »докторъ Бунге (отецъ нынѣшняго министра финансовъ) 15 декабря сказывалъ владыкѣ, акибы наши русскіе войска разбили французовъ и взяли ихъ въ полонъ до 20,000 и Мурье фельдмаршала ихъ убили и проч.«—Все это, конечно, скоро оказалось патріотическою иллюзіею.

Закладка присутственныхъ мѣстъ.

13 іюня, около 10 часовъ утра, митрополитъ прибылъ къ мѣсту закладки и совершилъ водоосвященіе съ тремя архимандритами никольскимъ, братскимъ и греческимъ, прот. Левандою и соборянами. Во время водосвятія прибылъ военный генералъ-губернаторъ Тормасовъ. Митрополитъ прочелъ молитву освященія дома, и за тѣмъ положена была оловянная доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа закладки, титла государя императора и кіевскихъ военнаго и гражданскаго губернаторовъ. Три камня положилъ митрополитъ, одинъ—генералъ-губернаторъ и одинъ—архитекторъ. На остальныхъ трехъ углахъ зданія вышепомѣнованныя лица клали также по камню. Потомъ митрополитъ окропилъ всѣ рвы, приготовленные для фундамента. Отпускъ, многолѣтіе и закуска въ шатрѣ близъ

мѣста закладки.—Конечно закладывались не нынѣшія присутственныя мѣста, существующія на софійской площади, но зданіе, бывшее на мѣстѣ нынѣшняго дворцоваго сквера и сломанное въ 1855 г.

Проэктъ сліянія академіи съ будущимъ университетомъ.

15 іюля въ 9 часу вечера явился предъ митрополитомъ нечаянный гость: г. министръ просвѣщенія графъ Петръ Василіевичъ Завадовскій и просидѣлъ часа два, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Между прочимъ предложилъ объ академіи, чтобы ее соединить съ университетомъ, который предполагается открыть въ Кіевѣ, и говорилъ это *якобы по волѣ Государя Императора*«. Митрополитъ, какъ консерваторъ, по лѣтамъ, по характеру и по званію, отвѣчалъ, что »многія неудобности и затрудненія изъ сего всегда могутъ быть; а лучше-бы особо учредить университетъ, а академію нашу оставить по прежнему духовною«. Если-бы министръ былъ суевѣренъ, то еще ѣдучи къ митрополиту, онъ убѣдился-бы, что изъ его предложенія пути не будетъ, ибо когда онъ ѣхалъ къ владыкѣ, замѣчаетъ послѣдній, то лошади по причинѣ испортившейся отъ дождя дороги не вывезли его на гору. Министръ пробылъ въ Кіевѣ съ небольшимъ сутки, (15—16 іюля), останавливался въ контрактовомъ домѣ, посѣтилъ лавру, гдѣ отслужилъ панихиду по гр. П. А. Румянцевѣ и далъ братіи 100 р. с.; былъ въ академіи, гдѣ выслушалъ на разныхъ языкахъ стихи и рѣчи, и выѣхалъ въ Харьковъ (кажется для открытія университета).

И. В. Лопухинъ въ Кіевѣ.

Извѣстный мистикъ и филантропъ, сенаторъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, немного пострадавшій вмѣстѣ съ Новиковымъ во время екатерининскаго гоненія на масоновъ, является въ Кіевѣ отъ 23 по 27 августа. Митрополитъ принялъ гостя любезно: вмѣстѣ они ходили въ склепъ подъ Софійскимъ соборомъ и смотрѣли нетлѣнное тогда тѣло митрополита Рафаила Заборовскаго. Miga res! замѣтилъ владыка,—ибо 58 лѣтъ, какъ скончался.

Дворянскіе выборы.

Въ первыхъ числахъ сентября происходили въ Кіевѣ дворянскіе выборы. Православныхъ приводилъ къ присягѣ митрополитъ

3 сентября; а католики тогда-же принимали присягу въ своемъ костелѣ. Католики имѣли перевѣсъ не только въ числѣ, но въ знатности и богатствѣ. Православныхъ владыка называетъ мелкочиновными, а изъ католиковъ отмѣчаетъ губернскаго маршала, тайнаго совѣтника Козловскаго, и человѣкъ пять съ кавалеріями польскими св. Станислава.

1806 годъ.

Дороговизна въ Кіевѣ.

Прошлогодняя дороговизна, бывшая слѣдствіемъ военныхъ обстоятельствъ, продолжалась и въ 1806 г. 30 апрѣля митрополитъ записалъ: »Цѣна овсу съ сего дня уменьшилась. Былъ покупаемъ по 7 р. 50 к. четверть; а въ сей день по 5 р. покупали. А мука ржаная все еще по 90 к. пудъ у привозныхъ, а въ лавкѣ по рублю пудъ. Неслыханная здѣсь цѣна!« И причина дороговизны повидимому была на лицо. 6 мая былъ у владыки присланный изъ Кесаріи (Австріи) комисаръ для полученія въ трехъ губерніяхъ подольской, кіевской и черниговской: 1) муки ржаной 29,000 четв., 2) разныхъ крупъ 35,000 ч., 3) жита 15,000 ч., 4) овса 8,000 ч., 5) воловъ 10,000, аки бы вмѣсто издержанныхъ сихъ вещей отъ цесарцовъ для нашихъ войскъ въ Германіи бывшихъ«. Отмѣтивъ дороговизну, опять лишь по поводу покупки хлѣба для лавры, митрополитъ записываетъ сообщенный ему полицмейстеромъ слухъ о томъ, будто въ Кіевѣ будутъ два короля, французскій Людовикъ XVIII и неаполькій, а затѣмъ отмѣчаетъ разновременно два пожара отъ грому: одинъ близъ лавры, другой въ церкви Николая Набережнаго, и постановку въ великой лаврской церкви мраморнаго монумента графу Румянцеву-Задунайскому.

Освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній.

21 октября въ 12 часу дня, въ воскресенье происходило освященіе кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній. Владыка отмѣчаетъ встрѣчу его »губернаторомъ и магистратскими« и порядокъ освященія. »Примѣчанія, говоритъ онъ далѣе, достоинъ домъ для сумасшедшихъ, гдѣ многія комнаты съ кольцами на стѣнахъ желѣзными. Завтракъ былъ приготовленъ въ столовомъ богадѣленномъ покоѣ, но на обѣдъ богатый похоже было кушанье и потчиванье

винами. Потомъ ходили всѣ въ монастырь Кирилловскій и были въ церкви, гдѣ назначилъ я, по просьбѣ губернатора, быть теплой церкви въ углу за правымъ клиросомъ. Потомъ ходили въ покои, гдѣ тутъ живутъ инвалиды: въ первыхъ двухъ покояхъ далъ по 10 руб. на покой, и послѣ въ другихъ трехъ по 5 р. ассигн. на покой«. Тѣмъ кончился осмотръ древнѣйшаго кіевскаго монастыря, въ богадѣльню обращеннаго, по мысли Потемкина.

Съ 10 по 17 ноября отмѣчаются: визитъ митрополита новому военному губернатору М. И. Голенищеву-Кутузову, рожденіе у государя дщери Елизаветы, молебствіе, пальба изъ поставленныхъ на валу софійскомъ пушекъ, обѣдъ у военнаго губернатора съ такою-же въ теченіе онаго пальбою, вечерняя иллюминація, пушечная пальба на Подолѣ и балъ отъ магистрата для всего дворянства по тому-же случаю. А въ это время академія трудилась надъ сочиненіемъ одъ на сей-же случай и митрополитъ особо отмѣчаетъ отдачу ихъ для печати лаврскому типографу.

Великія кавалеріи Кутузова.

Ноябрь по дневнику заканчивается двумя кавалерскими праздниками съ митрополичьимъ служеніемъ: 26 числа въ Софійской церкви для кавалеровъ георгіевскихъ, и 30 въ Андреевской цевкви, при чемъ одинъ Кутузовъ только и былъ кавалеръ андреевскій. Мимоходомъ здѣсь митрополитъ отмѣчаетъ посвященіе имъ Десятинной церкви, т. е. части оной, обновленной митр. Петромъ Могилою, и то, что за два дни предъ симъ она была »чрезъ влезаніе въ окошко, обворована».

Нѣсколько чиселъ декабря заполнены отмѣтками объ объявленіи войны съ французами, чтеніи манифеста, служеніи литургій и молебновъ, учрежденіи временной милиціи и призывѣ къ пожертвованіямъ.

1807 годъ.

5 января. Архимандритъ никольскій (Иринеи) пожертвовалъ отъ себя и братіи 500 р. на милицію.

14 января. Молебенъ въ соборѣ о побѣдѣ надъ французами.

11 февраля. Благодарный молебенъ о побѣдѣ, надъ самимъ Бонапартіемъ одержанной 26 и 27 генваря. Говорили, что фран-

цузовъ до 1200 побито и 1000 взято въ плѣнъ и 12 знаменъ, а нашихъ до 7000 побито. На молебнѣ народу великое множество и простаго. При многолѣтіи пушечная пальба и цѣлодневный звонъ.

Новый викарій—Ириней Фальковскій.

15 февраля. Указъ св. синода отъ 25 генваря о назначеніи викарія кіевскаго Оеофана Шіянова на епархію полтавскую, а на его мѣсто викаріемъ николаевскаго архимандрита Иринея (Фальковскаго).

23 февраля. Нареченіе въ крестовой церкви о. Иринея во епископы чигиринскіе, викаріи кіевской митрополіи.

24 февраля. Въ сей день, приходившійся въ прощальное воскресенье, совершено было посвященіе о. Иринея во епископы. Благовѣстъ въ Софійскомъ соборѣ начался въ половинѣ 9 часа, но новонареченный епископъ пріѣхалъ не скоро, такъ что митрополитъ долженъ былъ идти въ соборъ уже въ 10 часовъ. По окончаніи часовъ, когда митрополитъ въ облаченіи сосѣдалъ съ епископомъ Оеофаномъ, новонареченный епископъ прочелъ присягу по обычаю; за тѣмъ въ свое время совершено было въ олтарѣ посвященіе по чиноположенію. По окончаніи литургіи, митрополитъ вручилъ новопроизведенному епископу на облачательномъ амвонѣ посохъ, и оный епископъ, съ протопопомъ каѳедральнымъ Левандою и митрополичьимъ протодіакономъ, прямо изъ собору препровождался въ свой каѳедральный михайловскій монастырь. Въ 3 часа у новаго епископа въ михайловскомъ монастырѣ была трапеза, на которой присутствовалъ и Кутузовъ. Чрезъ три дня новый епископъ былъ у митрополита съ благодарностію за посвященіе, говорилъ рѣчь русскую и поднесъ ему 6 бутылокъ шампанскаго и 14 аршинъ разноцвѣтной матеріи на рясу.

6 марта. Для Благовѣщенской, что въ дальнихъ пещерахъ церкви, устроенъ былъ новый мѣдный позлащенный иконостасъ 16 п. 22 ф. вѣсомъ, съ уплатою мастеру по 10 р. съ фунта.

9 Апрѣля. Полученъ указъ изъ синода о произвожденіи на духовные училища вдвое противъ прежняго жалованья.

Воздушный шаръ.

21 апрѣля. Митрополитъ съ бывшими у него гостями на переходахъ ожидалъ, по предварительному обѣщанію, спуску

шару изъ саду дворцоваго; но однако шаръ пущенъ не былъ, якобы за розрывомъ его во многихъ мѣстяхъ. Впрочемъ ровно черезъ мѣсяцъ (21 мая) опытъ повторенъ былъ удачнѣе въ Шулявщинской, принадлежавшей митрополичьему дому рощѣ. Шаръ пущалъ цесарецъ. Кромѣ митрополита съ духовными властями присутствовалъ ген. Кутузовъ и множество дамъ и другихъ людей. При посѣтителяхъ шаръ былъ наполняемъ горячею матеріею, а болѣе дымомъ. И наполненъ будучи, поднялся довольно скоро и поднялся выше березъ и пролетѣлъ влѣво къ дорогѣ и близъ рощи опустился. Вышиною возлетѣлъ, какъ другимъ показалось, саженей на сто, и летѣлъ не болѣе, какъ минутъ 10.

Андреевскій колодезь.

8 мая. Крестный ходъ по случаю праздника Преполовенія къ колодцу андреевскому, что близь самой андреевской церкви.— Колодезь этотъ на уступѣ андреевской горы, существовалъ до 60-хъ годовъ, а съ тѣхъ поръ закрытъ.

Миръ и дешевизна.

7 іюля. Послѣ литургіи читанъ былъ соборнымъ діакономъ высочайшій рескриптъ къ г.-губернатору Кутузову о заключеніи мира между Россіею и Франціею; потомъ тотчасъ сказано было сочиненное на сей случай краткое слово лаврскимъ іером. Ѳеодосіемъ. Потомъ благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ. Наконецъ обѣдъ у генер.-губернатора Кутузова и пушечная пальба.—Миръ, должно быть, повліялъ на дешевизну. Подъ 19 авг. владыка отмѣтилъ извѣстіе, что »мука ржаная уже по 35 коп. пудъ продается, вмѣсто того, что предъ тѣмъ за мѣсяцъ продавалась по 70 к. Чрезъ день и муку ржаную продавали уже 32 к. пудъ, а грѣшневую 20 к. пудъ. Благодать Господня!«.

Гроза, комета и жидовскій гвалтъ.

Подъ *15 сентября* отмѣтивъ бывшую въ тотъ день грозу съ молніею и громомъ, а подъ *7 ноября* появленіе »звѣзды съ сіяніемъ на подобіе метлы хвостомъ кверху«, митрополитъ 13 числа отмѣчаетъ особое произшествіе, оставшееся, къ сожалѣнію, не разгаданнымъ. Освящалась въ этотъ день церковь Николая Добраго, на По-

долѣ; было митрополичье служеніе, а потомъ трапеза у церковнаго ктитора, именитаго купца Назаря Сухоты. »Примѣчательно!«—ставитъ авторъ дневника. Въ обѣднѣ при самомъ окончаніи чтенія Апостола вдругъ сдѣлался на мостовой чрезвычайный крикъ у самой церкви у западныхъ дверей. И крикъ сей учинили жиды человѣкъ 30, якобы для послѣдняго дня празднованія кущей ходятъ они по улицамъ и поютъ. И были изъ нихъ многіе взяты въ полицію. 20 ноября эти жиды являлись къ митрополиту съ просьбою о прощеніи ихъ неумышленнаго проступка.

Молдавскій господарь на житьѣ въ Кіевѣ.

17 ноября. Дѣлалъ митрополиту визитъ господарь молдавскій Ипсилантій, прибывшій въ Кіевъ на житье съ своимъ семействомъ и сановниками (со свитою не менѣе 30 человѣкъ). Ипсилантій говорилъ по французски, а переводчикомъ между нимъ и владыкою былъ на этотъ разъ зять Кутузова, Толстой. При послѣдующихъ визитахъ митрополитъ и господарь объяснялись по латыни.

1808 годъ.

Отъѣздъ Кутузова.

12 марта. »Кутузовъ сказывалъ митрополиту, что повелѣніе получено двумъ его дивизіямъ идти въ Молдавію и ему туда же отправляться. И, какъ можно было примѣчать, симъ препорученіемъ Кутузовъ былъ доволенъ, и былъ веселъ противъ прежняго гораздо«.

Дороговизна тогдашняя сахара.

20 марта. »Казначей купилъ для митрополита сахару по 40 р. за пудъ. И говорятъ, будетъ-де еще дороже.«

Даръ Императрицы.

1 апрѣля. Присланъ былъ отъ императрицы Елизаветы Алексѣевны въ кіевопечерскую лавру неожиданный даръ,—ризница богатая, особенно архіерейская, а саккосъ матеріи превосходнѣйшей. Въ день пасхи 5 апр. митрополитъ освящалъ въ лаврѣ по требнику Петра Могилы всю царскую утварь, разосланную на разныхъ столахъ и налоѣхъ и кропилъ св. водою каждую вещь, коихъ было до 50. Потомъ въ новомъ облаченіи соборне былъ отправленъ мо-

лебенъ о здравіи высочайшей вкладчицы и всей августѣйшей фамиліи. 15 апр. митрополитъ отправилъ императрицѣ, а равно и оберъ-прокурору, благодарственныя письма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и иконы.

Наводненіе.

1 мая. Вода въ Днѣпрѣ была на зарѣ 7½ вершк. выше обыкновеннаго уровня и покрыла всѣ острова и потопила на Подолѣ 180 домовъ.

Фокусъ-Покусъ.

6 мая вечеромъ въ прихожей митрополита совершалось оригинальное представленіе, которое конечно повторялось и въ другихъ знатнѣйшихъ домахъ Кіева, а можетъ быть и публично. Въ присутствіи владыки, ректора и префекта академіи, знатнѣйшихъ лаврскихъ и домовыхъ старцевъ прибылъ иностранецъ съ ученою лошадкою и со штуками фокусъ-покуса и представлялъ штуки въ прихожемъ покоѣ. Лошадка взошла на лѣстницу скоро и свободно, на вопросы отвѣчала качаніемъ головы и топаньемъ ногою; не безъ курьезности всему научена! Изъ фокусовъ всего болѣе удивило то, что въ часы, лежащіе предъ глазами зрителей, фокусникъ вкладывалъ карточки, не касаясь часовъ. Въ заключеніе живыя птички акибы крѣпость осаждали и палили изъ пушечекъ, и вся крѣпость при пальбѣ зажжена порохомъ и былъ видъ акибы фейерверка. Фокусникъ получилъ отъ митрополита 50 рублей.

Отмѣтивъ подъ *11 мая* градъ и грозу, подъ *18*—прибытіе въ лавру на жительство преосв. Ѳеофилакта, бывшаго вологодскаго, митрополитъ, послѣ другихъ еще менѣе значущихъ произшествій, отмѣчаетъ:

Основаніе рождественской церкви на Подолѣ.

27 іюня. Начали рвы рыть для фундамента рождественской церкви, на мѣстѣ, которое назначилъ и благословилъ владыка. А самая закладка торжественно была совершена 18 августа, причемъ были: митрополитъ, три архимандрита, два лаврскихъ старца, трое софійскихъ соборянъ, подольскихъ 5 протопоповъ и 10 священниковъ. При рытіи фундамента головъ и костей человѣческихъ вырыто премногое число и наложено кучею великою. Митрополитъ приказалъ закопать кости и отпѣть панихиду.

Гости къ лаврскому празднику.

9 августа. Пріѣхала графиня Анна Радіоновна Чернышева и остановилась въ маломъ домикѣ близь пещеръ у госпожи богомольной Олениной. Лаврскій намѣстникъ и казначей являлись къ графинѣ отъ имени митрополита и хлѣбъ поднесли. Посѣтивъ владыку, графиня дала людямъ и монахамъ, провожавшимъ ее до кареты 75 р.—14 августа прибылъ министръ юстиціи, свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Были также на праздникѣ графъ Самойловъ и графъ И. Я. Безбородко. 16 августа графиня Чернышева угощала лаврскую братію, при чемъ дала на трапезу 135 р. 29 августа таже графиня устроила при митрополичьемъ служеніи панихиду по графѣ Захаріи, за что и прислала митрополиту 500 р., которые онъ тогда-же росписалъ служащимъ и домовымъ чинамъ.

Дворянскіе выборы.

11 сентября. Приведеніе дворянъ къ присягѣ на 3-лѣтній выборъ чиновниковъ. Дворянъ со всей губерніи съѣхалось очень не мало; и въ кавалеріяхъ польскихъ было до 10. А 19 сентября были приводимы къ присягѣ новоизбранные чиновники. Изъ собора всѣ и избиратели и избранные пришли въ покои митрополита человѣкъ до ста съ новымъ губернскимъ маршаломъ графомъ Ржеуцкимъ. И были потчиваны въ залѣ водкою и закускою на большой столовой штукѣ. Но закуски не стало: *яко огнь всю ее полизалъ.* Впредь при такихъ случаяхъ готовить надобно на двухъ столахъ. Потомъ все сіе собраніе, какъ состоящее все изъ католиковъ, отправилось въ костелъ для учиненія тойже присяги.

Пожаръ на Подолѣ.

21 ноября. Въ началѣ 9 часа учинился пожаръ на Подолѣ въ лавкахъ, у самой Успенской церкви, который и продолжался до 3 часа за полдень. Церковь Успенская кровлею и окошками,—также и колокольня,—сгорѣла, такъ что жалостно смотрѣть на оголѣлость, но иконостасъ остался цѣлъ, а образа и ризница вынесены. И до 300 лавочекъ разныхъ сгорѣло.

Запись 1808 г. оканчивается замѣткою объ обиліи снѣга въ томъ году.

Подъ *31 декабря* м. Серапіонъ записалъ: »Смотрѣлъ привезенную изъ Засны ловитву велію рыбъ, въ двухъ возахъ состоящую. И въ двѣ только тони вытащили окуней крупныхъ до ста, линей большихъ до 60, щукъ большихъ самыхъ до 10, а малыхъ до ста. И сія велія ловитва отъ того, что веліе количество снѣгу было вездѣ, и рыба дохлась отъ того«.

1809 годъ.

Начинается не оправдавшимися слухами о пріѣздѣ двора и великой распутицѣ—послѣдствіи велико-снѣжной зимы, а за тѣмъ хроникеръ отмѣчаетъ обвалъ купола въ кіево-подольской успенской церкви, послѣдствіе бывшаго предъ тѣмъ пожара,—устройство новой дороги къ Днѣпру отъ никольскаго монастыря, отъ которой теперь и слѣда не осталось, покупку икры для лаврской братіи по 16 р. за пудъ, какъ признакъ удешевленія цѣнъ, и проч. Послѣ того начинаются отмѣтки сравнительно болѣе крупныя и болѣе подробныя.

8 апрѣля. Освященіе домовой митрополитанской въ лаврѣ церкви во имя Серапіона, арх. новгородскаго. На другой день обѣдъ въ лаврѣ, при чемъ митрополитъ пилъ за здоровье: 1) намѣстника, церковь оную 1805 г. сент. 15 закладывавшаго, 2) казначея, планъ первый церкви сочинявшаго, 3) эконома, доставлявшаго матеріалы и съ казначеемъ все распоряжавшаго, 4) экклесіарха, приготовлявшаго все къ церковной утвари принадлежащее, и за всѣхъ другихъ, послужившихъ устроенію церкви. За первыхъ четверыхъ тосты были провозглашены особо, а за прочихъ вообще.

Печальныя вѣсти съ театра войны.

1 мая. Губернаторъ Панкратьевъ читалъ митрополиту письмо, присланное изъ арміи отъ сына, что нашихъ турки подъ крѣпостію Браиловымъ разбили, троихъ генераловъ ранили, офицеровъ болѣе ста ранили и убили. А всего потеряли мы тутъ до 5,000 убитыми. Веліе несчастіе и Божіе наказаніе!

Перестройка Зачатейской церкви, засуха и мѣры противъ нея.

17 мая. Разобрана Зачатейская церковь, старая, каменная, на дальнихъ пещерахъ, а крыша и съ главою оставлена на подпорахъ.

А закладка обновляемой зачатейской церкви произведена 30 мая.

30 мая. Въ день закладки обновляемой зачатейской церкви, совершенъ крестный ходъ на кладезь св. Антонія, и было зѣло знойно. Митрополитъ освятилъ воду въ колодцѣ съ прочтеніемъ на послѣдокъ молитвы о ниспосланіи дождя съ колѣнопреклоненіемъ. Купанье въ этотъ день въ лаврѣ было все постное, а рыбнаго не было для моленія о дождѣ. Въ 9 часу вечера дѣйствительно шелъ дождь. *Чудо новое!* записалъ м. Серапіонъ; *видно молитва какого-либо праведника услышана.* Несмотря на то, 6 іюня снова было митрополичье молебствіе, по причинѣ бездождія и засухи, на Подолѣ, подъ кладеземъ Фелиціаномъ. И послѣ полночи былъ дождь не малый и смочилъ землю. Тѣмъ не менѣе, 20 іюня снова было молебствіе о дождѣ. Ходили къ андреевскому колодезю со всѣмъ старокіевскимъ духовенствомъ, гдѣ митрополитъ освящалъ воду съ моленіемъ о ниспосланіи дождя. Засуха бо продолжается отъ 15 мая до сего дня.

Устроеніе новой церкви на Оскольдовой могилѣ.

15 іюня. Митрополитъ ѣздилъ на Оскольдову могилу и, осмотрѣвъ старую деревянную церковь, согласился дать дозволеніе воронежскому купцу Самуилу Никитину Мещерякову, по его прозьбѣ и на его коштъ, построить тутъ, вмѣсто деревянной, каменную церковь. На другой день Мещеряковъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гавріиломъ Лоскуткинымъ былъ у митрополита для принятія благословенія отправиться и далъ на устроеніе церкви на Оскольдовой могилѣ 6,000 р., въ дополненіе къ прежде даннымъ на сей же предметъ 2,000 р., да въ лавру вкладу 500 р. Закладка была 1 сентября. 27 сентября митрополитъ осматривалъ уже строющуюся на Оскольдовой могилѣ, вмѣсто деревянной, каменную церковь съ 24 склепами внизу въ стѣнѣ, съ 28 склепами въ срединѣ и съ 24 склепами на верху между колоннами,—величиною для поставки одного гроба.

Закладка новаго гостиннаго двора на Подолѣ.

5 октября. Служеніе въ Успенскомъ подольскомъ соборѣ, по случаю обновленія храма послѣ пожара и закладки гостиннаго двора. Послѣ литургіи, митрополитъ съ крестнымъ ходомъ и съ

образами ходилъ на мѣсто, приготовленное для закладки гостиннаго дома, т. е. къ четыремъ рвамъ, изъ коихъ два были по 57 сажень и два по 30½ сажень. Въ углу положена была доска съ обозначеніемъ года, мѣсяца и числа и именъ бывшихъ при томъ митрополита, губернатора (П. П. Панкратьева) и войта (Юрія Ивановича Рыбальскаго). Предъ положеніемъ доски, была прочитана митрополитомъ молитва и совершена закладка, по обычаю, на 4 углахъ наружныхъ и 4 углахъ срединныхъ. Во время закладки шелъ дождь, а послѣ закладки была въ магистратѣ трапеза.

Освященіе дома для присутственныхъ мѣстъ.

14 октября. Было освященіе вновь построеннаго трехъ-этажнаго дома для присутственныхъ мѣстъ. Средній этажъ окроплялъ св. водою митрополитъ, а нижній—ректоръ академіи Іоакимъ. По окропленіи дома было собраніе въ залѣ. Судьи и всѣ чиновники заняли мѣсто предъ портретомъ императорскимъ и митрополитъ говорилъ имъ рѣчь краткую, за тѣмъ губернаторъ читалъ имъ по бумажкѣ привѣтствіе, пѣвчіе воспѣли: *Тебе Бога хвалимъ.* Отпустъ и многолѣтіе. Обѣдъ былъ у губернатора человѣкъ на 40; за столомъ пѣли митрополичьи пѣвчіе, что было еще впервые. Вечеромъ митрополитъ проѣхалъ мимо новоосвященнаго дома, который былъ иллюминованъ очень хорошо. И такъ какъ въ каждомъ окнѣ стояло по двѣ свѣчи, то отчетливо обозначался этимъ планъ всего дома.

Панкратьевская табакерка.

4 ноября. Былъ у митрополита гражданскій губернаторъ Панкратьевъ, отправляясь въ уѣзды для набору рекрутъ, и между прочимъ показывалъ табакерку, отъ дворянства кіевскаго ему поднесенную, съ надписью на польскомъ языкѣ бриллiантовыми словами: *за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской!* А 9 ноября скончалась супруга сего губернатора, и была препровождаема чрезъ Подолъ въ кирку лютеранскую для погребенія.

Напрасная смерть студента.

Въ тотъ же день префектъ репортовалъ митрополиту, что студентъ Савченко, изъ крестьянъ, упалъ съ лаврской колокольни и убился до смерти.

Кавалерія игуменьи.

27 ноября. Митрополитъ возложилъ на флоровскую игуменью Пульхерію, бывшую княжну Шаховскую, орденъ св. Екатерины, присланный ей вмѣстѣ съ рескриптомъ отъ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

1810 годъ.

Денежный курсъ въ Кіевѣ.

Января 12 лаврскій казначей и екклесіархъ промѣняли 2,000 р. серебряныхъ на 5,000 р. ассигнаціями (т. е. за рубль серебряный взяли по 2 р. 50 к. асс.); а 13 февраля экономъ академіи мѣнялъ деньги нѣсколько выгоднѣе, именно за рубль сер. бралъ 2 р. 55 к. асс. 27 окт. полковница Костогорова просила митрополита о дачѣ ей мѣдныхъ денегъ на промѣнъ ассигнацій, сказывая, что промѣнять нигдѣ не могла, ибо-де за ассигнаціи 5 рублей надо заплатить $2^1/_2$ рубля промѣну. Очевидно, полковница хотѣла вопреки курсу уровнять для себя рубль ассигнаціонный съ металлическимъ. Въ 1816 г. курсъ уже былъ иной; промѣнивали 4 р. 30 к. ассиг. за рубль серебр.

Черногорскій архимандритъ въ Кіевѣ.

14 февраля явился къ митрополиту архимандритъ черногорскій съ крестомъ и кавалеріею св. Анны 2 класса брилліантовою. Это извѣстный Дометіанъ Влодевичъ, ведшій жестокую борьбу съ митр. Іерофеемъ, съ позоромъ изгнанный изъ лавры и впослѣдствіи съ торжествомъ въ нее возвратившійся (Исторія Дометіана по документамъ синод. архива разсказана въ 1 томѣ *Чтеній въ обществѣ Нестора*. См. также ниже подъ 30 генв. 1813 г.).

Похороны губернатора Панкратьева.

13 марта въ 8 часу вечера скончался гр. губ. Петръ Прокофіевичъ Панкратьевъ. Погребеніе было въ субботу 19 марта. Въ 9 часу утра митрополитъ поѣхалъ въ домъ скончавшагося для поднятія тѣла, и по входѣ въ домъ вскорѣ облачился. Затѣмъ читана была у самаго гроба на польскомъ языкѣ рѣчь предсѣдателемъ гражданскаго суда Проскурою. Послѣ литіи, тѣло было поднято чиновниками и совершались проводы до самаго монастыря кириллов-

скаго отъ мѣста верстъ 5 и болѣе. Шествіе продолжалось 2½ часа. Въ провожаніи народу была тьма. Едва не весь городъ былъ. И были несены отъ шести цеховъ шесть пустыхъ гробовъ, накрытыхъ покровами, шитыми очень богато и хорошо золотомъ по красному бархату. Обѣдню служилъ митрополитъ. Онъ-же и отпѣвалъ тѣло со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Проповѣдь краткую говорилъ прот. Леванда. Тѣло предано землѣ на горѣ въ одномъ склепѣ съ женою губернатора, мѣсяца за 4 предъ симъ скончавшейся. Послѣ похоронъ было небольшое угощеніе въ сиротскомъ кирил. домѣ.

Болѣзнь и кончина протоіерея Сулимы.

6 апрѣля. Прот. Сулима, вдовецъ, членъ дикастеріи (отецъ Димитрія Сулимы, впослѣдствіи архіепископа кишиневскаго) ходилъ вмѣстѣ съ митрополитомъ въ 7 часу вечера въ покои, гдѣ пѣвчіе живутъ. И возвращаясь оттолѣ, при сходѣ съ верхнихъ покоевъ, съ лѣстницы, съ рундука оступившись, упалъ чрезъ три ступени на полъ лицомъ и раздробилъ лѣвую ногу. И насилу пять человѣкъ внесли его въ его келью. Митрополитъ послалъ больному камфоры, но повидимому безъ пользы. Болѣзнь тянулась мѣсяца 2½ до роковаго исхода. 20 іюня были у больнаго докторъ Бунге и штабъ-лекарь, братъ преосв. Ѳеофилакта. Первый сказалъ, что можно еще отлѣчить, а послѣдній объявилъ, что опасность близка и скоро будетъ антоновъ огонь, ибо опухоль пошла вверхъ по ногѣ къ колѣну. Въ тотъ-же день митрополитъ посѣтилъ больнаго. 21 іюня Бунге вмѣстѣ съ Гординскимъ былъ у больнаго, и донесъ владыкѣ, что примѣтно-де, что уже сдѣлалась гангрена и дня-де три больной можетъ прожить еще, если не уврачуется болѣзнь. Митрополитъ опять посѣтилъ прот. Сулиму и смотрѣлъ ногу его больную, распухлую, якъ бревно, съ разными то синими, то красными, то блѣдными пятнами. 24 іюня, въ исходѣ 6 часа вечера митрополитъ въ послѣдній разъ посѣтилъ прот. Сулиму. »И засталъ его (пишетъ м. Серапіонъ) издыхающаго. Благословилъ и простился съ симъ честнымъ, трудолюбивымъ и вѣрнымъ мнѣ по дикастеріи помощникомъ. А чрезъ ½ часа донесено мнѣ, что онъ и скончался. Да будетъ ему вѣчная память!« 25 іюня вечеромъ соборяне и члены дикастеріи вынесли изъ кельи тѣло покойнаго Сулимы въ трапезную церковь, отпѣли его и похоронили на Кудрявцѣ близъ олтаря.

29 мая. Прибылъ новый военный губернаторъ кіевскій, Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

Пожаръ въ Межигорьѣ.

14 іюня. Въ 3-мъ часу за полночь въ бывомъ межигорскомъ монастырѣ фіансовая фабрика сгорѣла вся; а церкви тамошней каменной сгорѣли только куполы и крыша, а иконостасъ и утварь всѣ цѣлы. Жалко, что чрезъ сіе и Кіевъ лишился великихъ доходовъ, ибо посуда съ сей фабрики во многіе города въ великомъ количествѣ была покупаема и безъ всякаго при томъ брака. 6 октября того-же года митрополитъ былъ въ Межигорьѣ и нашелъ, что церковь отъ пожара повредилась только снаружи, а внутри все неповрежденно и благолѣпно; нашелъ также, что послѣ пожара вновь заведены станки фіансовой фабрики, на коихъ уже работаютъ. Въ ту-же поѣздку митрополитъ ходилъ на имѣющійся предъ Вышгородомъ холмъ, на подобіе великой могилы, гдѣ на самой срединѣ водруженъ дикаго мрамора камень, вышиною болѣе аршина, плоскій, толщиною въ $^1/_4$ арш. Замѣтка, быть можетъ, не лишняя для археологовъ.

24 іюня. Закладка крѣпости на Звѣринцѣ и митрополичье служеніе въ Предтеченской на Подолѣ церкви, нынѣ не существующей.

5 іюля. Закладка больницы Прозоровской.

Военныя экзерциціи Ермолова.

12 іюля. Вечеромъ была воинская экзерциція въ рощѣ митрополичьяго загороднаго подворья, называемаго Шулявщина, и внѣ рощи къ протоку рѣчки Лыбеди; и было примѣрное сраженіе, продолжавшееся около двухъ часовъ. Послѣ (часовъ въ 10) былъ фейерверкъ въ лагерѣ близь Панковщины. И народу была тьма. Объ этомъ примѣрномъ сраженіи, въ которомъ участвовало до 8,000 человѣкъ, предупредилъ митрополита начальникъ отряда генералъ-маіоръ Ермоловъ. »Ничего сего«, записалъ митрополитъ, »очи мои не видѣли, но уши весь шумъ и громъ слышали, сѣдящу мнѣ въ верхнихъ моихъ покояхъ«.

18 іюля. Опять была около большой гребли экзерциція военная, тысячь изъ осми состоящая; при пушечной пальбѣ, аки бы атаку дѣлали. И народу всякаго была тьма.

3 августа. Старокіевскія крѣпостныя ворота (?) были разбираемы; посему митрополитъ ѣхалъ въ лавру чрезъ нѣмецкое кладбище (?).

9 августа. Прибылъ новый гражд. губернаторъ Ланской.

30 августа. По случаю царскихъ именинъ, былъ у военнаго губернатора М. А. Милорадовича хорошій фейерверкъ, продолжавшійся болѣе ½ часа, съ пушечною пальбою. И народу была тьма до полночи. И былъ у губернатора балъ и угощеніе веліе всѣмъ.

Освященіе церкви на Оскольдовой могилѣ.

1 сентября. Было освященіе новой на Оскольдовой могилѣ церкви, заложенной ровно за годъ предъ симъ (см. выше подъ 15 іюня 1809 г.). Освященіе совершено митрополитомъ съ двумя архимандритами, никольскимъ Кипріаномъ и братскимъ Іоакимомъ, и съ четырьмя старцами, при собраніи вельможъ и всѣхъ первыхъ чиновниковъ. Послѣ обѣдни, всѣ приглашенные накакунѣ отправились къ настоятелю никольскаго монастыря на обѣдъ, человѣкъ до 40; въ томъ числѣ М. А. Милорадовичъ и Д. П. Трощинскій.

15 октября. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ имѣлъ разговоръ съ митрополитомъ по дѣлу кіевскаго вице-губернатора Четверикова, о которомъ представилъ государю касательно взятокъ и казалъ всѣ бумаги дѣла сего, даже и секретныя.

18 октября. Являлся къ митрополиту кіево-владимірскій протопопъ Арсеній Кринитскій, возвратившійся изъ Петербурга и получившій тамъ орденъ св. Анны 2 класса ходатайствомъ братца своего, духовника императорскаго. (Впослѣдствіи о. Криницкій постригся въ монахи съ именемъ Варлаама и былъ архимандритомъ никольскаго монастыря).

1811 годъ.

Румянцевская панихида.

16 генваря. Митрополичья панихида въ лаврѣ по графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ. При панихидѣ были генералъ-маіоры Полетаевъ и Бернадосъ и два полковника, получающіе отъ графа по 1000 р. пенсіи, чтобы имъ только быть при отправленіи панихиды сей.—Мы знаемъ, что эта панихида съ тысячными пансіонерами совершалась и въ другіе годы, и должно

быть митрополитъ имѣлъ какое нибудь вліяніе на назначеніе пенсіи, потому что генералъ Полетаевъ просилъ у владыки его по этому предмету содѣйствія. Но не знаемъ, когда эта пенсія прекратилась;— вѣроятно по смерти раздаятеля ея графа Н. П. Румянцева. (См. ниже подъ 27 сент. 1814 г. и 8 генв. 1818 г.).

Кіевскіе откупщики.

6 февраля. Возвратились изъ С.-Петербурга кіевскіе купцы: Кисслевскій, Лакерда и Барскій. А ѣздили они за откупомъ винным и взяли на себя *лично* за 379,000 руб., да за пиво и медъ 23,000 руб. на 4 года. Сумма чрезвычайно великая!

Пожаръ въ Выдубецкомъ.

18 марта. Во 2 часу ночи загорѣлись братскіе покои въ Выдубецкомъ монастырѣ и сгорѣли всѣ кельи,—деревянный корпусъ на каменномъ фундаментѣ на 25 сажень длины и на 5 ширины.

Ссыльный митрополитъ Паисій.

23 марта проѣзжалъ чрезъ Кіевъ высланный изъ Яссъ въ Суздаль митрополитъ греческій Паисій съ провожатымъ надворнымъ совѣтникомъ и просилъ у Серапіона на бѣдность, и дано ему, яко посланному нечаянно, ut in exilium, вспомоществованія 50 рублей.

Отказъ Иринея Фальковскаго отъ кавалеріи.

29 апрѣля. Митрополитъ чрезъ секретаря консисторіи послалъ при своемъ письмѣ къ викарію епископу Иринею высочайшій рескриптъ и знаки ордена св. Анны I класса, полученные накануѣ. Возвратясь, секретарь донесъ, что Иринеи отрекается принять орденъ и не принялъ конверта и не распечаталъ его. Вечеромъ митрополитъ самъ поѣхалъ къ викарію Иринею, отрекающемуся принять орденъ, съ увѣщаніемъ оставить упорство свое. Но Иринеи остался при своемъ мнѣніи. И митрополитъ, искушавъ у него чашку чаю, отъѣхалъ во свояси. Чрезъ день митрополитъ опять ѣздилъ къ викарію для посѣщенія его, яко больнаго, и говорилъ ему о принятіи кавалеріи. 10 мая въ царскій день рожденія великой княгини Екатерины Павловны молебствіе отправилъ епископъ Иринеи безъ возложенія недавно пожалованной ему кавалеріи.

Пожары на Подолѣ.

Въ ночь на *10 мая* на Подолѣ, въ приходѣ притиско-никольскомъ сгорѣлъ одинъ домъ отъ пьяныхъ хозяевъ и въ немъ умершая дѣвица 45-лѣтняя сгорѣла.

28 мая былъ пожаръ на Подолѣ у Введенія, и дворовъ до 15 сгорѣло небольшихъ.

Хлѣбный жукъ.

2 іюня, осматривая сельское хозяйство въ Теремкахъ, митрополитъ нашелъ, что рожь низка и рѣдка вышла; и на каждомъ почти стеблѣ жучки сидѣли и объѣдали цвѣтъ въ колосьяхъ.—Похоже на то, что знаменитый впослѣдствіи *хлѣбный жукъ существовалъ и въ 1811 году.*

Великіе пожары и смущеніе кіевлянъ.

Іюнь ознаменованъ многими пожарами въ Кіевѣ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ великій пожаръ на Подолѣ 9 іюня, когда сгорѣло 1,240 домовъ, монастыри братскій и фроловскій и болѣе десяти церквей. Къ сожалѣнію листокъ съ записью отъ 9 по 15 іюня утраченъ изъ дневника м. Серапіона, и по дальнѣйшимъ записямъ мы можемъ составить себѣ понятіе только о впечатлѣніи ужаса, какимъ были поражены кіевляне.

14 іюня, въ 11 часу вечера »паки былъ пожаръ на Печерскѣ, противъ самой почти владимірской церкви. Сгорѣлъ домъ войта Рыбальскаго, и сей пожаръ навелъ такой страхъ, что всѣ выбирали все имѣніе свое изъ домовъ, и вывозили въ поле«.—Какъ будто читаешь выдержку изъ новгородской лѣтописи: »по вся дни загорашеся невѣдаемо, и не смѣяху людіе жити въ домѣхъ, но на поли живящу«. И мы, прибавляетъ митрополитъ, всю ризницу выносили въ выходъ, что подъ полатнымъ амбаромъ, и ночь почти всю не спали, и мои коробы, и вина, и водки въ подвалъ-же вынесли.

25 іюня была пальба изъ всѣхъ пушекъ, на крѣпости лаврской стоящихъ, для пробы-де ихъ; что весь городъ весьма встревожило, ибо не знали, для чего была пальба.

28 іюля, въ исходѣ 1 часа за полночь былъ пожаръ во дворцѣ у военнаго губернатора, аки-бы отъ зажогу, и сгорѣлъ правый со въѣзду корпусъ.

30 іюля митрополитъ ѣздилъ въ Выдубецкій монастырь осматривать покои для помѣщенія погорѣлыхъ фроловскихъ монахинь.

4 августа протопопъ Кринитскій сказывалъ митрополиту о письмѣ, стихами писанномъ и прибитомъ акибы къ дому часовщика Коробки, что на Подолѣ, о сгорѣніи и остальныхъ подольскихъ домовъ.

7 августа митрополитъ прогуливался по обгорѣлому саду на Кудрявцѣ и замѣтилъ, что между прочимъ двѣ груши сгорѣли отмѣнной величины и высоты.

16 августа, вечеромъ горѣлъ домъ зятя комендантa Масси Корда близь дому генерала Бухгольца. На другой день въ томъ-же домѣ паки горѣлъ другой флигель, и муки сгорѣло до 900 кулей.

17 августа, въ началѣ 2-го часа за полдня открылся пожаръ противъ дворца у графа Самойлова, и у аптеки сгорѣли флигеля и сараи у брата Бунге, лекаря. И пожаръ былъ сильный въ виду дому нашего софійскаго, яко на горѣ, но тихо было, Богу благодареніе! И часа чрезъ два все потушили. А всѣмъ страху много причинено; и у митрополита карсты на конюшнѣ вытаскивали.

19 августа. Весь городъ наполненъ былъ чрезъ весь день горячимъ дымомъ, такъ что и дышать было трудно, и вдали мало что было видно. Не знали, чему приписать. И въ смущеніи многіе бѣгали на Подолъ посмотрѣть, не горитъ-ли гдѣ?

22 августа. Митрополитъ слышалъ отъ прот. Сигиревича, акибы отселѣ прислано въ С.-Петербургъ 8 человѣкъ, подозрительныхъ въ зажигательствѣ Кіева, а шесть содержатся здѣсь.

Посвященіе епископа Аѳанасія въ Кіевѣ.

2 сентября въ крестовой церкви было нареченіе, а *5 сентября* въ лаврѣ посвященіе черниговскаго елецкаго архимандрита Аѳанасія Корчанова въ епископы пензенскіе. Посвященіе совершали м. Серапіонъ съ викаріемъ Иринеемъ и съ жившимъ въ лаврѣ на покоѣ епископомъ Ѳеофилактомъ (Слонѣцкимъ), бывшимъ вологодскимъ.

Комета.

10 сентября. Въ 10 часу очень ясно видна была звѣзда комета, отъ лѣтняго запада къ сѣверу идущая, и лучи или сіяніе—казалось на сажень—перпендикулярно простирались къ созвѣздію ursae majoris. И до полночи видно было сіе явленіе очень необыкно-

венное. *15 сентября* сіяніе отъ кометы было косвеннѣе или наклоннѣе къ востоку и было слабое и короткое, такъ какъ на аршинъ уже только.

Городокъ Китай.

25 сентября митрополитъ съ гостями духовными и свѣтскими обѣдали въ Китаевской пустыни, а послѣ обѣда ходили на виноградникъ, а оттолѣ на гору зѣло высокую, гдѣ былъ городокъ Китай, гдѣ видны и до днесь окопы и валы.

26 сентября прибылъ въ Кіевъ сенаторъ Илья Петровичъ Аршеневскій для обозрѣнія фабрики фіансовой.

Перемѣщеніе монашествующихъ послѣ пожара.

4 октября. Никольскій архим. Кипріанъ донесъ владыкѣ, что онъ съ своею братіею уже перебрался въ лавру, а фроловская игуменья просила благословенія совсѣмъ перебраться въ монастырь никольскій и показывала рескриптъ, ей присланный отъ импер. Маріи Ѳеодоровны и 1,000 руб. при письмѣ об. прок. кн. Голицына.

8 октября. Въ лаврѣ было приведеніе дворянства къ присягѣ на 3-хъ лѣтніе выборы.

16 октября. Пріѣхалъ изъ С.-Петербурга сербскій архим. Мелетій, коему, по имянному указу, велѣно выдать изъ лавры два круга церковныхъ книгъ.

Надгробіе Долгорукимъ въ Лаврѣ.

21 октября. Былъ у митрополита титулярный совѣтникъ, отъ владимірскаго губернатора князя Долгорукого присланный, съ доскою мѣдною вызолоченною для постановленія ея при входѣ въ великую печерскую церковь въ стѣнѣ противъ чугунныхъ плитъ, положенныхъ надъ гробами его родственниковъ, славныхъ по обстоятельствамъ того времени.

15 ноября. Митрополитъ сдалъ экономy академіи, пр. Россовскому, 1,000 р., присланныхъ отъ гр. А. Р. Чернышевой для раздачи погорѣлымъ священникамъ кіевскимъ.

9 декабря. Освященіе вновь сооруженной церкви Зачатія св. Анны на дальнихъ пещерахъ.

12 декабря. Въ 7 часовъ утра военный губернаторъ прислалъ митрополиту письмо, увѣдомляя о полученіи имъ изъ молдавской

арміи отъ главнокомандующаго Кутузова извѣстія, что турокъ у Рущука взято въ плѣнъ 12,000 и 56 пушекъ съ трехбунчужнымъ пашею и 3 другими начальниками.

25 декабря. Былъ у владыки совѣтникъ правленія Катериничъ, человѣкъ благочестивый и нѣчто жертвовалъ для благоукрашенія лавры и объявилъ, что онъ сдѣланъ кіевскимъ вице-губернаторомъ.

1812 годъ.

Кончина епископа Ѳеофана Шіянова.

24 генваря. Скончался послѣ паралича полтавско-переяславскій епископъ Ѳеофанъ Шіяновъ, бывшій викарій кіевскій и родной дядя извѣстнаго кіевскаго домовладѣльца Н. С. Шіянова. Параличъ поразилъ преосвященнаго 15 генваря, и электрическая машина, выписанная изъ Кіева отъ протопопа Манковскаго, какъ видно, не спасла умирающаго. Переяславская консисторія репортовала митрополиту о кончинѣ Ѳеофана, требуя распоряженія о его погребеніи на основаніи синодальнаго указа отъ 30 ноября 1783 года. Посему митрополитъ и поручилъ ѣхать въ Переяславль для погребенія пр. Ѳеофана викарію Иринею.

Торжество открытія кіевской гимназіи.

30 генваря. По просьбѣ визитатора тайнаго совѣтника Чапскаго (т. е. Чацкаго), митрополитъ совершалъ литургію въ лаврѣ. Императорскій уставъ, данный гимназіи, былъ внесенъ въ великую лаврскую церковь съ торжественною процессіею. Проповѣдь говорилъ катихизаторъ гимназіи, успенскаго собора священникъ Иванишевъ. Послѣ молебствія и многолѣтія, уставъ тотъ въ бархатномъ футлярѣ и на бархатной подушкѣ понесенъ былъ въ гимназію. Въ 3-мъ часу дня послѣдовало самое открытіе. Предъ гимназіею стояли цехи съ знаменами и городская милиція на коняхъ, и играли въ литавры. У лѣстницы встрѣтилъ митрополита т. с. Чапскій съ директоромъ гимназіи Мышковскимъ и учителями, и провелъ въ залу, гдѣ послѣ водоосвященія и многолѣтія, митрополитъ благословилъ новое учебное заведеніе иконою и библіею. Затѣмъ говорены были рѣчи польскія. Первую рѣчь говорилъ болѣе получаса г. Чапскій, дѣлая обращенія къ г. губернатору Милорадовичу, графу Ржевутскому, губернскому маршалу Потоцкому и къ митрополиту. Вторую рѣчь

также съ комплиментами и еще длиннѣе говорилъ графъ Ржевутскій; третью—покороче говорилъ, вмѣсто маршала губернскаго, маршалъ повѣтовый. Наконецъ въ заключеніе говорилъ благодарную рѣчь директоръ Мышковскій, уже на россійскомъ языкѣ. Потомъ военный губернаторъ взялъ уставъ, лежавшій на бархатной подушкѣ, и вручилъ директору. Въ 7 часу, уже зажженнымъ свѣчамъ, сѣли за столъ богатый; и было обѣдающихъ болѣе ста. Когда пили за здоровье государя, былъ 101 пушечный выстрѣлъ.—Вѣроятно въ теченіе своей многовѣковой жизни Кіевъ только разъ оглашался въ вечернее время такимъ патріотическимъ громомъ, какой устроили теперь три польскіе графа.—Послѣ обѣда митрополитъ былъ провожденъ до кареты г. Чапскимъ, директоромъ и учителями; даже г. Чапскимъ въ карету посаженъ, по учтивости крайней польской.

Возобновленіе фроловскаго монастыря.

21 февраля. Почтмейстеръ принесъ къ митрополиту письмо отъ государя императора, присланное по естафетѣ, о скорѣйшемъ возобновленіи фроловскаго монастыря. Это порученіе митрополитъ спѣшилъ возложить на никольскаго архимандрита Кипріана и самъ часто сталъ ѣздить въ погорѣлый фроловскій монастырь. 23 марта заключенъ былъ контрактъ съ подрядчикомъ Сѣриковымъ, который взялся за 45,000 р. построить четыре корпуса келій на 56 саженяхъ. А 5 мая митрополитъ послѣ литургіи во фроловскомъ уже отправлялъ благодарный молебенъ, что Богъ помогъ въ погорѣломъ монастырѣ устроить четыре корпуса келій и въ нихъ поселить монахинь, а монахини со слезами благодарили митрополита за трудъ его въ устроеніи семъ многій положенный.

Отъѣздъ викарія Иринея.

12 марта. Викарій Иринеи, пожалованный епископомъ смоленскимъ, въ первый разъ воздѣлъ на себя аннинскую кавалерію по просьбѣ митрополита.

1 апрѣля вечеромъ Иринеи выѣхалъ въ Смоленскъ и былъ провожаемъ братіею до р. Днѣпра съ колокольнымъ звономъ, продолжавшимся болѣе часу.

2 апрѣля митрополитъ въ михайловскомъ монастырѣ отпѣвалъ госпожу Ханенкову.

Безполезныя саперныя работы надъ пещерами.

8 апрѣля. На Печерскѣ военные люди начали размѣрять мѣстность и назначили рвы для баттарей надъ самыми пещерами. Это митрополиту, какъ видно, очень не нравилось, и подъ 29 мая онъ записалъ отзывъ какого-то офицера, пріѣхавшаго изъ Брянска съ артиллерійскими лошадьми, что инженерная работа на пещерахъ предосужденію подвержена особливо потому, что пещеры оставлены безъ защиты. Часъ отъ часу было не легче. 31 мая начальникъ дальнихъ пещеръ доносилъ митрополиту, что инженерный генералъ Глуховъ хочетъ приступать къ тому, чтобы на пещерахъ ломать переходы. Но митрополитъ не имѣлъ никакой власти надъ инженерами, и ему оставалось только похаживать надъ пещерами, да посматривать, что́ дѣлаютъ инженеры. Пробовалъ жаловаться военному губернатору Милорадовичу, но тотъ отвѣчалъ, что это не его дѣло, что инженерами завѣдуетъ какой-то генералъ Опперманъ. Митрополитъ жаловался, должно быть, кому нибудь и повыше. Какъ-бы то ни было, 17 іюня митрополитъ получилъ письмо отъ графа Аракчеева, и въ немъ именной указъ инженерному генералу Глухову, предписывающій ему имѣть всякое попеченіе о невредимости пещеръ. Въ тотъ-же вечеръ владыка поѣхалъ къ пещерамъ, гдѣ Глуховъ подѣлалъ рвы и валы, осмотрѣлъ инженерныя работы и съ торжествомъ вручилъ Глухову высочайшій указъ.

14 апрѣля. Благодарственное молебствіе по случаю пожалованія государемъ императоромъ 34,200 р. погорѣвшему кіевскому духовенству.

Какъ отражались въ Кіевѣ событія 1812 года?

24 апрѣля. Была у митрополита философка Турчанинова и разсказывала исторію объ измѣнничествѣ Сперанскаго и Магницкаго.

24 іюня митрополиту изъ разговоровъ гостей стало примѣтно, что французы уже въ Вильнѣ.

27 іюня философка Турчанинова первая прислала копію съ приказа арміямъ о нападеніи французовъ на наши войска при Ковнѣ.

30 іюня митрополитъ, возвращаясь изъ лавры въ 10 часу вечера, нашелъ, что крѣпость была уже заперта, и ходили на главную гофъ-вахту докладываться о пропускѣ.

3 іюля принесено къ митрополиту письмо отъ Турчаниновой, коимъ увѣдомляетъ, что сей-де часъ прибылъ изъ арміи курьеръ; сказываютъ-де, что было три сраженія, всѣ выгодныя для россіянъ. А *5 іюля* вице-губернаторъ показывалъ митрополиту и самое письмо Багратіона о трехъ побѣдахъ небольшихъ, 27 и 28 іюня и 2 іюля бывшихъ.

11 іюля военный губернаторъ Милорадовичъ объяснилъ митрополиту, что государь назначилъ его, Милорадовича, главнокомандующимъ надъ арміею, изготовляемою между Калугою, Волоколамскомъ и Москвою, и давалъ читать только что полученный имъ Высочайшій о семъ рескриптъ. Пока митрополитъ былъ у Милорадовича, пріѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что миръ съ турками ратификованъ султаномъ.

13 іюля. Явился къ митрополиту архимандритъ Лазарь, который имѣлъ монастырь свой въ Пинскѣ, и мѣсто-де сіе, такъ какъ и Минскъ, занято французами; и архіепископъ-де минскій Серафимъ выѣхалъ въ Смоленскъ.

14 іюля философка Турчанинова доставила владыкѣ копію съ письма о побѣдѣ 1-ю арміею непріятельской арміи, состоявшей изъ 100,000, изъ коихъ 60,000 убито и взято въ плѣнъ, а 40,000 разсѣяно безъ вѣсти; въ числѣ плѣнныхъ маршалъ Макдональдъ, а Понятовскій или раненъ, или убитъ.

Съ половины іюля въ Кіевъ стали приводить плѣнныхъ французовъ. 15 іюля комендантъ просилъ у митрополита позволеніе въ пѣвческомъ корпусѣ поставить плѣнныхъ французовъ, коихъ ведутъ 290 человѣкъ, да вслѣдъ за симъ будутъ до 400.

20 іюля. Предъ литургіею былъ прочитанъ манифестъ о всеобщемъ вооруженіи и отправленъ соборомъ молебенъ о побѣдѣ на супостатовъ. Послѣ литургіи прочитано письмо генерала Тормасова о побѣдѣ надъ саксонцами при Кобринѣ и отправлено благодарственное молебствіе.

22 іюля. Предъ обѣднею молебенъ о побѣдѣ, одержанной надъ французами генералъ-лейтенантомъ Раевскимъ.

30 іюля. Была сильная пальба въ лагерѣ, что у Златыхъ вратъ, для ученія.

2 августа. Митрополитъ повѣрялъ въ соф. соборѣ доску, выгроднрованную со гроба князя Ярослава.

3 августа. Извѣстіе о двухъ побѣдахъ подъ Полоцкомъ.

6 августа. Были у митрополита вице-губернаторъ Катериничъ, С. С. Шіяновъ и почтмейстеръ Ассонъ Савичъ и сказывали, что казну, состоящую въ золотѣ и серебрѣ, изъ Кіева велено вывезти въ Москву (?!), и вывезена-де. Да и депо провіантское и коммиссаріатское вывозятъ-де отселѣ въ Москву,—и что то-де послѣдуетъ чрезъ 4 дня, ожидать надобно.

7 августа. Были у митрополита лаврскіе намѣстникъ и казначей по дѣлу о сохраненіи сокровищъ лаврскихъ. Митрополитъ ѣздилъ къ губернатору и говорилъ съ нимъ объ угрожающихъ обстоятельствахъ, но, какъ видно, ни къ какому рѣшенію не пришли. Впрочемъ *16 августа* митрополитъ послалъ въ Черниговъ къ генералъ-губернатору Лобанову письмо относительно сохраненія сокровищъ церковныхъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ.—Кажется, все ограничилось тѣмъ, что лаврскія драгодѣнности были положены въ сундуки для случая.

15 августа. Былъ крестный ходъ съ иконою Богоматери кругомъ всей лавры.

16 августа. Митрополитъ ходилъ съ братіею въ верхній скарбецъ, гдѣ отбирали серебро, безъ употребленія лежащее, для пожертвованія отечеству. Въ тотъ-же день митрополитъ получилъ отъ Шіянова непріятное извѣщеніе, что Смоленскъ занятъ французами 7 августа. Но за то *2 сентября* Шіяновъ пришелъ къ владыкѣ съ извѣстіемъ, аки-бы одержана нашимъ войскомъ побѣда подъ Можайскомъ, и взято будто-бы отъ 70 до 100 пушекъ, и до 70,000 побито и ранено, и взятъ акибы въ полонъ король неапольскій, зять Наполеоновъ Іоакимъ Муратъ. *15 сентября* дошелъ до кіевскаго владыки слухъ о московскомъ пожарѣ. Inter rumores varios hoc a multis audivi, quasi Mosquam adivit Napoleon et multa ibi igne consumsit. O avertat Deus hoc summum malum!

20 сентября вице-губернаторъ сообщилъ митрополиту, что Москва точно французами занята 2 сентября и много-де предмѣстій выжено; а наканунѣ комендантъ сказывалъ митрополиту, со словъ проѣзжавшаго курьера, акибы съ Австріею у насъ миръ объявленъ и посланникъ-де нашъ поѣхалъ въ Вѣну,—также и съ саксонцами. *29 сентября*, лекарь Бунге сказывалъ митрополиту, акибы Москва была сдана французамъ на капитуляцію. Наконецъ *3 октября* ми-

трополиту удалось получить прямое извѣстіе о Москвѣ. Кіевскій воздвиженскій священникъ, ѣздившій въ С.-Петербургъ, не могъ уже возвратиться чрезъ Москву, а проѣхалъ чрезъ родину митрополита, Александровъ и привезъ письмо отъ митрополичьяго племянника Симона Ив., священника александровскаго дѣвичьяго монастыря. Племянникъ писалъ, что они находятся въ великомъ страхѣ, ожидая ежечасно нашествія непріятельскаго, что московскій митрополитъ въ махрищскомъ монастырѣ, а викарій его во Владимірѣ, а синодальная-де и лаврская ризницы вывезены въ Вологду, а мощи-де преп. Сергія сокрыты подъ спудъ. »О великій гнѣвъ Божій!« замѣтилъ митрополитъ, и при первой возможности послалъ въ Александровъ 500 р. 23-мъ бѣднымъ родственникамъ, бѣжавшимъ изъ Москвы.

20 сентября въ полдень многіе въ Кіевѣ видѣли при солнечномъ сіяніи луну и подъ нею малую звѣзду, изъ чего разныя дѣлали заключенія.

1 октября прибылъ въ Кіевъ генералъ отъ кавалеріи А. М. Тормасовъ проѣздомъ изъ арміи западной въ армію подмосковную, а выѣхалъ изъ Кіева *4 октября*.

20 октября. Молебенъ о побѣдѣ надъ королемъ неаполитанскимъ, одержанной 6 октября генераломъ Бенигсеномъ подъ Вороновымъ.

26 октября. Митрополитъ читалъ письмо генерала Милорадовича къ кіевскому гражд. губернатору, коимъ увѣдомляетъ, что »Москва нами занята сего октября 11 числа, и взошелъ генералъ Еловайскій первый въ городъ, а непріятель ретируется по разнымъ дорогамъ«. И затѣмъ послѣдовали все уже пріятныя извѣстія.

3 ноября митрополиту сообщено о побѣдѣ, 27 и 28 октября въ 40 верстахъ отъ Смоленска одержанной, гдѣ взято нашими 63 пушки и 3,500 плѣнныхъ, а болѣе того побито.

18 ноября митрополитъ узналъ, что гдѣ-то русскіе взяли въ плѣнъ 17,000, 8 генераловъ, 200 пушекъ и страшный обозъ.

22 ноября получено было письмо отъ фельдмаршала князя Кутузова о совершенной безопасности кіевской крѣпости, объ открытіи всѣхъ мѣстъ присутственныхъ и о возвращеніи госпиталя изъ Переяславля.

24 ноября. Подписка въ пользу разоренныхъ отъ французовъ. Митрополитъ подписалъ отъ лавры 5,000 р., да отъ себя лично

1,500 р. с., губернаторъ 500 р., вице-губернаторъ 300 р. и т. д. Всего-же отправлено было лаврскимъ казначеемъ оберъ-прокурору св. синода на разоренныхъ отъ французовъ 13,575 р.

Панихида по м. Платонѣ.

19 декабря. Торжественная панихида по московскомъ митр. Платонѣ въ софійскомъ соборѣ, а *21 декабря* въ лаврѣ. Митрополитъ Серапіонъ при семъ роздалъ на свой счетъ 390 пятикопѣечныхъ булокъ лаврской братіи и оставилъ на сорокоустіе 50 р.

1813 годъ.

Крестный ходъ въ лаврѣ.

1 января былъ крестный ходъ кругомъ лавры съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Предварительно митрополитъ говорилъ съ амвона рѣчь, въ коей изъяснилъ причины хода. Впослѣдствіи г-жа философка Турчанинова составила описаніе сего хода, въ коемъ участвовало все кіевское духовенство, какъ черное, такъ и бѣлое. А *26 января* былъ благодарственный молебенъ о спасеніи отечества отъ врага, при чемъ читаны были, по силѣ указа св. синода, два высочайшіе манифеста.

Погребеніе войта Рыбальскаго.

24 января умеръ войтъ Рыбальскій, старикъ почтенный, всѣми уважаемый и любимый, и умный. Отпѣвалъ митрополитъ. Церемонія погребенія войта была необычная: 1) въ церкви было около гроба 18 знаменъ; 2) когда гробъ вынесли изъ церкви, предъ гробомъ ѣхало до ста гражданъ въ найлучшемъ уборѣ, на найлучшихъ лошадяхъ, въ малороссійскомъ богатомъ платьѣ; 3) впереди всей процессіи несли 12 гробовъ, покрытыхъ богатыми пеленами, шитыми золотомъ и серебромъ. Похоронили войта Рыбальскаго *29 января* на Щекавицѣ, гдѣ его стараніемъ сооружена каменная церковь.

30 января явился къ митрополиту черногорскій архимандритъ Дометіанъ Влодевичъ, коему дозволено пребываніе въ лаврѣ, съ письмомъ отъ министра полиціи и отъ посланника изъ Вѣны князя Куракина.

1 марта. Московскій купецъ Ждановъ поднесъ м. Серапіону книжку, имъ сочиненную, о его бѣгствѣ изъ Москвы отъ французовъ.

23—25 марта, пребываніе въ Кіевѣ в. кн. Екатерины Павловны, которая пожертвовала къ чудотворной лаврской иконѣ звѣзду брилліантовую съ превеликимъ аметистомъ по срединѣ, а сама получила изъ лавры до 10 частицъ мощей здѣшнихъ преподобныхъ.

11 апрѣля. Привезенъ въ Кіевъ и погребенъ въ Выдубецкомъ монастырѣ трупъ полковника Василицкаго, убитаго подъ Бородинымъ.

Покража въ лаврѣ.

10 августа украдены въ лаврѣ кружечныя деньги до 14,000 р.; а 17 ноября обокрали въ лаврѣ уставщика Гавріила: взято 4 мѣшка мѣдныхъ денегъ и до 600 р. ассигнаціями и шуба; впрочемъ въ тотъ-же день и воръ, и украденное найдены.

30—31 августа былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ свою епархію могилевскій епископъ Даніилъ (Мирданскій) и подарилъ митрополиту 12 бут. венгерскаго и 32 арш. матеріи.—Это приношеніе повидимому нѣсколько удивило митрополита.

Посвященіе въ Кіевѣ двухъ епископовъ.

13 сентября было нареченіе, а *14 сентября* посвященіе каменецъ-подольскаго архимандрита Стефана во епископы житомірскіе; что было учинено митрополитомъ съ коадъюторомъ Иринеемъ и Ѳеофилактомъ, бывымъ вологодскимъ.

13 октября было нареченіе, а *14 октября* посвященіе курскаго архимандрита Аполлоса во епископы харьковскіе. Дѣйствующіе въ обрядѣ архіереи были тѣже. На мѣсто новопосвященнаго епископа опредѣленъ въ Курскъ архимандритомъ ректоръ академіи Іоакинеъ.

1814 годъ.

15 генваря. Былъ благодарный молебенъ по высочайшему манифесту, что наши побѣдоносныя знамена развѣваются уже на берегахъ р. Рейна.

25 генваря. Снѣгъ съ пургою, и великое множество его выпало.

12 апрѣля. Торжественное молебствіе по случаю вступленія Государя Императора въ Парижъ. Народу и господъ было очень много, а особливо господъ никогда почти столько не бывало. Послѣ молебна господа всѣ съ чиновниками заходили къ митрополиту, человѣкъ почти до ста. И тутъ предложено ознаменовать сіе чрезмѣрно радостное происшествіе подпискою на инвалидовъ денежною. Митрополитъ первый подписалъ 200 р., остальные тутъ же въ залѣ сотъ до семи.

27 іюня. Отпѣваніе протоіерея Леванды, скончавшагося *25 іюня* [1]).

28 іюня. Торжественный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, по случаю высочайшаго манифеста о заключеніи мира съ Франціею. 101 пушечный выстрѣлъ. Вечеромъ иллюминація. »И были для торжества иллюминованы софійская и лаврская колокольни. На первой было сто плошекъ, а на второй 200, къ великому удовольствію гражданъ«.

Приношенія въ лавру гр. Н. П. Румянцева.

27 сентября. Былъ въ Кіевѣ государственный канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, а на другой день прислалъ въ лавру, гдѣ погребенъ его родитель, панагію брилліантовую всебогатую для митрополита, вѣтвь масличную и жезлъ фельдмаршалской золотые, брилліантами украшенные.—Послѣднія двѣ вещи и теперь хранятся въ лаврской ризницѣ.

1 октября. Прибылъ въ Кіевъ графъ М. А. Милорадовичъ, герой, орденами обвѣшанный, и будучи *4 октября* у митрополита на обѣдѣ, казалъ златую шпагу, брилліантами украшенную и лаврами обвитую, за храбрость пожалованную ему Государемъ Императоромъ.

1815 годъ.

23 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита графъ Витгенштейнъ, герой видный, росту высокаго, орденами обвѣшанъ.

26 генваря. Былъ въ Кіевѣ и у митрополита лейбъ-кучеръ Государя Императора, изъ Вѣны пріѣхавшій на богомолье въ Кіевъ,

---

[1]) Обстоятельство это подробно описано въ книгѣ Ф. А. Терновскаго: *Протоіерей Іоаннъ Леванда.* Кіевъ. 1879 года.—Ред.

съ бородою червою и съ усами раскольническими(!), въ кафтанѣ купеческомъ, кушакомъ подпоясанномъ. Митрополитъ благословилъ кучера книгами и просфорою, что онъ принялъ, павъ на колѣни, съ душевнымъ восторгомъ.

26 апрѣля. Скончалась старушка Анна Александровна Турчанинова, супруга полковника и перваго камердинера императора Петра III, и погребена торжественно *28 апрѣля* въ Выдубецкомъ монастырѣ.

20 іюня. Манифестъ по случаю начатія войны съ Франціею.

14 іюля. Выпускной экзаменъ въ кіевской гимназіи. Новопроизведеннымъ студентамъ выданы были аттестаты, а еще губернаторъ роздалъ имъ и шпаги.

27 іюля. Получено было высочайшее повелѣніе срыть на пещерахъ валы и привесть все въ первобытное состояніе и все сдѣлать на государственный счетъ. Митрополитъ и лаврскіе старцы возрадовались и благодарили Божію Матерь, и прочитано было оное высочайшее повелѣніе памѣстникомъ въ присутствіи митрополита въ средѣ старцевъ.

26 декабря. Молебенъ по случаю полученія радостнаго извѣстія, что всеобщій миръ уполномоченными подписанъ 8 ноября въ Парижѣ.

1816 годъ.

29 мая. Присланы отъ государя императора золотые сосуды для Софійскаго собора при рескриптѣ къ митрополиту.

30 мая—3 іюня. Пребываніе въ Кіекѣ в. кн. Николая Павловича.

27 іюня. Господарь молдавскій Ипсилантій, жившій въ Кіевѣ, скоропостижно скончался въ 8 часу утра, на 56 году отъ роду. Мѣсто для погребенія было назначено въ Георгіевской церкви, въ углу за правымъ клиросомъ, гдѣ и въ настоящее время возвышается мраморный монументъ. Могила была вырыта съ трудностію по причинѣ оказавшихся подъ поломъ каменныхъ стѣнъ и большаго дикаго камня. Погребеніе было совершено 30 іюня. Тѣло вынесли изъ дому господарскаго противъ столбовой никольской церкви (т. е. никольскаго монастыря, именовавшагося *Слуть*), при величайшемъ стеченіи господъ и народа: 15 городскихъ цеховъ приняли участіе въ церемоніи съ своими гробами и знаменами. Литургія и

отпѣваніе были въ Софійскомъ соборѣ. Вдовица-княгиня была въ сильнѣйшей скорби.

8 августа. Былъ у митрополита князь Голицынъ, зять покойнаго князя Прозоровскаго, съ просьбою о переносѣ тѣла покойнаго изъ лавры въ церковь, отъ нихъ при больницѣ устроенную (въ Прозоровскую башню).

Пребываніе Императора въ Кіевѣ.

30 августа. Получено формальное увѣдомленіе, что Государь Императоръ въ Кіевъ прибудетъ къ 7 сентября и пробудетъ до 12.

7 сентября. Четвергъ. Въ половинѣ 7 часа вечера Государь Императоръ изволилъ прибыть въ лавру, гдѣ во св. вратахъ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ братіею въ полномъ облаченіи и привѣтствованъ рѣчью. Потомъ провожденъ, при пѣтіи братіею и пѣвчими стиха: *Днесь благодать св. Духа,* до церкви. По вшествіи въ оную, запѣли пѣвчіе: *Достойно есть,* въ которое время изволилъ прикладываться къ мощамъ при препровожденіи митрополита. Потомъ эктенія и многолѣтіе. И отбылъ изъ лавры; и зажжена была иллюминація на колокольнѣ. И иллюминована была и колокольня софійская.

8Сентября. Пятница. Праздникъ Рождества Богоматери. Въ 11 часу изволилъ прибыть къ собору Государь Императоръ и встрѣченъ у св. воротъ митрополитомъ съ духовенствомъ, причемъ митрополитъ говорилъ краткое привѣтствіе. По вшествіи въ соборъ, Государь изволилъ прикладываться къ иконамъ и мощамъ. Потомъ началась обѣдня, которую совершалъ митрополитъ съ тремя архимандритами и четырьмя соборными. Проповѣди не было. Послѣ литургіи, Государь изволилъ входить въ новую ризницу, осмотрѣлъ мозаику и гробъ Ярославовъ. Послѣ посѣтилъ митрополичьи покои, гдѣ милостиво бесѣдовалъ съ хозяиномъ, сидя съ нимъ рядомъ на канапе, предстоящимъ генераламъ, и графинѣ Браницкой, и княгинѣ Прозоровской. И былъ потчиванъ сперва кофеемъ съ чаемъ, но не изволилъ кушать; потомъ шампанскимъ, коего полъ-рюмки искушалъ за здоровье митрополита, и немного откушалъ вырезуба и пирожка частицу. И отбыть изволилъ благополучно и радостно для всѣхъ съ шумомъ *ура* у собора.

9 сентября. Суббота. Во 2-мъ часу дня митрополитъ ѣздилъ къ Государю съ духовенствомъ, и подносимы были иконы: отъ лавры образъ Успенія въ окладѣ, и хлѣбъ, и книги; отъ собора образъ Софіи, премудрости Божіей, отъ фроловскаго монастыря образъ Вознесенія и хлѣбъ, а отъ академіи ода. И принято было благоволительно. Пригласивъ митрополита во внутренніе покои, Государь бесѣдовалъ съ нимъ милостиво и обѣщался завтра слушать въ лаврѣ обѣдню, поемую лаврскими старцами.

10 сентября. Воскресенье. Прибытіе государя въ лавру послѣдовало въ исходѣ 11 часа; и былъ встрѣченъ у вратъ святыхъ экономомъ съ 10 старцами, а у церковныхъ дверей митрополитомъ съ крестомъ. И по вшествіи, изволилъ приложиться къ образу Божіей Матери и слушалъ литургію, совершаемую митрополитомъ, спѣваемую братіею и продолжавшуюся два часа. Послѣ литургіи, Государю поднесена была митрополитомъ просфора, и подходили всѣ служащіе къ рукѣ. Затѣмъ Государь прошенъ былъ въ архимандричьи кельи и провожденъ намѣстникомъ, а митрополитъ, разоблачившись, взошелъ въ кельи и благодарилъ Государя за посѣщеніе и подчивалъ его шампанскимъ, наливъ бокальчикъ, и Государь половину выпилъ за здоровье митрополита; потомъ потчиванъ рыбою вырезубомъ и пирогомъ. Въ тотъ-же день митрополитъ былъ на обѣдѣ у Государя. За столъ сѣли въ три часа. По правую руку его величества сидѣли митрополитъ, графъ Сакенъ и графъ Ржевутскій, а по лѣвую графъ Милорадовичъ, Раевскій и Капцевичъ; всѣхъ было за столомъ болѣе 30 человѣкъ, и всѣ почти генералы. Въ 5 часу встали изъ за стола и Государь, поговоривъ немного, откланялся. Кушанье для митрополита все было рыбное и изготовлено наивкуснѣйше.

11 сентября. Понедѣльникъ. Полученіе митрополитомъ брилліантовыхъ знаковъ ордена Андрея Первозваннаго, а лаврскимъ намѣстникомъ брилліантоваго креста. Посѣщеніе Государемъ академіи.

12 сентября. Вторникъ. Государь изволилъ слушать обѣдню, отправляемую однимъ намѣстникомъ въ церкви преп. Антонія. Послѣ обѣдни митрополитъ представилъ Государю схимника во всемъ схимническомъ одѣяніи, который и благодарилъ за пожалованный ему брилліантовый крестъ. Изъ церкви Государь прошенъ былъ въ кельи начальничьи, гдѣ, мало наливъ вина, выпилъ за

здоровье митрополита, и много разглагольствовалъ о бывшемъ предъ Парижемъ моленіи среди 15,000-ной арміи въ 7 церквахъ. Потомъ Государь зашелъ въ лаврскую великую церковь, гдѣ приложился къ образу Божіей матери. При выходѣ митрополитъ поднесъ Государю образъ преподобныхъ и сказалъ краткую благодарную рѣчь. »И тако«, заключаетъ митрополитъ свое сказаніе о пребываніи Государя въ Кіевѣ,- »въ исходѣ 10 часа за полночь отбылъ Государь, сѣвъ въ коляску у вратъ святыхъ, въ дальнѣйшій путь. И симъ все совершилось благополучно. Проводивъ, взошли въ церковь и отпѣли благодарный молебенъ за вся благая, намъ ниспосланная чрезъ царя благочестивѣйшаго«.

Освященіе церкви въ инвалидномъ домѣ кн. Прозоровскаго.

21 сентября. Литургію совершалъ митрополитъ. Послѣ тутъ и обѣдали. За столомъ было до 30 человѣкъ, все почти генералы, да дамъ до 5: кн. Прозоровская, генеральша Раевская, кн. Голицына хозяйка, да генеральша Давыдова. Обѣдъ былъ богатый.

27 октября. Митрополиту была доставлена чрезъ г. Шіанова ода, сочиненная полковникомъ Морозовымъ на прибытіе въ Кіевъ Государя Императора.

31 октября. Былъ у митрополита сенаторъ Болотниковъ съ объявленіемъ о назначаемомъ имъ мѣстѣ для католицкой церкви, гдѣ аптека, близъ дворца.

1817 годъ.

9—12 января. Пребываніе въ Кіевѣ преосв. Михаила черниговскаго, вослѣдствіи м. петербургскаго.

13 апрѣля. Былъ у митрополита раввинъ жидовскій и просилъ прощенія въ ложномъ доносѣ самому Государю, аки бы дочь его (раввина), будучи выкрадена, была окрещена.

24 апрѣля. Присланъ отъ Государя Императора въ Михайловскій монастырь образъ архангела Михаила, въ златой ризѣ, брилліантами и другими драгими каменьями украшенный.

23 мая. Митрополитъ осматривалъ въ лаврѣ въ верхнемъ скарбцѣ открытый желѣзный сундукъ, въ коемъ отъ 1785 г. хранились деньги серебромъ 10,000 и золотомъ червонцевъ тысяча.

О лаврскомъ скарбцѣ упоминается въ дневникѣ владыки еще разъ, именно подъ 15 февраля 1805 г., именно, что митрополитъ и старцы ходили въ скарбецъ, что въ великой церкви, и положили остатковъ отъ прошлаго 1804 года, за расходами разною монетою 20,000 р. къ имѣемымъ отъ прежнихъ годовъ 55,000 р. Кромѣ 12,000 златыхъ, qui sub pavimento absconditae тутже. О похищеніи изъ лаврскаго скарбца см. подъ 4 марта 1821 года. Существуетъ-ли въ настоящее время лаврскій скарбецъ, не знаемъ.

Открытіе кіевскаго отдѣленія россійскаго библейскаго общества.

11 августа. Въ лаврской церкви былъ отслуженъ молебенъ съ прошеніемъ Божія благословенія на начатіе благаго дѣла сего, при чемъ были генералы Раевскій, Кащевичъ, комендантъ Масси, губернаторъ Назимовъ и прочее дворянство и купечество. Изъ церкви всѣ пошли въ митрополичьи покои и заняли мѣста въ большой залѣ. Митрополитъ произнесъ рѣчь (которую случайно бывшій при семъ князь И. М. Долгорукій въ своихъ запискахъ не похвалилъ и назвалъ рутинною). Затѣмъ читаны были правила библейскаго общества, была подписка приношеній (при чемъ митрополитъ подписалъ 1,000 руб. единовременно и 300 р. ежегодно) и выборъ членовъ комитета. Собраніе началось пѣніемъ духовныхъ стиховъ: *Днесь благодать св. Духа насъ собра*, и *Благословенъ еси Христе Боже нашъ*, и закончилось пѣніемъ: *Тебе Бога хвалимъ. 25 августа* было новое собраніе, на коемъ въ добавку къ прежнимъ выбраны новые директора, въ томъ числѣ пасторъ лютеранскій.—Изъ этого видно, что библейское общество имѣло не вѣроисповѣдный, а общехристіанскій характеръ.—Въ слѣд. 1818 г., апрѣля 4, у митрополита былъ англійскій пасторъ и раздаватель библіи и нового завѣта евреямъ и другой миссіонеръ англичанинъ (Гендерсонъ и Патерсонъ) и много разговаривали объ обращеніи евреевъ въ вѣру христіанскую.

30 августа. Закладка костела католицкаго близъ театра на горѣ.

Священникъ—авторъ.

14 сентября. Митрополитъ произвелъ въ протоіереи черниговскаго священника Іоанна Рубановича, 70-лѣтняго, автора исто-

рической книги на польскомъ языкѣ: »О началѣ церкви христіанской до послѣднихъ временъ съ возраженіями о заблужденіяхъ римской церкви«.

5 декабря. Увѣдомленіе оберъ-прокурора св. синода кн. Голицина о томъ, чтогосударь приказалъ отдать кіево-печерской лаврѣ рыбныя ловли въ черниговской губерніи.

18 декабря. Княгиня Ипсиланти просила митрополита о дозволеніи совершать для ней богослуженіе греч. іеромонаху съ острова Патмоса.

1818 годъ.

8 генваря. Панихида въ лавръ по графѣ Румянцевѣ, на которой былъ сынъ его, графъ Семенъ Петровичъ, и ассистентами были шесть кавалеровъ, получающихъ тысячную пенсію, и солдатъ два батальона подъ командою генералъ-майора Орлова. За панихиду графъ далъ братіи 500 р., а воинамъ 4000 рублей.

12 марта. Раздача кіевскимъ іереямъ бронзовыхъ крестовъ на владимірской лентѣ въ память войны 1812 года.

22 октября. Подполковница Марья Степановна Высоцкая лично просила митрополита объ устроеніи въ Выдубецкомъ женскаго монастыря (вѣроятно на ея счетъ). О томъ же просила она и св. синодъ. Просьба, какъ видно, осталась безъ послѣдствій.

19 ноября. Устроенъ вновь въ церкви преп. Варлаама, на ближнихъ пещерахъ, *иконостасъ мѣдный, позлащенный* очень блистательно чрезъ огонь, на что 239 червонцевъ пошло.

20 ноября. Лаврскій намѣстникъ со встревоженнымъ духомъ заявилъ митрополиту затрудненіе намѣстнической должности, болѣе жалуясь на типографа о постановленіи ангела близъ нужнаго мѣста.

30 декабря. Погребеніе на Оскольдовой могилѣ *полковника Будьянскаго,* скончавшагося отъ прорванія пупка. Послѣ похоронъ полицмейстеръ, провожая митрополита, положилъ ему въ карету 800 р., чѣмъ владыка былъ удивленъ.

1819 годъ.

8 февраля. Панихида по королевѣ виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ, скончавшейся на 32 году.

23 мая—3 іюня. Двѣнадцать дней гостилъ въ Кіевѣ Антоній, архіепископъ подольскій.

20 августа. Молебенъ о рожденіи в. кн. Маріи Николаевны, а *31 августа* о крещеніи ея.

13—14 сентября. Былъ въ Кіевѣ военный министръ Петръ Петровичъ Коновницынъ.

28 сентября. Открытіе кіевской академіи по новому уставу (См. *Труды к. д. ак.* 1883 № 2).

1820 годъ.

11 апрѣля. Генеральное собраніе библейскаго общества въ лаврѣ.

1821 годъ.

Похищеніе изъ лаврскаго скарбца.

4 марта. Похищено неизвѣстно кѣмъ изъ лаврскаго скарбца церковнаго казенныхъ денегъ 18.897 р. Подозрѣвался какой-то іером. Ѳеодоръ. Найдено какое-то орудіе, подкинутое за иконостасомъ. Наконецъ воръ былъ отысканъ въ Бердичевѣ совѣтникомъ Саксомъ, слѣдователемъ дѣла, и представленъ митрополиту. По описанію владыки, въ его залѣ, 7 мая въ 12 часовъ дня, разыгралась слѣдующая сцена. Полицмейстеромъ и совѣтникомъ Саксомъ воръ былъ привезенъ и введенъ въ залу. Воръ просилъ, чтобы чиновники оные тутъ не были, а были бы духовные, архимандритъ, или протопопъ, или іеромонахъ. Митрополитъ приказалъ взойти въ залу своему эконому игумену Никандру и духовнику, при коихъ воръ былъ спрашиваемъ и признавался въ похищеніи въ лаврѣ въ соборѣ денегъ и много говорилъ о своихъ беззаконіяхъ и преступленіяхъ великихъ, коимъ онъ не надѣется здѣсь получить отпущенія и разрѣшенія, но понесетъ на тотъ свѣтъ великое бремя своихъ грѣховъ и будетъ съ Богомъ говорить. Митрополитъ всячески утѣшалъ грѣшника, но тщетно. За тѣмъ воръ много жаловался на духовныхъ, которые ему ни хлѣба куска, ни кваса просящему не давали. А отходя совсѣмъ, сказалъ: *я васъ въ другой разъ не увижу.*—Воръ по имени не называется, но очевидно это былъ кто-то изъ лаврской братіи. Въ тотъ же день вечеромъ, намѣстникъ доложилъ владыкѣ, что преступникъ былъ въ лаврѣ у схимника, и отъѣхавъ

отъ него съ полицмейстеромъ, преступникъ велѣлъ, проѣхавъ домъ Ахордовъ, остановиться и у конюшни въ навозѣ порыть. Найденъ былъ боченочекъ такой, въ какихъ сельди продаются, закупоренный. Въ боченочкѣ оказалось 345 полуимперіаловъ и 1600 руб. ассигн.

14 мая. Опущеніе въ склепъ (въ придѣлѣ архидіакона Стефана) привезеннаго въ лавру *тѣла* генералъ-фельдмаршала Ив. Вас. *Гудовича*. Митрополитъ совершалъ надъ гробомъ панихиду со всѣмъ кіевскимъ духовенствомъ, бѣлымъ и чернымъ, за что сынъ Гудовича доставилъ владыкѣ 2,000 р.

15 мая. Бракосочетаніе генералъ-маіора Мих. Осод. Орлова (впослѣдствіи декабриста) съ дочерью генерала Н. М. Раевскаго, Екатериною въ церкви Спаса на Берестовѣ. Пѣли митрополичьи пѣвчіе, и дано имъ отъ жениха сто руб. ассигн.

7—10 августа. Былъ въ Кіевѣ *Досиѳей, еп. бывый орловскій.*

16 августа. Пожаръ въ фроловскомъ монастырѣ небольшой.

25 августа. Пожаръ іорданской церкви на Подолѣ.

Отголоски греческаго возстанія.

3 сентября. Былъ у митрополита архимандритъ (Паисій, грекъ), который тѣло убіеннаго Григорія, патріарха константинопольскаго, привезъ въ Одессу. Около того же времени сказывалъ митрополиту генералъ Раевскій, что въ Одессѣ такая бѣдность у грековъ изгнанниковъ, что продаютъ собственныхъ дѣтей. А г-жа Турчанинова разсказывала владыкѣ, что Ипсиланти, сынъ господаря, умершаго въ Кіевѣ, собираетъ въ Молдавіи добровольцевъ.

7—10 октября былъ въ Кіевѣ Ксенофонтъ, епископъ бывый владимірскій, пожалованный архіепископомъ каменецъ-подольскимъ, проѣздомъ на свою епархію.

27 октября. Скончался архим. Гавріилъ на 87 году, жившій въ лаврѣ на обѣщаніи почти 20 лѣтъ.

За 1822 годъ дневника не сохранилось.

1823 годъ.

Кончина епископа Иринея.

29 апрѣля. Въ 10 часу утра Иринеи епископъ, викарій кіевскій, не болѣвъ, скончался скоропостижно.

9—12 іюля. Былъ въ Кіевѣ М. М. Сперанскій. 11—16. Былъ въ Кіевѣ проѣздомъ въ Петербургъ Димитрій Сулима, архіепископъ кишиневскій. 21—24. Былъ въ Кіевѣ и у м. Серапіона графъ А. А. Аракчеевъ.

1824 годъ.

Кончина протоіерея Снигиревича.

11 генваря. Утромъ скончался протоіерей софійскаго собора Димитрій Снигиревичъ. »Вѣчная ему память!« записалъ м. Серапіонъ, »а о дѣлахъ его Богу судить, и въ причиненныхъ имъ мнѣ оскорбленіяхъ Богъ его да проститъ!«

17 февраля. Пожаръ на Печерскѣ, гдѣ всѣ близъ владимірской церкви деревянныя лавки въ два часа сгорѣли.

Археологическая находка.

24 іюля. Учитель гимназіи г. Берлинскій приносилъ м. Серапіону вещи, найденныя мѣщаниномъ кіевскимъ подъ горою противъ церкви трехъ-святительской, какъ то: панагія золотая, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, и двѣ серебряныя большія серьги, съ изображеніемъ на нихъ животныхъ во вкусѣ того времени, и двѣ штучки золотыхъ съ жемчугомъ (надобно думать, были онѣ у евангелія на корнѣ).

Вотъ все, что́ мы могли выбрать сколько-нибудь цѣннаго для характеристики кіевской общественной жизни изъ дневника митр. Серапіона! Не велика наша находка! И на это двѣ причины: тихо бился пульсъ кіевской общественной жизни, и близорукъ былъ старческій взглядъ м. Серапіона, только скользившій по поверхности явленій. Но что-нибудь все-таки лучше, чѣмъ ничего.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ НА СѢВЕРНОМЪ КАВКАЗѢ [1]).

Въ концѣ 1775 года назначенъ былъ намѣстникомъ и генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ, азовскимъ и астраханскимъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ. Такъ какъ въ составъ астраханской губерніи входилъ еще сѣверный Кавказъ,—насколько онъ принадлежалъ намъ,—то къ обязанности Потемкина относилось также веденіе дѣлъ кавказскихъ. Положеніе этихъ дѣлъ было такого рода, что побудило Потемкина, между прочими мѣрами, приступить къ колонизаціи громаднаго раіона незаселенныхъ земель, тянувшихся отъ Моздока до Азова, на протяженіи пятисотъ верстъ [2]). Впрочемъ, еще до Потемкина правительство сознавало необходимость распространенія какъ можно болѣе »россійскихъ селеній« у Кавказа, вверхъ по Тереку. Въ сенатскомъ указѣ 20 сентября, 1762 г. было высказано мнѣніе, что съ помощью лишь такихъ селеній возможно будетъ скорое и дѣйствительно прочное покореніе »варваровъ« (кавказскихъ горцевъ). Поэтому Потемкину предстояло только осуществить указанную сенатомъ мѣру, и надо отдать ему справедливость: онъ первый положилъ основаніе широкой колонизаціи дотолѣ пустыннаго края. Такъ, послѣ устройства по моздокско-азовской линіи ряда военныхъ укрѣпленій, объявлено было о раз-

[1]) Существенный матеріалъ для этой статьи взятъ изъ »Сентенціи отъ 5 мая 1855 года военно-судной коммисіи, учрежденной при ставропольскомъ уѣздномъ судѣ надъ зачинщиками, руководителями и главными виновниками возмущенія маслокутскихъ крестьянъ въ 1853 году (современная копія).

[2]) Полное Собр. Зак., т. XX, №№ 14,464 и 14,607.

дачѣ подъ поселеніе на этой линіи земель однодворцамъ и всѣмъ другимъ, безъ различія рода и званія [1]), т. е. открытъ былъ свободный притокъ гражданскому населенію. Затѣмъ, со дня образованія кавказской области, указомъ 9 мая 1785 г. на имя генералъ-поручика Павла Сергѣевича Потемкина (двоюроднаго брата князя Потемкина), предоставлялось кавказскому генералъ-губернатору право раздавать земли, остающіяся отъ надѣла переселенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ *населить ихъ и завести хозяйства* [2]). Этотъ указъ открылъ путь частному землевладѣнію и вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостной колонизаціи. Но насколько легко было помѣщикамъ получить землю, настолько трудно и убыточно показалось имъ заселять ее собственными крѣпостными людьми. Переводить ихъ изъ Россіи—значило обезсиливать уже устроенныя хозяйства; помимо того, заводить хозяйства на одинъ свой страхъ здѣсь, на новомъ мѣстѣ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ, представлялось дѣломъ рискованнымъ: сплошь и рядомъ бывали примѣры, что однимъ набѣгомъ горцевъ въ какой нибудь часъ истреблялось то, что стоило долгаго труда и не малыхъ денежныхъ затратъ [3]). Въ виду этого, собственно крѣпостная колонизація достигла на сѣверномъ Кавказѣ самыхъ незначительныхъ результатовъ [4]), и земли многихъ частныхъ владѣльцевъ могли-бы остаться вовсе ненаселенными; если-бы на подмогу не явились колонисты—бѣглые.

Извѣстно, что въ послѣдней четверти XVIII в. положеніе нашего крестьянства значительно ухудшилось. Если указами 70-хъ годовъ помѣщикамъ дано было право ссылать крѣпостныхъ за дерзости въ каторжную работу и въ Сибирь на поселеніе, а у крестьянъ отнято право заносить на господъ челобитье за всякія беззаконія и притѣсненія [5]), то жалованная грамота дворянству 21 апрѣля 1785 г. предоставила помѣщикамъ такія права, больше которыхъ

---

[1]) Ibid., т. XXI, № 15,619; т. XXII, № 16,401.

[2]) Ibid., т. XXII, № 16,194.

[3]) Примѣры см. у Буткова: »Матеріалы для новой истор. Кавказа«, издан. 1869 года, или у Дубровина: »Братья Потемкины на Кавказѣ«—Русскій Вѣстникъ«, 1878 г., кн. 12, стр. 545.

[4]) »Хозяйствен. описаніе астрах. и кавказской губерніи«, изданіе 1809,—»Статистическіе труды П. Штукенберга«, т. 1, изданіе 1857 года.

[5]) П. С. З., т. XVII и XVIII, № 12,511, 12,556, 12,557 и 12,966.

уже и давать было нечего: крестьянинъ сдѣлался полною частною собственностью помѣщика, собственностью, на которую онъ имѣлъ такое-же вещное право, какъ на прочее недвижимое имѣніе[1]). Хорошо, если помѣщикъ былъ »добрымъ экономомъ« и по совѣту неизвѣстнаго автора записки, поданной въ 1791 г. въ »Вольное Экон. Общество« заботился о крестьянахъ, какъ о домашней скотинѣ, имѣя въ виду размноженіе рабочаго племени,—тогда по крайней мѣрѣ возможно было жить; но такіе »экономы« случались въ рѣдкость; на оборотъ: »многіе помѣщики, по свидѣтельству современника, были до того жестоки, что охотнѣе заботились о своихъ гончихъ собакахъ, чѣмъ о крестьянахъ, кровавому поту которыхъ они большею частью обязаны были тѣмъ благосостояніемъ и богатствомъ, которое расточали такимъ непростительнымъ образомъ«[2]). Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, юридическое право протеста противъ рабовладѣльческаго гнета у крестьянъ было отнято, послѣдствія-же протеста открытаго, фактическаго еще свѣжи были въ памяти; оставался, слѣдовательно, одинъ способъ облегчить свою судьбу,—бѣгство.—На Кавказѣ не употреблялось пока стѣснительныхъ мѣръ противъ бѣглыхъ, поэтому цѣлыя массы ихъ дѣйствительно направлялись сюда[3]). Здѣсь они или смѣшивались съ легальными переселенцами, или селились отдѣльно отъ нихъ, не на тѣхъ даже мѣстахъ, заселеніе которыхъ входило въ планы правительства, или-же привлекались на земли частныхъ владѣльцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ переселенцамъ представлялось не мало выгодъ, хотя въ то-же время они поступали въ обязательныя отношенія къ помѣщику, со временемъ переходившія въ крѣпостную зависимость. Землевладѣльцы оказывали поселявшимся на ихъ земляхъ колонистамъ матеріальныя пособія, что для людей, ничего неимущихъ, какими, безъ сомнѣнія, были бѣглые насельники, имѣло громадное значеніе; владѣльцы-же болѣе вліятельные обезпечивали свои имѣнія отъ безпрестанныхъ набѣговъ горцевъ при помощи размѣщенія или вблизи имѣній, или даже въ самыхъ имѣніяхъ той или другой воинской части. Такимъ образомъ и для помѣщиковъ и для

[1]) П. С. З., т. XXII, № 16,187; т. XXIII, № 17,076.
[2]) »Вѣстн. Евр.«, 1866 года, т. I, стр. 371.
[3]) П. С. З., т. XXII, №№ 16,471 и 16,715.

бѣглыхъ выходила обоюдная выгода. Помѣщики выигрывали въ томъ отношеніи, что избавлялись отъ необходимости переселять крѣпостныхъ своихъ изъ Россіи и, хотя расходовались, но надѣялись расходы свои возмѣстить, что и бывало конечно. Бѣглые-же сразу могли осѣсться и заняться хозяйствомъ, а это былъ единственный исходъ, чтобы не голодать, такъ какъ въ краѣ, гдѣ экономическая и гражданская жизнь только зарождалась, другихъ источниковъ прокормленія не было. Но изъ этихъ обоюдныхъ выгодъ могло выйти въ концѣ концовъ нѣчто несообразное. Дѣло въ томъ, что обязательныя экономическія отношенія, въ которыя становились къ помѣщикамъ бѣглые, съ теченіемъ времени и, быть можетъ, незамѣтно для самихъ крестьянъ переходили въ крѣпостную зависимость—это съ одной стороны; съ другой, мѣстное начальство не считало своею обязанностію входить въ разборъ правъ колонистовъ частныхъ земель, и они оставались никуда не приписанными и не зачисленными. Поэтому выходило, что такіе колонисты будто подлежали вѣдѣнію одного землевладѣльца. Понятно, что подобный порядокъ въ свою очередь велъ къ закрѣпощенію. По прошествіи десятка-другого лѣтъ, когда многіе изъ первыхъ насельниковъ умерли-бы, а оставшіеся въ живыхъ, за давностью, свыклись-бы съ своимъ положеніемъ, новое поколѣніе очутилось-бы въ полномъ владѣніи помѣщика. Результатъ этотъ ничего невѣроятнаго не представляетъ: въ данномъ случаѣ Кавказъ только повторилъ-бы то, съ чѣмъ знакомитъ насъ исторія »крестьянъ на Руси«.

Вотъ такъ именно поставлено было дѣло въ имѣніи князя П. С. Потемкина. Урочище Масловъ-Кутъ, на р. Кумѣ (нынѣ ставропольской губ.), отведено Потемкину въ 1785 году. Въ имѣніи этомъ считалось до 30,000 десят. богатой, хлѣбородной земли[1]). При отводѣ никакого поселенія здѣсь не было; но управляющій, капитанъ Ковалевскій, энергично принявшись за дѣло, съумѣлъ скоро привлечь цѣлыя сотни поселенцевъ, обѣщая имъ всевозможныя льготы и пособія. По свѣдѣніямъ кавказскаго губернатора Жукова, уже въ 1786 г. въ Масловомъ-Кутѣ считалось 426 душъ одного муже-

[1]) »Ставропольскія Губернскія Вѣдомости«, 1876 года, № 34-й, стр. 5; № 41-й.

скаго пола[1]). Въ »Сентенціи« же военно-судной коммисіи прямо сказано, что Ковалевскій заселялъ имѣніе »людьми, показывающими себя выходцами изъ заграницы, а въ сущности бѣглыми крестьянами разныхъ губерній и частью польскими выходцами«). Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, приводимыхъ въ той-же »сентенціи«, оказывается, что главный контингентъ колонистовъ составляли выходцы изъ малороссійскихъ губерній[2]), и всѣ они были бѣглые; между тѣмъ сенатскимъ указомъ 27 января 1789 года разрѣшалось бѣглыхъ разнаго званія людей, въ кавказскую губернію заведшихъ, зачислить въ казенное вѣдомство, не различая, кто они и откуда бѣжали; »впредь-же подъ жестокимъ наказаніемъ« запрещалось, »чтобы нигдѣ на порожнихъ земляхъ ничьи... и никакіе бѣглые не селились, и того строго наблюдать[3])... По полученіи этого указа, начальству пришлось сдѣлать разборку населенію, такъ какъ сразу объявилось много бѣглыхъ, требовавшихъ зачисленія ихъ въ государственные крестьяне. Дѣло дошло и до частныхъ имѣній, и крестьяне Маслова-Кута, всѣ безъ исключенія, поступили въ вѣдѣніе казенной палаты и занесены были въ окладныя книги.

Такимъ образомъ, указъ 1789 г. спасъ маслокутцевъ отъ крѣпостной зависимости, но не надолго. Въ 1793 г., послѣ смерти князя Потемкина, имѣніе по наслѣдству перешло во владѣніе генералъ-маіора Высоцкаго, который черезъ годъ продалъ его камердинеру Екатерины II, камеръ-фурьеру Зотову, по купчей крѣпости, совершенной 20 марта 1794 года, въ с.-петербургскомъ верхнемъ надворномъ судѣ, во 2-мъ департаментѣ. Въ этомъ же году Зотовъ подалъ государынѣ прошеніе, гдѣ жаловался, что купленную имъ землю *съ населенными на ней людьми* отъ него будто бы отбираютъ. Хотя произведеннымъ дознаніемъ констатировано было, что Зотову продана одна только земля безъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе Екатерина подарила своему камердинеру маслокутцевъ въ полное владѣніе и бѣглые колонисты были закрѣпощены за помѣ-

[1]) Вѣдомость Жукова составлена была 20 апрѣля 1786 г. Ibid. № 34-й.

[2]) Бѣгство малороссіянъ на Кавказъ и въ смѣжную ему астраханску губ. (»Списки населен. мѣстъ Россійской Имперіи«, т. II, стр. IX дал.) составляетъ вообще очень замѣтный фактъ въ исторіи Малороссіи XVIII в.

[3]) П. С. З., т. XXIII, № 15743.

щикомъ окончательно, навсегда. Не смотря на то, крестьяне не считали объявленный имъ объ этомъ указъ дѣйствительнымъ и полагали, что закрѣпощеніе ихъ сдѣлано помимо высочайшей воли, такъ какъ шло въ разрѣзъ съ указомъ, на основаніи котораго они зачислены въ крестьяне государственные. Какъ ни пытались они примирить въ своемъ умѣ такое противорѣчіе, но не могли свыкнуться съ мыслію о »крѣпости«. Отъ словъ и разговоровъ вопросъ свелся къ дѣлу: крестьяне отказались повиноваться помѣщику и въ концѣ 1798 г. отправили прошеніе на имя государя, въ которомъ доказывали незаконность отдачи ихъ помѣщику, и въ тоже время жаловались на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ, Колпакова. Однако, просьба эта не принесла пользы маслокутцамъ, наоборотъ мѣстныя власти открыли въ Масловомъ-Кутѣ бунтъ и призвали на помощь войска. Военною силою заставили крестьянъ покориться помѣщику, а подстрекателей и главныхъ виновниковъ (въ числѣ 38 человѣкъ), кромѣ того, подвергли наказанію: семь человѣкъ были прогнаны »сквозь строй«, а объ остальныхъ георгіевскій уѣздный судъ постановилъ: первыхъ зачинщиковъ и неодобренныхъ на »повальномъ обыскѣ«, наказавъ на мѣстѣ преступленія кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, а также поставивъ указные знаки, сослать на вѣчныя времена въ Нерчинскъ, для употребленія на крѣпостныя работы; одобренныхъ-же наказать нещадно плетьми и отдать крестьянамъ Маслова же Кута на поруки. Приговоръ этотъ приведенъ въ исполненіе 22 сентября 1799 года. »Съ этого времени до 1825 года въ семъ имѣніи никакого замѣчательнаго событія не получилось«. А событіе 1825 года заключалось вотъ въ чемъ. Крестьяне развѣдали, что Зотовъ (сынъ) намѣренъ продать имѣніе Ивану и Степану Калантаровымъ, армянскимъ дворянамъ, почему немедленно-же отправили государю съ особыми ходоками прошеніе о взятіи ихъ въ казну, а Зотову обѣщали выплатить въ теченіи 8 лѣтъ 40,000 р. ассигн. выкупа.

Между тѣмъ, пока крестьяне хлопотали въ Петербургѣ, Зотовъ успѣлъ продать имѣніе. Но при вводѣ во владѣніе Калантаровыхъ 8 августа 1825 г. крестьяне заявили, что продажа эта совершена неправильно, такъ какъ владѣлецъ не дождался рѣшенія по ихъ прошенію; вмѣстѣ съ тѣмъ они не дали подписки въ выслушаніи указа о переходѣ къ новымъ помѣщикамъ, отказались вы-

полнять повинности и наконецъ произвели явное возмущеніе. Тогда же крестьяне вновь отправили государю жалобу на неправильность продажи ихъ, людей не крѣпостныхъ, а государственныхъ, жаловались также на жестокое обращеніе съ ними управляющаго имѣніемъ и т. п. 3-го января 1826 г. крестьяне были усмирены съ помощью войска, зачинщика-же и главнаго виновника возмущенія Илью Остапенка сослали въ Сибирь, предварительно наказавъ его »нещадно«.

Какъ первая, такъ и вторая просьбы крестьянъ разсматривались въ комитетѣ министровъ. Вопросъ объ ихъ поселеніи и случайномъ закрѣпощеніи оставленъ безъ всякаго вниманія; собирались свѣдѣнія о томъ лишь, имѣютъ-ли право Калантаровы владѣть крѣпостными. Оказалось, что Калантаровы признаны герольдіею и сенатомъ дворянами, слѣдовательно были вполнѣ, такъ сказать, правоспособными къ рабовладѣльчеству, а потому комитетъ положилъ: прошенія крестьянъ с. Маслова-Кута оставить безъ разсмотрѣнія.

Но мысль объ освобожденіи тѣми или иными средствами изъ крѣпостной зависимости и послѣ того не оставляла маслокутцевъ. Заручившись удостовѣреніями общества ближайшихъ государственныхъ селеній о своей принадлежности къ этимъ селеніямъ, маслокутцы продолжали свой искъ противъ незаконной ихъ продажи и порабощенія. Въ свою очередь Калантаровы настаивали у властей разслѣдовать выдачу такихъ удостовѣреній, подтвердить маслокутцамъ о состоявшемся рѣшеніи комитета министровъ и внушить имъ, чтобы »изъ повиновенія помѣщикамъ ни подъ какимъ предлогомъ не выходили«. Дворянскій засѣдатель, которому поручено было это дѣло, донесъ, что крестьяне въ выслушаніи распоряженія »о бытности ихъ въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ подписи дать не согласились«.

Съ этого времени возникало еще нѣсколько дѣлъ по жалобамъ крестьянъ Маслова-Кута на ихъ помѣщиковъ-армянъ и обратно. Однѣ изъ такихъ жалобъ рѣшены на мѣстѣ; другія-же были на разсмотрѣніи сената, при чемъ крестьяне почти всегда жестоко платились: такъ по нѣкоторымъ жалобамъ главные подстрекатели были наказаны и сосланы въ Сибирь, по другимъ только наказаны и оставлены на мѣстѣ; были и такіе виновные, которымъ вина прощена по высочайшей волѣ.

Но всѣ жалобы имѣли за собою основаніе и вызывались прежде всего варварскимъ управленіемъ помѣщиковъ. Въ концѣ концовъ на это обстоятельство обратили вниманіе и мѣстныя власти. Въ 1830 г. графъ Паскевичъ-Эриванскій приказалъ прекратить преслѣдованія крестьянъ за подачу жалобъ, а имѣніе велѣлъ взять въ опеку. Мѣра эта употреблялась въ крайнихъ случаяхъ, и будь Калантаровы дѣйствительно »добрыми экономами«, она не была-бы примѣнена къ нимъ. Надо однако сказать, что намѣреніе Паскевича облегчить участь крестьянъ не достигло своей цѣли, ибо фактическими управителями Маслова-Кута остались тѣже владѣльцы-армяне. Пошли вновь просьбы и жалобы, и все съ тѣми же, безплодными и печальными послѣдствіями. Маслокутцы, потерявъ всякую надежду на свободу, обратились наконецъ къ послѣднему средству—къ побѣгамъ; но и здѣсь не было имъ удачи: бѣглецовъ перехватывали и водворяли на мѣстѣ; въ имѣніи поставлена была даже воинская команда, наблюдавшая за бѣглецами. Съ своей стороны и помѣщики не остались въ долгу и еще больше тѣснили крѣпостныхъ, еще шире пользовались своею властью въ отношеніи не повинующихся.

Въ 1837 г., во время проѣзда имп. Николая I чрезъ кавказскую область въ Тифлисъ, маслокутцы подали государю жалобу на помѣщиковъ. Какъ и прежде, она разсмотрѣна была въ комитетѣ министровъ. Справки въ дѣлахъ и доставленныя мѣстнымъ начальствомъ свѣдѣнія показали, что какъ жалоба крестьянъ, такъ и обвиненіе ихъ въ неповиновеніи помѣщикамъ были уже на разсмотрѣніи комитета и по нимъ объявлено уже его рѣшеніе, а потому комитетъ положилъ на сей разъ »считать ихъ оконченными«. Не добившись этимъ путемъ удовлетворенія, маслокутцы, спустя пять лѣтъ, именно въ 1842 г., обратились съ жалобою къ начальству области на жестокое обращеніе съ ними помѣщиковъ и доказывали свои права на свободу. Не помогло и это; объ ихъ домогательствахъ у мѣстныхъ властей установилось опредѣленное мнѣніе, и генералъ Граббе приказалъ лишь подтвердить жалобщикамъ, чтобы они »не вовлекались въ такое домогательство, котораго неосновательность и вредныя послѣдствія имъ вполнѣ извѣстны«. Жалобщики измѣнили лишь путь для заявленія своихъ домогательствъ; но отъ самой мысли о нихъ и не думали отказываться: въ 1844 г.

они отправляютъ въ Петербургъ съ прошеніемъ двухъ ходаковъ: Васильченка и Шульева; прошеніе оставлено безъ разсмотрѣнія, а ходаки поплатились..... Казалось, всякая надежда оставитъ маслокутцевъ, упорству и терпѣнію ихъ настанетъ конецъ; но они ловили каждый случай для подачи жалобъ и въ 1845 г., въ проѣздъ намѣстника кавказскаго, князя Воронцова, прибѣгли къ нему съ своею всегдашнею жалобою на помѣщиковъ и просьбою о зачисленіи ихъ въ государственные крестьяне. Воронцовъ лично разъяснилъ имъ, что сдѣлать послѣдняго нельзя. Годъ спустя, до него стороной дошли свѣдѣнія о крайне жестокомъ обращеніи Калантаровыхъ съ крестьянами. Пошли запросы, справки; помѣщики спохватились и постарались замять дѣло: они заявили, что, напротивъ, крестьяне ими теперь довольны, »особенныхъ признаковъ отыскиванія свободы въ настоящее время не обнаруживаютъ и остаются въ должномъ повиновеніи«. А между тѣмъ, при помощи мѣстнаго земскаго засѣдателя, лично продолжали расправляться съ подстрекателями и ослушниками, то и дѣло устраивая въ имѣніи экзекуціи розгами и палками. Такимъ образомъ дѣло шло до 1853 года. Въ это время первыхъ владѣльцевъ уже не было въ живыхъ, имѣніе-же перешло къ дѣтямъ Степана Калантарова: Акиму, Гаврилу и Герасиму и находилось въ управленіи Герасима Калантарова, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра.

Такимъ образомъ мысль о свободѣ не покидала случайно закабаленныхъ жителей Маслова-Кута въ теченіи цѣлаго полстолѣтія. За это время успѣли уже народиться новыя поколѣнія; но онѣ, очевидно, воспитались на этой мысли и продолжали дѣло дѣдовъ и отцевъ. Въ свою очередь преемственность обратнаго характера видна и въ семьѣ помѣщиковъ: то, что дѣлали отецъ и дядя, продолжали дѣлать дѣти и племянники, нисколько не измѣняя фамильнаго гнета, безпредѣльно царившаго надъ крѣпостными. Мало того, Герасимъ Калантаровъ довелъ этотъ гнетъ до послѣдней степени, ибо при немъ только крестьянское »искательство свободы« завершилось наконецъ поголовнымъ возстаніемъ маслокутцевъ. Случилось это въ началѣ 1853 года.

Утромъ 2 января, на берегу р. Кумы, близъ кузницъ собралась толпа крестьянъ изъ малороссійскаго кута и подъ руководствомъ Василія Кикоти вела о чемъ-то оживленный разговоръ. По

распоряженію старосты, крестьянина Заиченко, на рѣкѣ производилась въ это время ломка льда и перевозка его въ помѣщичьи ледники. Но дѣло какъ-то не спорилось. По многимъ мужицкимъ спинамъ прошлась палка старосты, который выбивался изъ силъ, подгоняя рабочихъ; крестьяне въ концѣ концовъ, одинъ за однимъ, побросали работу, воловъ и проч. и ушли въ толпу; понемногу прибывали сюда-же крестьяне изъ села. Часа черезъ два сходбище возросло человѣкъ до ста. Затѣмъ толпа двинулась къ селу. Проходя по улицамъ, она призывала присоединиться къ ней всѣхъ, кто желаетъ »искать свободу«. Изъ конторы выслали отрядъ съ цѣлью разогнать сходбище; но посланные были избиты. Тогда къ возмутившимся вышелъ староста и просилъ ихъ объяснить, чего они хотятъ; но тѣ отказались вести разговоръ съ конторскимъ начальствомъ и продолжали свой путь по селу, захватывая все большую и большую массу людей. На дорогѣ толпа встрѣтила мѣстнаго священника о. Никанора Руденка. »Благословить, отче, на общественное дѣло«, почтительно просила она его. О. Руденко, не зная, въ чемъ дѣло, сталъ благословлять; но замѣтивъ въ толпѣ палки, на лицахъ изступленіе, въ словахъ ожесточеніе, поспѣшилъ въ свой домъ и тутъ уже, чувствуя себя въ безопасности, произнесъ: »на не доброе дѣло нѣтъ моего благословенія«.

У священническаго двора толпа стояла въ недоумѣніи. Противъ нея вторично выслали отрядъ въ 50 человѣкъ изъ той части села, которая населена была великороссіянами. Произошла свалка; хохлы смяли кацаповъ; послѣдніе частью бѣжали, частью присоединились къ бунтовщикамъ. Къ вечеру сходбище перевалило въ малороссійскій кутъ и тамъ размѣстилось на ночлегъ въ трехъ дворахъ. На слѣдующій день утромъ возмутившіеся выступили на площадь, къ церковной оградѣ и здѣсь приступили, такъ сказать, къ организаціи возстанія. Преобладающимъ элементомъ въ средѣ ихъ были исключительно почти малороссіяне, по этому главными заправилами были избраны малороссы-же: атаманомъ упомянутый уже Кикотя, его помощникомъ Рудаменко, а для представительства велико-русской половины избранъ крестьянинъ Кокинъ. Избрали кромѣ того особый совѣтъ изъ 20 стариковъ; для письменной части учредили канцелярію. Четыре писаря, подъ руководствомъ главнаго изъ нихъ—Григорія Бабенкова, »отбирали отъ крестьянъ руки«

въ томъ, что никто не измѣнитъ общему дѣлу и скорѣе всѣ, какъ одинъ, погибнутъ, но помѣщику, проклятому армянину, который такъ угнетаетъ ихъ, повиноваться не станутъ«. Давшій клятву не долженъ былъ нарушать ее подъ опасеніемъ жестокаго наказанія и даже смерти.

Между тѣмъ о волненіи крестьянъ контора дала знать полиціи и помѣщику, котораго въ имѣніи въ то время не было. 4-го января прибыли въ Масловъ-Кутъ исправникъ, засѣдатель и уѣздный стряпчій, составивъ такимъ образомъ на мѣстѣ временное отдѣленіе земскаго суда. На распросы отдѣленія, крестьяне объяснили, что они не могутъ выносить чрезвычайно обременительныхъ работъ и безчисленныхъ сборовъ въ пользу помѣщика, что помѣщикъ и управляющіе его подвергаютъ ихъ тяжкимъ побоямъ и взысканіямъ, не рѣдко безъ вины, по одному капризу, и что желая освободиться изъ крѣпостной зависимости, они просятъ передать о томъ высшему начальству, сами же не уйдутъ съ площади до тѣхъ поръ, пока не получатъ воли. Не долго думая, отдѣленіе рѣшило снестись съ ближайшими воинскими начальниками о высылкѣ командъ для усмиренія неповинующихся крестьянъ. Изготовивъ нужныя для этого бумаги, отдѣленіе приказало нарядить подводу для отправки ихъ съ нарочнымъ; но атаманъ Кикотя потребовалъ отъ исправника объясненія, куда именно и кого нужно везти, при чемъ заявилъ, что если отдѣленію нужно отправить куда либо бумаги, то этимъ будетъ завѣдывать онъ, Кикотя. При такихъ условіяхъ отдѣленіе не нашло возможнымъ оставаться въ Масловомъ-Кутѣ и на слѣдующій день выѣхало въ ближайшее село. Въ это время, т. е. 5-го января, всѣ маслокутцы (до 4-хъ тысячъ об. пола) примкнули уже къ первоначальной группѣ возставшихъ. Въ ожиданіи воинскихъ командъ, они дѣятельно укрѣпляли занятую ими на площади позицію. Въ работѣ помогали жены, дѣти, старики и старухи. Огородились возами и бочками съ водою, точь въ точь, какъ въ былое время таборъ козацкій на войнѣ; изъ замкнутаго круга никто уже не выходилъ. Когда все было готово для сопротивленія на случай боя, крестьяне попросили священника освятить ихъ дѣло—отслужить молебенъ; но о. Руденко, конечно, не уважилъ ихъ просьбы, за исполненіе которой ему самому пришлось-бы поплатиться.

7-го января отдѣленіе земскаго суда вновь появилось въ Масловомъ-Кутѣ, но теперь подъ прикрытіемъ вооруженной команды до 700 человѣкъ. Однако прежде, чѣмъ приступить къ серьезнымъ дѣйствіямъ, оно послало на площадь двухъ священниковъ, для вразумленія бунтующихъ.

Въ полномъ облаченіи, со крестами и евангеліями въ рукахъ, приблизились священники къ табору крестьянскому. Первымъ говорилъ къ взбунтовавшимся благочинный Замятинъ. *»Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется«*, началъ онъ, и этимъ опредѣлялись характеръ и содержаніе его рѣчи. Нѣсколько времени на площади царила тишина; крестьяне со вниманіемъ слушали батюшку; но вдругъ кто-то изъ толпы крикнулъ: »вы, отцы, не христіанъ увѣщевать, а проклятаго выпли защищать«! Громада заколыхалась, зашумѣла, стала напирать на передніе ряды. Тогда атаманъ попросилъ священниковъ уйти. Тѣмъ и кончилось дѣло. На слѣдующій день увѣщанія, однако, возобновились. Теперь рѣчь началъ отецъ Руденко; но крестьяне не дали ему говорить, а вынеся »слѣдованную псалтырь«, попросили его прочитать вслухъ начальную статью о перетосложеніи. Когда батюшка дошелъ до словъ: »проклятіи-же аріане«,—крестьяне просили его объяснить имъ, какимъ образомъ армянинъ можетъ владѣть православными, если въ священной книгѣ онъ названъ проклятымъ. Объясненіемъ о. Руденка крестьяне остались недовольны.

Утромъ 9-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ пятигорскій уѣздный воинскій начальникъ, генералъ-маіоръ Принцъ и съ нимъ команды: рота кавказскаго линейнаго № 5-й баталіона въ 230 человѣкъ при двухъ офицерахъ, подвижнаго запаснаго парка 19-й артиллерійской бригады 122 человѣка при двухъ офицерахъ, казаковъ 250 челов., четыре артиллерійскія орудія и проч., всего свыше 800 человѣкъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Генералъ-маіоръ Принцъ приказалъ войскамъ оцѣпить лагерь бунтовщиковъ и не пускать къ нимъ дѣтей и женщинъ, носившихъ горячую пищу; но задержанныя казаками бабы подняли крикъ, и бунтовщики бросились на казаковъ. Въ одинъ мигъ могла возгорѣться кровопролитная, но преждевременная стычка. Принцъ поспѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе и попробовалъ подѣйствовать на крестьянъ другими средствами: онъ выслалъ къ ихъ становищу

привезеннаго имъ изъ г. Георгіевска священника о. Попова, поручивъ ему произнести предъ непокорными слово вразумленія. Крестьяне приняли о. Попова ласково, объявивъ, что охотно выслушаютъ все, что имѣетъ онъ сказать.

— »Маслокутцы!« возвысивъ голосъ, заговорилъ о. Поповъ. »Все время, какъ я знаю васъ, я убѣжденъ былъ, что вы православные христіане, усердно чтите Бога, почитаете святый законъ Его, слушаетесь пастырей церкви, любите царя и повинуетесь властямъ. Въ настоящее время я не могу думать, чтобы въ добрыхъ сердцахъ вашихъ произошла какая-либо перемѣна. Не можетъ быть, чтобы такое многолюдное собраніе имѣло въ предметѣ то, что противно Богу, царю и его законамъ. Вы, думаю я, собрались для того, чтобы прилично принять начальниковъ вашихъ и высказать имъ свое горе. Господинъ-ли васъ утѣсняетъ, нужду-ли какую имѣете, все вы можете высказать начальникамъ, и я ручаюсь вамъ пастырскою моею совѣстью, что все будетъ выслушано ими, разобрано и сдѣлано по истинѣ. Правда, передъ вами стоятъ вооруженные воины, но это не должно приводить васъ въ сомнѣніе, будто-бы начальники ваши предпринимаютъ противъ васъ что-либо непріятное; воины присланы сюда потому, что начальству было донесено, будто вы, отъ стараго до малаго, не исключая и женъ вашихъ, вооружены кольями и дубинами и не хотите, какъ дѣти отцамъ, высказать нужды свои начальникамъ, а скрываете въ мысляхъ дурное предпріятіе. Не видя васъ вооруженными, я думаю противное«.

— »Благодаримъ васъ, батюшка, что вы не потеряли о насъ добраго мнѣнія,—отвѣчали крестьяне. Дѣйствительно, всѣ мы для того собрались сюда, чтобы здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ, начальство выслушало насъ и рѣшило дѣло между нами и помѣщикомъ. Мы вѣдь давно страдаемъ подъ гнетомъ его; терпѣнье наше истощилось. Да и кто нами владычествуетъ: армянинъ, проклятый еретикъ«!

— »Но, возражалъ о. Поповъ, жаловаться вы иначе могли-бы: написали-бы просьбу«.

— »Просьбу!... закричали крестьяне: да кто-же рѣшиться подать ее? Тюрьмы Ставрополя и Пятигорска намъ давно знакомы. Просьбы мы подавали,—счету имъ не знаемъ, да податели никогда не возвращались съ пріятными отвѣтами; самихъ-же либо въ тюрьму сажали, либо въ Сибирь ссылали. У помѣщика золота много—за-

кроетъ имъ, кому надо, глаза, да такъ, что и жалобы то нашей не станетъ видно«.

Пока велись мирныя бесѣды въ этомъ родѣ, надъ головами маслокутцевъ собиралась страшная гроза.

12-го января въ Масловъ-Кутъ прибылъ ставропольскій гражданскій губернаторъ, генералъ-маіоръ Волоцкой. Крестьяне встрѣтили его съ хлѣбомъ-солью и на распросы Волоцкаго повторили тоже, что въ началѣ говорили отдѣленію земскаго суда. Губернаторъ пробовалъ было подѣйствовать на крестьянъ угрозами, но угрозы встрѣчались крикомъ: »хотимъ воли«! Видя неудачу, Волоцкой предложилъ самому Калантарову вступить въ переговоры съ возмутившимися его-же крестьянами, успокоить и уговорить ихъ разойтись. Калантаровъ завертѣлся на мѣстѣ: сначала онъ не рѣшался идти, опасаясь нападенія; потомъ выступилъ впередъ на нѣсколько шаговъ, но сказать что-нибудь все-таки побоялся и поспѣшилъ удалиться со словами: »пусть стоятъ, негодяи, я свое возьму«! И онъ дѣйствительно взялъ свое. Прошло еще нѣсколько времени въ переговорахъ, все также безплодныхъ и ни къ чему не приводившихъ; наконецъ, генералъ Волоцкой, потерявъ всякую надежду образумить неповинующихся мѣрами кротости и отъѣхавъ къ орудіямъ, приказалъ стрѣлять. Первыми двумя выстрѣлами повалило двухъ главныхъ бунтовщиковъ, ранило смертельно атамана. Толпа даже не шевельнулась. Махая вверхъ палками, атакуемые кричали: »ура, воля, ура«! Послѣдующіе два выстрѣла также не имѣли никакого вліянія. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генералъ подъѣзжалъ къ толпѣ и требовалъ разойтись. Отвѣтомъ были крики: »хотимъ воли«! Послѣ четырнадцатаго картечнаго выстрѣла, на баррикаду направили кавалерію. Толпа была смята, скомкана и обратилась въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ: убитыхъ м. п. 92 человѣка, ж. п. 35, раненыхъ м. п. 107, изъ колхъ впослѣдствіи умерло 27 человѣкъ, ж. п. 34, изъ нихъ умерло 6; всего убитыхъ и раненыхъ 268 человѣкъ. Въ тотъ-же день были схвачены оставшіеся въ живыхъ главные зачинщики возстанія.

Началось слѣдствіе. По обычаю того времени тянулось оно долго, въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ. Добытыя имъ данныя относятся главнымъ образомъ ко времени управленія имѣніемъ Герасима Калантарова и группируются около той неподлежащей

сомнѣнію истины, что помѣщикъ этотъ, далекій отъ мысли неизвѣстнаго автора 1791 года, нещадно сдиралъ съ крѣпостныхъ по нѣскольку шкуръ, угнеталъ ихъ и матеріально, и нравственно, распоряжался имуществомъ крестьянъ и даже самою жизнію ихъ, по своему господскому усмотрѣнію.

Вотъ что показали крестьяне:

1) Тѣ изъ нихъ, которые платили оброкъ помѣщику, самъ по себѣ непомѣрно великій, отъ господскихъ работъ все-таки освобождаемы не были.

2) Находившіеся на безсмѣнной господской работѣ хотя имѣли право на льготы въ домѣ, но льготами не пользовались, отчего такія семьи не успѣвали припасать себѣ хлѣба и должны были голодать. Иванъ Москаленко попытался было просить о льготѣ, но помѣщикъ приказалъ наказать его немилосердно.

3) Имѣвшіе избытокъ хлѣба не могли продавать его безъ вѣдома помѣщика; если-же онъ узналъ о такой продажѣ, то деньги отбиралъ въ экономію, а ослушника наказывалъ розгами нещадно. Кто-же желалъ продать хлѣбъ, тотъ обязанъ былъ ссыпать его въ магазины помѣщика и получалъ плату по назначенію послѣдняго. Молоть зерно не на помѣщичьихъ мельницахъ строго воспрещалось.

4) Помѣщикъ производилъ выдѣлку вина на собственныхъ виноградныхъ плантаціяхъ, для продажи. Если не все вино распродавалось, то остающіяся бочки сваливались крестьянамъ и ихъ заставляли платить цѣну, какую назначалъ помѣщикъ. Но если случалась надобность въ винѣ, по случаю хорошихъ рыночныхъ цѣнъ, то онъ приказывалъ отбирать его у крестьянъ, денегъ-же не платилъ.

5) За освобожденіе отъ рекрутчины платилось отъ 300 до 2000 руб.; но освободившіеся не пользовались льготами въ отбываніи тягловой повинности. Выкупъ брался не съ общества, а съ семьи и даже съ тѣхъ крестьянъ, которые желали идти въ солдаты. Выбиваясь изъ силъ, чтобы уплатить помѣщику выкупъ, такія семьи окончательно и на много лѣтъ разорялись.

6) Занимаясь поставкою въ интендантство провіанта и проч., помѣщикъ употреблялъ крестьянъ съ ихъ волами для перевозки по назначенію муки, сухарей и т. п. Но цѣлымъ годамъ приходилось

быть на господскомъ извозѣ и если на этой работѣ падала скотина, помѣщикъ не вознаграждалъ за нее хозяевъ. Григорій Шевченко показалъ, что ему возвратили одно только ярмо и колесо, а Сивокоза, что ему отдали съ павшихъ воловъ шкуры, когда-же онъ заявилъ просьбу объ уплатѣ денегъ за воловъ, приказано было наказать его розгами.

7) Помѣщичья земля не давалась крестьянамъ подъ посѣвы хлѣба, а для этого отводились участки на казенной землѣ, которую содержалъ помѣщикъ въ оброкѣ, въ 70 или 80 верстахъ отъ села. За всякую распаханную десятину съ крестьянъ взималось *два р. с.*, а въ описываемое время цѣна не могла быть выше *15-ти коп.*

8) За впускъ скота въ луговыя помѣщичьи мѣста виновныхъ подвергали несоразмѣрному штрафу: ихъ или заставляли возить помѣщичій хлѣбъ съ полей, или наряжали на перевозку въ отдаленныя мѣста по подрядамъ господскимъ.

9) Подати взыскивались всегда въ Петровъ день; а такъ какъ въ это время была самая горячая работа и крестьяне денегъ не имѣли, то должны были занимать ихъ у помѣщика подъ хлѣбъ и доставлять его по указанію Калантарова и при томъ по цѣнамъ, имъ-же назначеннымъ.

10) Всю экономическую контору крестьяне содержали на свой счетъ, платя барину въ годъ свыше 3000 руб. Помимо такихъ крупныхъ сборовъ, собирались и мелкія дани, въ видѣ мелкихъ хозяйственныхъ принадлежностей: брались полсти, холстъ, веревки, доски, колеса и т. п.

Злой по характеру, помѣщикъ какъ-бы нарочито подбиралъ такихъ-же приказчиковъ и старостъ и требовалъ отъ нихъ самаго суроваго личнаго отношенія къ крестьянамъ. Въ размѣрахъ и орудіяхъ наказанія самъ помѣщикъ не стѣснялся: наказывалъ розгами, плетьми, палками и кнутомъ; тоже дѣлали и конторскія власти. Невыносимо тяжело читать всѣ показанія объ этомъ. Такой-то былъ битъ нещадно плетьми, проболѣлъ затѣмъ годъ, не вставая съ кровати, и умеръ; такая-то, послѣ немилосерднаго наказанія воловьимъ кнутомъ, болѣла мѣсяцъ и теперь чувствуетъ нестерпимую боль въ боку; наказана-же за то, что не пошла на ночь къ конторщику Сукачеву; такую-то помѣщикъ своеручно наказалъ кнутомъ такъ, что она »залилась кровью« и съ нею сдѣлался обморокъ, а

послѣ того была въ безпамятствѣ трое сутокъ. А вина ея: не успѣла выдоить коровъ, когда на скотный дворъ изволилъ зайти баринъ. Приказчикъ Заика перещеголялъ даже самого барина: Лукерью Васильченкову онъ наказалъ такъ жестоко, что на другой день она Богу душу отдала. Также наказалъ Степанъ Лемешко, по приказу барина, крестьянку Робченко за то, что безъ спросу мочила въ рѣкѣ Кумѣ коноплю. Вообще были старыхъ и малыхъ, больныхъ и здоровыхъ, беременныхъ и роженицъ; отъ побоевъ никто не былъ застрахованъ. Особеннымъ рвеніемъ по этой части отличался Заика, пьяница, грязный развратникъ, но »хорошій хозяйскій глазъ«. Помѣщикъ дорожилъ имъ, какъ субъектомъ, который вполнѣ отвѣчалъ его требованіямъ, и потому Заика чувствовалъ себя вторымъ послѣ барина. Большой любитель женской стыдливости, онъ не пропускалъ ни одной крестьянки, имѣвшей несчастье приглянуться ему; если же какая противилась и давала отпоръ негодяю, онъ связывалъ ее, мазалъ дегтемъ половое мѣсто и билъ по немъ кнутомъ. На слѣдствіи Калантаровъ оригинально защищалъ Заику. »Я, говорилъ помѣщикъ, убѣжденъ въ невозможности Заикѣ гоняться быстро за дѣвками по тучности его и потому еще, что онъ всегда бывалъ съ женою; жалобы-же подобныя (т. е. о прелюбодѣяніи Заики) могутъ доказывать только безнравственность моихъ крестьянъ«.

Всѣ болѣе или менѣе тяжкія показанія, падавшія на помѣщика и конторскихъ властей, слѣдователями были признаны малодоказательными; къ открытію-же истины они не нашли средствъ (!), ибо давшіе эти показанія прежде никому не жаловались въ отдѣльности, а при слѣдствіи представили такихъ свидѣтелей, которые прикосновенны къ бунту. Тѣмъ не менѣе о дѣйствіяхъ помѣщика Калантарова нашли нужнымъ произвести особое дознаніе, которое и было представлено, согласно существовавшему порядку, на высочайшее усмотрѣніе. Мы однако не слышали, чтобы Калантарова подвергали какой-либо отвѣтственности. Что-же касается крестьянъ, то осудили изъ нихъ только лицъ, наиболѣе виновныхъ, именно: зачинщиковъ и руководителей бунта, собравшихъ сходбище 2 января 1853 г. и организовавшихъ возстаніе на площади. За смертію убитыхъ и раненыхъ, такихъ обвиненныхъ все таки оказалось 60 человѣкъ. Изъ женщинъ ни одна не была осуждена. »Хотя изъ

дѣла видно, говорится въ »сентенціи«, что женщины принимали участіе въ бунтѣ, но какъ не обнаружено, какія именно, такъ какъ никто не показываетъ, а тѣ, которыя были за ранами въ госпиталѣ, объявили, что зашли въ толпу съ пищею къ мужьямъ и отцамъ, то..... онѣ не подлежатъ никакому взысканію«.

Всѣ обвиненные крестьяне приговорены частью къ ссылкѣ въ рудники, частью въ Сибирь или въ тюрьму съ предварительнымъ наказаніемъ сквозь строй шпицрутенами и т. п., но вслѣдствіе манифеста 27 марта 1855 года были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и благодаря этому манифесту, а также 26 августа 1856 г., судьба ихъ вообще значительно была облегчена.

Дознаніемъ, между прочимъ, открыто участіе въ дѣлѣ маслокутцевъ мѣстнаго сельскаго дьячка Суходольскаго. Оказалось, что онъ сочинялъ въ послѣднее время прошенія отъ имени маслокутцевъ и первый указалъ крестьянамъ на мѣсто въ слѣдованной псалтыри о »проклятыхъ аріанахъ«... Конечно, крестьяне сами не могли напасть на такую мысль, а познанія Суходольскаго въ сравнительномъ богословіи не помогли ему отличить аріанъ отъ армянъ. Въ виду всего этого, была признана наличность вины дьячка, и дѣло о немъ поступило къ епархіальному начальству. Чѣмъ оно кончилось,—не знаемъ.

Прошло восемь лѣтъ послѣ описаннаго здѣсь событія, и

Порвалась цѣпь велика,
Порвалась, раскачалася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!....

Сильно пришибла она и Калантаровыхъ. Послѣдующіе наслѣдники и владѣльцы Маслова-Кута »оскудѣли«.... Два или три года тому назадъ мы встрѣтили въ газетахъ объявленіе о продажѣ имѣнія Калантаровыхъ за долги, кажется, ставропольскому городскому банку....

И. С—р—ъ.

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Продолженіе) [1]).

XV. Испанія.

Мы причалили къ Малагѣ предъ закатомъ солнца. Красновато-золотистые лучи погасавшаго свѣтила окрашивали бѣлые дома Малаги въ какой-то странный не бывалый цвѣтъ и отражались огненнымъ отблескомъ на оконныхъ стеклахъ, за городомъ возвышались горы, покрытыя изумрудною зеленью. Бархатистая зелень горъ отъ красноватаго отлива заходящаго солнца, образовала темный фонъ, изъ котораго рельефно выступала Малага, освѣщаемая послѣдними лучами солнца, словно какою-то фантастическою иллюминаціей. Картина была поразительно хороша, но грустна; не знаю, отъ чего Малага издали представилась мнѣ громадной погребальной часовней (chapelle ardente) съ стѣнами, обитыми чернымъ бархатомъ, и съ множествомъ зажженныхъ свѣчей подъ красновато синимъ сводомъ неба.

Высадившись на берегъ, мы отправились въ домъ Лек. Дорогой я былъ пораженъ многочисленностью пестрой и оживленной толпы, повсюду звуки гитары, пѣсни, шумные разговоры, танцы и веселье. Я думалъ, что попалъ на народный праздникъ, но Наима сказала мнѣ, что ежедневно вечеромъ жители Малаги собираются на улицахъ и про-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, 1884 г., іюньск. кн., стр. 239—266.

водятъ время до глубокой ночи въ беззаботномъ весельи, а днемъ не выходятъ изъ домовъ, укрываясь отъ нестерпимаго зноя.

На огромной площади, обстроенной большими домами, на которой расположена Alameda, мы остановились у дома Леи. Лея проводила обыкновенно лѣто въ окрестностяхъ Гренады, и переѣзжала въ Малагу въ началѣ сентября; хотя и былъ уже сентябрь въ началѣ, но жаръ стоялъ еще очень сильный и мы не застали Леи въ Малагѣ. Оправивши не много нашъ туалетъ, мы отправились на Аламеду. Это городское гулянье привело меня въ совершенный восторгъ. Представьте себѣ длинный, широкій бульваръ, густо обсаженный экзотическими деревьями и растеніями южной Америки, между ними бюсты временъ римскаго владычества, несмѣтная толпа гуляющихъ, національные андалузскіе костюмы мужчинъ, черныя платья, кружевныя мантиліи и неразлучные вѣеры женщинъ, замѣчательныхъ своей красотой, развязностью и граціей, оживленіе, не поддѣльная веселость, неумолкаемый говоръ и при всемъ этомъ безукоризненная порядочность и приличіе, врожденныя испанцамъ, —и будете имѣть понятіе объ обаятельномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня первымъ вечеромъ въ Испаніи.

Погулявъ часа полтора, усталые отъ морскаго путешествія, мы ушли рано домой. Въ домѣ Леи не было роскоши, онъ былъ меблированъ очень просто, но съ большимъ вкусомъ и содержался превосходно.

На другой день очень рано я уже былъ одѣтъ и отправился осматривать городъ. Послѣ вчерашняго вечерняго впечатлѣнія Малага мнѣ показалась днемъ очень некрасивой, но довольно живописной, въ особенности въ мѣстностяхъ сохранившихъ мавританскій характеръ; изъ нихъ замѣчательна Alcazaba, старинная часть города съ развалинами мавританской крѣпости на горѣ, съ которой открывается видъ на море. Горы, окружающія Малагу, по большей части обнажены и лишены растительности, берегъ совершенно голый, безъ деревьевъ и жилищъ. Гавань считается одною изъ лучшихъ въ Испаніи, постоянно наполнена иностранными судами и оживлена торговою дѣятельностью. Вино, оливковое масло, апельсины, лимоны, свѣжій и сушеный виноградъ—вотъ продукты мѣстнаго производства, привлекающіе въ Малагу купцовъ всѣхъ націй, и не смотря на кажущуюся ничтожность предметовъ от-

пускной торговли, здѣсь дѣлаются большіе обороты и наживаются безъ особеннаго труда и рисковъ значительные капиталы.

Мужъ Леи былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ и крупныхъ негоціантовъ Малаги; онъ велъ постоянно оптовую торговлю виномъ, которое выдѣлывается въ окрестностяхъ Малаги и расходится по всей Европѣ. Производство винъ не ограничивается однимъ дессертнымъ; здѣшняя почва даетъ превосходныя столовыя крѣпкія вина, которыя мало чѣмъ уступаютъ мадерѣ, хересу и портвейну, въ особенности въ натуральномъ видѣ, безъ примѣси алкоголя; но такое вино можно пить только на мѣстѣ: безъ добавленія извѣстнаго количества спирта, оно не выноситъ перевоза, какъ и всѣ вина южной Испаніи.

Днемъ улицы Малаги почти совершенно пусты; рѣдко встрѣтишь какого нибудь caballero; женщинъ совсѣмъ не видать.

День провели и мы чисто по испански; не выходили изъ дому, представлявшаго всѣ удобства жилищъ южныхъ странъ. Зноя мы не чувствовали, солнца не видали; вездѣ царствовалъ полумракъ.

Нужно было ожидать слѣдующаго утра, чтобы ѣхать въ дилижансѣ въ Гренаду; предъ закатомъ солнца мы вышли погулять. Нанна хорошо знала Малагу; для меня этотъ городъ представлялъ интересъ новизны. Тоже оживленіе, веселье и многолюдство, что и вчера. Тутъ я присмотрѣлся къ малагскимъ женщинамъ, и красота ихъ поразила меня.

Въ дилижансѣ, запряженномъ мулами, чрезъ Лоху, небольшой городъ, отправились мы въ Гренаду. Въ окрестностяхъ Малаги южная растительность обратила на себя мое вниманіе. Живыя изгороди изъ кактусовъ, алоэ огромныхъ размѣровъ, бананы, пальмы, большія лимонныя и апельсинныя деревья, виноградники, плантаціи сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги украшали живописныя мѣстности нашей дороги, проложенной между горъ. Кое-гдѣ встрѣчались селенія довольно значительныя и мелькали одинокія венты. Задолго до пріѣзда въ Гренаду представилась взорамъ нашимъ величественная Сіерра Невада съ своей бѣло-снѣжной вершиной. Наконецъ мы въ предмѣстьяхъ Гренады, утопающихъ въ роскошныхъ садахъ. Послѣ неспоснаго жара въ ущелі-

яхъ горъ, мы вздохнули свободнѣе и съ наслажденіемъ дышали свѣжимъ, влажнымъ воздухомъ Гренады. У подножія горы живописно раскинута древняя столица мавровъ; за нею, на возвышенномъ, зеленомъ холмѣ, рисуется Альамбра. Я былъ въ совершенномъ упоеніи отъ чудной, разстилавшейся предо мною картины, и нѣтъ словъ передать ея чарующую прелесть: все, что ни напишешь, будетъ ниже дѣйствительности. Мы остановили дилижансъ, вышли и долго, долго въ нѣмомъ восторгѣ любовались Гренадой.

Въ живописной долинѣ, изрѣзанной водопроводами, орошающими посѣвы хлопка, конопли, сахарнаго тростника, винограда, рису и тутовыхъ деревьевъ, недалеко отъ Vega de Grenada, находилась вилла Леи. Насъ не ждали; пріемъ былъ самый дружескій. Мужа Леи, Натана, не было дома: онъ отправился осматривать закупленные имъ виноградники и долженъ былъ воротиться дней чрезъ десять. Мы сговорились ждать его въ Гренадѣ и, по возвращеніи, всѣмъ вмѣстѣ отправиться въ Малагу.

Дни, проведенные мною у Леи, были одними изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Искреннее, чисто родственное ко мнѣ расположеніе этой превосходной женщины, удобства привольной загородной жизни, чудный испанскій воздухъ, высокая температура котораго умѣряется въ Гренадѣ обиліемъ воды, проведенной всюду еще маврами, роскошная растительность всѣхъ странъ и климатовъ искусно сгруппировались въ небольшомъ, но отлично расположенномъ и содержимомъ садѣ. Ежедневныя прогулки въ Гренаду, глубокая привязанность къ Наимѣ, скрѣпленная ея интереснымъ положеніемъ и надеждою на возможность назвать Наиму рано или поздно мою супругой, чему обѣщала содѣйствовать Лея,—все это такъ хорошо расположило меня, что я былъ постоянно веселъ и въ высшей степени разговорчивъ и любезенъ. Сидя дома, мы разсказывали Леѣ наши путевыя впечатлѣнія; много говорилъ я ей о Россіи. Время летѣло незамѣтно.

Какъ ни поразилъ меня своею красотою видъ Гренады, первые два дня были вполнѣ посвящены семейной жизни на дачѣ Леи; потомъ мы отправились осматривать городъ. Не ищите въ немъ красоты

европейскаго города: узкія, извилистыя улицы, полуразрушенныя мавританскія постройки, новые дома, не представляющіе ничего особеннаго, церкви ничѣмъ не замѣчательныя, исключая большаго собора съ гробницей Фердинанда и Изабеллы. Но въ самой неправильности улицъ, вымощенныхъ небольшими цвѣтными камнями въ узоръ арабесковъ, въ почтенной древности и оригинальности мавританскихъ зданій чисто восточнаго характера, въ богатой растительности садовъ, оживленной обиліемъ фонтановъ, ручьевъ и канавокъ самой чистой воды, столько прелести, столько поэзіи, что Гренада непремѣнно произведетъ на васъ впечатлѣніе обаятельное; она васъ очаруетъ. Ея большая площадь Виварамбла, за нею на холмѣ разрушающіяся стѣны и башни Альамбры, еще выше, Хенералифе съ стройными кипарисами, возвышающимися надъ обрушившимися стѣнами крѣпости, великолѣпная Alameda, состоящая изъ аллей роскошныхъ и величественныхъ буковъ и вязовъ, съ ея чудными фонтанами, громадными олеандрами, шумнымъ, пѣнистымъ Хениленъ и притокомъ его, золотоноснымъ Дарро; всюду прохлада, чистый, влажный, ароматическій воздухъ, и чѣмъ ярче свѣтитъ солнце, чѣмъ сильнѣе жаръ, тѣмъ болѣе таетъ снѣгъ на вершинѣ Сіерры Невады, тѣмъ обильнѣе льются потоки съ окружающихъ горъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи, бьютъ фонтаны; враждующія стихіи: огонь и вода мирятся, дружатся въ Гренадѣ, и взаимное ихъ дѣйствіе даетъ древней столицѣ мавровъ такой климатъ, такую растительность, какихъ нельзя встрѣтить въ другихъ странахъ Европы. По истинѣ, это рай земной.

Прибавьте къ этому памятники мавританской архитектуры, встрѣчающіеся на каждомъ шагу; историческія воспоминанія о господствѣ мавровъ, живущія въ памяти настоящаго населенія; ихъ цивилизацію и культуру, стоявшую выше, чѣмъ у другихъ средневѣковыхъ народовъ, ихъ рыцарскую честность и отвагу, ихъ романическія, почти сказочныя похожденія, ихъ нравы и обычаи, вошедшіе въ жизнь, въ природу андалузянъ, и наконецъ мавританскую кровь, которая течетъ въ большей части жителей южной Испаніи, и вы не удивитесь, когда скажу, что Гренада до того меня очаровала, что, когда, по возвращеніи Натана, нужно было думать объ отъѣздѣ, мнѣ крайне не хотѣлось раз-

статься съ Гренадой; каждый день просилъ я отсрочки и тогда только согласился ѣхать въ Малагу, когда Натанъ объявилъ, что его присутствіе тамъ необходимо по коммерческимъ дѣламъ.

Понятны мнѣ стали слезы мавровъ при прощаніи ихъ съ Гренадой, памятно мѣсто на одной изъ окружающихъ горъ: cuesta de las lagrymas, съ котораго, рыдая, Боабдиль, послѣдній владыка Мавровъ, въ послѣдній разъ взглянулъ на Гренаду. Скала эта называется: el ultimo sospiro del moro, послѣдній вздохъ мавра.

Описывать достопримѣчательности Гренады не стану: о дворцахъ Альамбры и Хенералифе такъ много писали, что эти памятники мавританскаго зодчества болѣе или менѣе всѣмъ извѣстны. Но не могу не прибавить, что всѣ описанія, рисунки и гравюры Альамбры могутъ дать только слабое понятіе о тонкомъ изяществѣ, рѣдкой красотѣ и чисто восточномъ богатствѣ отдѣлки мавританскаго дворца. Нужно его видѣть, чтобы вполнѣ оцѣнить и навсегда запечатлѣть въ своей памяти это образцовое, геніальное произведеніе арабскаго искусства. Оно васъ поражаетъ не громадностью размѣровъ; напротивъ, величина построекъ очень ограничена; но необыкновенною легкостью, кружевными узорами лѣпной работы, утонченностью вкуса, и поражаетъ, несмотря на довольно неудовлетворительное состояніе этого дворца, требующаго тщательнаго исправленія и болѣе заботливаго содержанія. Нѣкоторыя части зданія разрушаются, а другія давно уже обратились въ груду развалинъ.

Я очень полюбилъ Натана; мы вскорѣ подружились; это былъ честный и умный негоціантъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ. Нравомъ онъ былъ кроткаго, веселаго и любезнаго.

Возвратясь въ Малагу, мы постоянно проводили время въ троемъ; Натанъ былъ занятъ дѣлами и только по вечерамъ удѣлялъ намъ нѣсколько часовъ. Мы много читали, занимались музыкой и съ захожденіемъ солнца всегда отправлялись на Аламеду.

Однажды мы усѣлись на скамейкѣ; къ Наимѣ подошелъ незнакомый мнѣ высокій, статный молодой человѣкъ и заговорилъ съ нею. Разговоръ продолжали довольно долго. Это мнѣ не понравилось. Возвращаясь домой, я спросилъ Наиму, кто былъ ея собесѣдникомъ? Она

отвѣтила, что молодой человѣкъ маркизъ Б., сынъ испанскаго гранда, знакомый ей со времени послѣдняго пребыванія у Леи. Маркизъ каждый вечеръ подходилъ къ Наимѣ, познакомился со мной, но встрѣтилъ самый холодный пріемъ. Маркизъ былъ очень красивъ и любезенъ; возбудилъ во мнѣ большую антипатію; всюду преслѣдовалъ Наиму, бросалъ на нее пламенные взгляды и раздражалъ меня. Ревность или простая антипатія дѣлали присутствіе маркиза для меня невыносимымъ. Когда онъ появлялся, я подавалъ руку Наимѣ и мы уходили. Наконецъ маркизъ затѣтилъ мое къ нему нерасположеніе; мы обмѣнялись выразительными взглядами, въ которыхъ просвѣчивалась непримиримая вражда, и болѣе не встрѣчались. Тѣмъ не менѣе я такъ ненавидѣлъ маркиза, что не могъ равнодушно о немъ вспомнить и мысленно сопровождалъ его недобрыми пожеланіями.

Насталъ октябрь, стало прохладнѣе, но все еще днемъ мало выходили изъ домовъ, закрывали двери и окна. По возвращеніи съ гулянья, мы остальную часть вечера, до глубокой ночи, проводили обыкновенно въ patio, внутреннемъ дворикѣ, устраиваемомъ при каждомъ испанскомъ домѣ. Дворикъ этотъ обсаженъ обыкновенно лучшими растеніями и цвѣтами; по срединѣ, или въ сторонѣ фонтанъ, колонны обвиты вьющимися растеніями, образующими вмѣсто потолка, непроницаемый для лучей солнца сводъ изъ зелени. Садовая мебель, зеркало, мраморные столы, иногда статуи служатъ украшеніемъ patio, на который выходятъ двери и окна внутреннихъ покоевъ. Съ patio на улицу ведетъ большая желѣзная, сквозная дверь; днемъ ее завѣшиваютъ, въ сумерки открываютъ; вечеромъ patio всегда освѣщается. Дворикъ этотъ служитъ гостинной и составляетъ роскошную, относительно богато убранную часть домовъ, отличающихся вообще необыкновенной простотой отдѣлки и меблировки.

Лея ухаживала за Наимой, какъ нѣжная мать. Наима чувствовала себя хорошо и безъ страданій переносила беременность. Оставалось два мѣсяца до разрѣшенія.

Въ одну изъ субботъ, Наима, по обыкновенію, въ сопровожденіи Леи и Натана отправилась въ свой молитвенный домъ.

Я остался дома и былъ занятъ сочиненіемъ фантазіи для оркестра на мотивъ, записанный мною въ Римѣ съ голоса старой еврейки.

Внезапно былъ я выведенъ изъ музыкальнаго самозабвенія необыкновеннымъ движеніемъ въ домѣ; вбѣгаетъ ко мнѣ Натанъ блѣдный, разстроенный, и объявляетъ, что Наимѣ очень дурно. Опрометью я бросился къ ней. Наима безъ чувствъ лежала на кровати. Вотъ, что случилось. Въ синагогахъ и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ, какъ извѣстно, мужчины помѣщаются внизу, женщины на хорахъ. Спускаясь съ крутой, темной лѣстницы, Наима оступилась и упала; выходившія за нею женщины попадали на нее и ушибли Наиму. Она лишилась чувствъ; ее принесли домой. Послали за лучшимъ докторомъ; онъ привелъ Наиму въ чувство кровопусканьемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались мучительныя боли и къ вечеру Наима скончалась, разрѣшившись преждевременно ребенкомъ, который остался живъ. Я его возненавидѣлъ...

Катастрофа эта случилась такъ неожиданно, такъ быстро, что потрясающія подробности не успѣли напечатлѣться въ моей памяти. Помню только, что всю ночь я провелъ у бездыханнаго трупа Наимы, и когда на другой день меня оторвали отъ ея смертнаго ложа, и Лея поднесла мнѣ новорожденнаго, я оттолкнулъ его и сказалъ, что не хочу видѣть ребенка, жизнь котораго стоила жизни Наимѣ. Лея отвѣтила, что усыновляетъ моего сына.

Что было потомъ со мною, вспомнить не могу: я находился въ сильно возбужденномъ, горячечномъ состояніи. Припоминаю впрочемъ, что, не простясь, бѣжалъ изъ Малаги и ускакалъ верхомъ въ Гренаду, куда влекло меня воспоминаніе о счастливыхъ дняхъ; но не остался въ Гренадѣ долго: становилось слишкомъ грустно, и безъ цѣли, безъ всякаго побужденія отправился въ Севилью.

Севилья не замѣчательна ни постройками, ни мѣстоположеніемъ, ни растительностью. Заслуживаетъ вниманія громадный соборъ, уступающій размѣрами одному храму св. Петра въ Римѣ; внутренность собора очень богато убрана, великолѣпна, чисто готическаго стиля, и заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній кисти Мурильо и другихъ испанскихъ живописцевъ. Въ часовнѣ для крещенія находится лучшее

произведеніе Мурильо: св. Антоній Падуанскій. Наружность собора болѣе чѣмъ проста; арабскій минаретъ, замѣчательная башня Хиральда служитъ колокольней. Алькасаръ, мавританскій дворецъ, отличающійся необыкновенно тонкою, кружевною рѣзьбою изъ камня въ подковообразныхъ аркахъ и украшеніяхъ колоннъ и деревянными арабесками потолковъ, находился въ самомъ плачевномъ видѣ. Alame da del duque, обсаженная акаціями; по срединѣ большой фонтанъ, кофейни, лавочки,—вотъ и все. Гвадалквивиръ течетъ за городомъ; вокругъ пустыня, на которой возвышаются полуразрушенныя стѣны Севильи.

Но кто разъ побывалъ въ Севильѣ, тотъ никогда не забудетъ чарующей прелести ея обычаевъ и нравовъ. Здѣсь вы переноситесь въ ту Испанію, о которой мечтали въ годы молодости, читая Фигаро, слушая Севильскаго цирюльника; предъ вами разыгрываются сцены и эпизоды испанскаго романа; вы чувствуете себя въ средѣ волшебной, въ осуществленной фантазіи восторженнаго воображенія, вращаетесь въ мірѣ поэзіи.

Бываютъ страшныя, необъяснимыя перемѣны въ состояніи нашего духа. Никого не любилъ я такъ сильно, какъ Наиму; никогда ни одна женщина не останавливала на себѣ моего вниманія, покуда жила Наима. Въ Гренадѣ, во время вторичнаго ея посѣщенія, грустный убитый горемъ, бродилъ я по пустыннымъ улицамъ. Въ Севильѣ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ: откуда взялась необыкновенная энергія, лихорадочная дѣятельность, бодрость духа, неудержимая сила воли—объяснить не могу. Уступчивый, благодушный, мягкосердый, я мгновенно превратился въ сталь. Бывало, не могъ безъ сожалѣнія, участвуя въ охотѣ, смотрѣть на травлю звѣрей; въ Севильѣ, постоянно присутствовалъ на боѣ, или какъ выражаются испанцы, на бѣгѣ быковъ и не только безъ отвращенія и жалости смотрѣлъ на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, но находилъ въ этомъ варварскомъ развлеченіи особенное удовольствіе. Хотя сердце и не влекло меня ни къ кому въ особенности, хотя я чувствовалъ, что нѣтъ болѣе во мнѣ привязанности и любви, тѣмъ не менѣе съ неудержимымъ стремленіемъ бросился въ водоворотъ вѣчнаго севильскаго карнавала; это было какое-то неесте-

ственное возбужденіе, своего рода опьяненіе, послѣдняя вспышка потухавшаго вулкана.

Днемъ Севилья отдыхаетъ, нѣтъ движенія, нѣтъ жизни, словно мертвый городъ. Настаетъ вечеръ, зажигаютъ фонари, отворяютъ двери, окна и балконы, улицы наполняются народомъ; на Calle de las Sierpes рядъ великолѣпныхъ кафе, наполненныхъ мужчинами, и огромныхъ магазиновъ, совершенно открытыхъ, гдѣ во множествѣ сидятъ на стульяхъ прелестныя севильянки высшихъ слоевъ общества и разсматриваютъ товары, предлагаемые услужливыми приказчиками; на Alameda del Duque появляется несмѣтная толпа, идутъ tomar fresco. Севилья оживаетъ, оживляется, веселится. Слышится бряцанье гитаръ, танцовальный напѣвъ, стукъ кастаньетъ, шумный говоръ; разныя группы танцуютъ: фанданго, олу, хаясо; крики одобренія привѣтствуютъ ловкихъ танцовщицъ. Въ танцовщицѣ цѣнится въ особенности гибкость тѣла и пластичность ногъ; верхъ искусства составляетъ первическое дрожаніе бедръ. И чѣмъ дольше продолжается это ночное гулянье, тѣмъ большаго оживленія достигаетъ оно. Наступила ночь, на балконахъ появляются севильянки, у каждаго балкона кавалеръ съ гитарой. Это novio; онъ пришелъ ухаживать за своей возлюбленной, pelar la pava, какъ выражаются испанцы. Почти нигдѣ не видно европейскаго платья; вездѣ богатые андалузскіе костюмы majo, темный плащъ, андалузская шляпа. И что за симпатичный, ловкій и красивый народъ!

Но вотъ мелькаютъ черныя тѣни андалузскихъ красавицъ; вы ихъ не видите во тьмѣ ночной, но чувствуете неотразимую ихъ прелесть, жадно вдыхаете въ себя упоительный запахъ цвѣтка въ ихъ волосахъ, ищете свѣта и при тускло горящемъ фонарѣ васъ обдаетъ, какъ молніей, жгучій андалузскій взглядъ. Электрическій токъ пробѣгаетъ по жиламъ, васъ влечетъ какая-то неодолимая сила, вы вступаете въ разговоръ съ красавицей. Заговорить съ незнакомой женщиной—здѣсь вещь общепринятая; отвѣчаютъ всегда вѣжливо, развязно, свободно и любезно; когда узнаютъ, что вы estranjero, съ вами обращаются еще любезнѣе: непремѣнно получите приглашеніе пожаловать въ домъ, продолжать знакомство.

Севильянка—чудный самородокъ; въ ней все природа, нѣтъ изысканной сдержанности, образованія, начитанности женщинъ другихъ націй; но умъ, неподдѣльная веселость, ласковость, любезность, разговорчивость составляютъ главныя ея достоинства. Что касается наружности, то неуловимой и непередаваемой прелести нельзя не посвятить нѣсколькихъ строкъ.

Андалузянки вообще, севильянки въ особенности, представляютъ типъ, совершенно не похожій на принятыя условія европейской красоты. Женщины Севильи не велики, не массивны, роста ниже средняго, худощавы; маленькая ножка, обутая въ башмачекъ, едва прикрывающій пальцы; крохотная ручка въ черной ажурной митени; руки, обнаженныя до плечъ; тонкій, стройный, гибкій станъ; чудныя формы шеи и груди, просвѣчивающіяся сквозь кружево черной мантиліи, накинутой сверхъ чернаго платья. Это миніатюрное созданіе скрѣплено твердыми, упругими, какъ сталь, мускулами, изгибается съ неподражаемой, врожденной граціею, не имѣющею ничего общаго съ выдержкою и выправкой европейскихъ женщинъ другихъ странъ. Севильянки необыкновенно живы, ловки, развязны и скорѣе порхаютъ, чѣмъ ходятъ; искусство владѣть вѣеромъ, блескъ глазъ, увѣренная походка и гибкость таліи придаютъ имъ совершенно особенную физіономію. У испанцевъ существуетъ особенное выраженіе для передачи ловкости, граціи, непринужденности движеній и остроумія женщины: dona Salada (соленая женщина). Здѣсь говорятъ женщинѣ: »какъ вы *солоны*«, и нѣтъ выше этого комплимента. Что касается лица севильянки, то не ищите въ немъ классической правильности, характеризующей европейскую красоту. Попадаются иногда головки классическія, но по большей части черты лица неправильныя. Неправильность эта проходитъ совершенно незамѣтною и нисколько не уменьшаетъ красоты андалузской женщины. Въ ней болѣе всего поражаютъ большіе, продолговатые, черные, бархатистые глаза, осѣненные длинными рѣсницами, пурпуровый, какъ гранатовый цвѣтокъ, маленькій, свѣжій ротикъ, зубы алебастровой бѣлизны и черные съ синимъ отливомъ, роскошнѣйшіе волосы, подъ тяжестью которыхъ гнется очаровательная головка. Цвѣтъ лица—блѣдно-матовый, прозрачный; не смотря на блѣдность, здѣшнія женщины дышатъ здоровьемъ.

Самыя красивыя принадлежатъ къ числу Могепая, отличающихся темнымъ, оливковымъ цвѣтомъ, который увеличиваетъ прелесть пурпуроваго ротика и блескъ глазъ. Прибавьте къ этому необыкновенную живость, подвижность физіономіи, взглядъ, какъ выражаются испанцы, дня и ночи, блеска и мрака, взглядъ, выразительностью своею приводящій въ волненіе, электризирующій, сверкающій молніей, взглядъ, которому испанскій языкъ посвятилъ особенный глаголъ: ojear (бросать взглядъ), и будете имѣть слабое понятіе о чарующей, обаятельной красотѣ андалузской женщины. Бросанье взгляда заключается въ томъ, что при встрѣчѣ съ мужчиной севильская испанка опускаетъ вѣки, затѣмъ быстро открываетъ глаза, обливаетъ васъ своимъ взглядомъ и опускаетъ рѣсницы; выдержать равнодушно подобный взглядъ—не возможно. На югѣ Испаніи мавры оставили по себѣ неизгладимые слѣды въ типичности жителей. Сколько ни изгоняли мавровъ изъ Испаніи, сколько ни убивали и ни жгли ихъ на auto da fé, мавританская кровь течетъ въ жилахъ жителей Андалузіи, и ей андалузянки обязаны тою особенностью своей породы, тою прелестью формъ и необычайною красотою, которыя дѣлаютъ ихъ самыми очаровательными женщинами въ мірѣ.

Болѣе мѣсяца прожилъ я въ Севильѣ; остался-бы и долѣе, еслибы совершенно неожиданное происшествіе не заставило меня выѣхать изъ Испаніи.

Однажды, въ поздній часъ ночи, пробирался я по одной изъ извилистыхъ, въ то время совершенно пустынныхъ улицъ въ Севильи. У низенькаго балкона стоялъ кавалеръ, завернутый въ плащъ; на балконѣ дама. Я прошелъ мимо тихими шагами; кавалеръ забренчалъ на гитарѣ; разговоръ прервался. Въ темнотѣ я не могъ разглядѣть лица кавалера. Необъяснимое, инстинктивное чувство овладѣло мною; не знаю почему и для чего мнѣ непремѣнно захотѣлось увидѣть лице кавалера. Пройдя нѣсколько шаговъ, я повернулъ назадъ; кавалеръ не успѣлъ закрыться плащемъ, въ немъ я узналъ маркиза Б.

Пройдти раза два-три мимо балкона, занятаго дамой и кавалеромъ, преднамѣренно или случайно помѣшать ихъ ночному свиданію,

въ Испаніи вещь очень опасная; такія столкновенія обыкновенно оканчиваются добрымъ ударомъ ножа или стилета.

Ненависть къ маркизу громко, неудержимо заговорила во мнѣ; я въ третій разъ прошелъ мимо балкона. Дама исчезла, маркизъ бросился ко мнѣ, въ рукѣ его сверкнулъ кинжалъ. Я схватилъ маркиза за руку съ занесеннымъ оружіемъ и сказалъ ему: погодите, маркизъ! я безоруженъ и нападать на меня съ кинжаломъ было-бы неблагородно; считаю для себя счастливою встрѣчу съ вами и надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи принять вызовъ, согласно правиламъ чести образованныхъ и порядочныхъ людей. Вотъ моя карточка; когда и гдѣ угодно—я къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ и моя; я васъ не узналъ, извините, отвѣтилъ маркизъ, освобождая свою руку; между нами старые счеты, и оскорбленіе, которое вы нанесли мнѣ теперь, не можетъ остаться безъ удовлетворенія; завтра буду имѣть честь прислать къ вамъ моего секунданта.

Затѣмъ мы вѣжливо раскланялись и разошлись.

Прійдя домой, я заснулъ богатырскимъ сномъ; на другой день стукъ въ мою дверь разбудилъ меня. Я просилъ подождать немного, накинулъ на себя альмавиву и отворилъ, въ полной увѣренности увидѣть секунданта маркиза. Вообразите мое удивленіе и радость, когда предо мною очутился Натанъ. Я бросился въ его объятія, распрашивалъ о Леѣ. Натанъ такъ былъ счастливъ меня видѣть, что слегка упрекнулъ меня за внезапный побѣгъ изъ Малаги; долго не могъ онъ объяснить моего загадочнаго исчезновенія и молчанія, но предполагая, что въ разстроенномъ моемъ состояніи со мною могло случиться несчастье, онъ поѣхалъ отыскивать меня въ Гренадѣ; послѣ долгихъ поисковъ, не найдя меня тамъ, случайно узналъ, что я отправился въ Севилью. Въ Севильѣ, послѣ двудневныхъ поисковъ, узналъ, гдѣ я квартирую.

Теплое участіе Натана вызвало во мнѣ глубокую благодарность; съ чувствомъ пожимая его руку, я разсказалъ Натану о вчерашней встрѣчѣ и присовокупилъ, что сама судьба посылаетъ его мнѣ въ настоящемъ затруднительномъ положеніи. И дѣйствительно, я не былъ ни

съ кѣмъ хорошо знакомъ въ Севильѣ и не могъ-бы пріискать секунданта.

Натанъ старался убѣдить меня, что я не правъ въ дѣлѣ съ маркизомъ, и склонялъ къ извиненію, которое по всей вѣроятности удовлетворило-бы маркиза въ виду ничтожнаго предлога ссоры. Я просилъ не говорить болѣе объ этомъ, считая невозможнымъ и несогласнымъ съ моимъ достоинствомъ предлагать извиненія.

На просьбу мою принять участіе въ дуэли, Натанъ покачалъ головой и отвѣтилъ, что не смотря на всю его привязанность ко мнѣ, онъ не можетъ исполнить моего желанія.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него. Тебя это удивляетъ, говорилъ Натанъ, ты не знаешь нравовъ и обычаевъ Испаніи: въ дуэли дворянина съ сыномъ гранда и маркизомъ секундантъ твой долженъ быть hidalgo по меньшей мѣрѣ. Маркизъ знаетъ, что я негоціантъ; купцы не пользуются въ Испаніи почетомъ, и меня никогда не допустятъ быть твоимъ секундантомъ. Нужно найти другого; не достаточно, чтобы онъ былъ hidalgo; въ дѣлѣ чести требуется, чтобы онъ былъ caballero: испанцы говорятъ, что король дѣлаетъ благородными, но одинъ Богъ создаетъ кавалеровъ.

— Въ такомъ случаѣ я буду драться безъ секунданта.

— Не думаю, чтобы это было возможно.

— А если-бы я предложилъ посланному отъ маркиза быть нашимъ общимъ секундантомъ?

— Быть можетъ, онъ и приметъ твое предложеніе, но въ такомъ случаѣ ты совершенно предашь себя въ ихъ руки.

— Знаешь что, Натанъ? Я мало знакомъ съ испанцами, но на сколько ихъ знаю, кажется, вполнѣ можно положиться на ихъ честный, рыцарскій характеръ. Novio, по принятому обычаю, въ гнѣвѣ готовъ нанести ударъ ножемъ или стилетомъ; hidalgo, вызванный на дуэль иностранцемъ не уклонится отъ правилъ чести.

— Съ этимъ я согласенъ, но бываютъ исключенія.

— Что-жъ они могутъ сдѣлать? Не убьютъ измѣнически?

— Это конечно трудно предполагать. Но я во всякомъ случаѣ про-

силъ-бы тебя дозволить мнѣ издали слѣдить за вами. Не откажи въ этомъ; какъ знать, что случится? За исходъ поединка никогда нельзя ручаться.

— Вѣришь-ли въ предопредѣленіе? Чему быть, тому не миновать, говоритъ русская пословица. Я твердо убѣжденъ въ счастливомъ для меня исходѣ этого дѣла.

— Такъ или иначе, я не оставлю тебя и если не пріищу секунданта, на котораго вполнѣ можно было-бы положиться, буду слѣдить за вами.

— Дѣлай, какъ знаешь; позволь обнять тебя за твою дружбу, за твою братскую привязанность.

— Натанъ ушелъ. Я занялся туалетомъ. Часовъ въ одинадцать опять стукъ въ двери. Отворяю. Предо мною не большаго роста, красивый, въ высшей степени симпатичный молодой человѣкъ.

— Съ сеньоромъ-ли С. имѣю честь говорить?

— Точно такъ. Неугодно-ли сѣсть. Вы пожаловали вѣроятно по порученію маркиза Б.?

— Графъ П., секундантъ маркиза Б., къ услугамъ вашей милости.

Большіе сѣрые глаза молодого человѣка смотрѣли съ такимъ выраженіемъ благодушія и благородства, особа графа была такъ привлекательна, что онъ внушилъ мнѣ невольное къ нему сочувствіе и полное довѣріе.

Когда мы согласились на счетъ времени, мѣста и условій поединка, я ему сказалъ о моемъ затруднительномъ положеніи въ отношеніи секунданта и просилъ графа быть нашимъ общимъ секундантомъ.

Графъ отвѣтилъ, что предложеніе мое противорѣчитъ принятымъ правиламъ о дуэляхъ; благодарилъ за оказываемую честь и довѣріе и сказалъ, что если маркизъ согласится, онъ отдастъ себя въ наше полное распоряженіе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Натанъ возвратился съ длиннымъ, блѣднымъ лицемъ. Я успокоилъ его, передалъ разговоръ съ графомъ П.

и упомянулъ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ молодымъ человѣкомъ. Натану хотѣлось узнать подробности условій дуэли. Я сообщилъ ему, что завтра въ семь часовъ утра, за городомъ, мы должны драться на шпагахъ. Натану это крѣпко не понравилось; онъ упрекалъ меня въ томъ, что я согласился драться на шпагахъ, стрѣляя отлично изъ пистолета. Какъ ни старался я объяснить ему, что выборъ оружія зависѣлъ отъ маркиза и что деликатность не позволяла предложить бой на оружіи, которымъ я владѣлъ слишкомъ хорошо, Натанъ не могъ понять излишняго, какъ онъ выражался, великодушія. Онъ впрочемъ пересталъ безпокоиться, когда я сказалъ, что и шпагою владѣю не дурно, хотя очень давно не фехтовалъ.

Весь день былъ посвященъ воспоминанію о Наимѣ. Натанъ много говорилъ о ея дѣтствѣ, превосходныхъ ея качествахъ. Я навелъ разговоръ на знакомство Наимы съ маркизомъ. Натанъ объяснилъ мнѣ, что дѣвицы въ Испаніи пользуются большою свободою, часто вступаютъ въ довольно интимныя отношенія къ молодымъ людямъ, которымъ нравятся, что иностранцу можетъ казаться страннымъ и неприличнымъ. Наима-же, не смотря на свою красоту и любезный характеръ, никогда и никѣмъ не была занята, всегда была безупречна; первая и единственная ея привязанность вполнѣ принадлежала мнѣ. Маркизъ дѣйствительно желалъ за нею ухаживать; но не нравился Наимѣ, и знакомство ограничилось встрѣчами на гуляньи до отъѣзда Наимы въ Берлинъ. По мнѣнію Натана, маркизъ былъ пустой, но честный и добрый молодой человѣкъ и пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ у андалузскихъ красавицъ.

Передъ вечеромъ я получилъ съ нарочнымъ слѣдующую записку: Иностранецъ, довѣряющій чести испанца, достоинъ полнаго уваженія. Предложеніе ваше принято. До завтрего. Графъ П.

Меня взяло раздумье, мнѣ стало совѣстно драться съ человѣкомъ, который въ сущности ничѣмъ меня не обидѣлъ и котораго я вывелъ изъ терпѣнія неумѣстнымъ и въ высшей степени оскорбительнымъ, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, поступкомъ. Вызовъ мой былъ слѣдствіемъ ненормальнаго, возбужденнаго состоянія духа; но размышленіе

пришло поздно: ложный стыдъ удерживалъ меня отъ извиненія; жребій былъ брошенъ.

Я написалъ два письма: одно дорогой моей матери, другое Леѣ и просилъ Натана, въ случаѣ несчастнаго для меня исхода дуэли, отправить первое по почтѣ, а второе передать доброй Леѣ. Вечеръ мы провели въ дружеской, братской бесѣдѣ.

На другой день, въ шесть часовъ утра Натанъ пришелъ ко мнѣ и возобновилъ просьбу дозволить ему издали слѣдить за нами. Я не согласился.

Въ семь часовъ я былъ за городомъ, на берегу Гвадалквивира и засталъ тамъ маркиза Б. и графа П. Мы молча обмѣнялись поклонами, я пожалъ руку графа. Онъ поднесъ мнѣ двѣ толедскія шпаги, прося выбрать одну изъ нихъ. Сбросивъ верхнюю одежду, мы съ маркизомъ стали въ позицію.

— Одно слово, господа, сказалъ графъ; позвольте сдѣлать предложеніе лично отъ меня: я полагалъ-бы возможнымъ ограничить бой первой раной, полученной каждымъ изъ сражающихся, или двумя, нанесенными одному и тому-же изъ почтенныхъ противниковъ.

Маркизъ и я изъявили на это согласіе. Маркизъ владѣлъ хорошо шпагой и нападалъ очень бойко; я защищался и отпарировалъ нѣсколько ударовъ. При одномъ изъ приступовъ, моя шпага, вмѣсто того, чтобы отбить въ сторону, скользнула по шпагѣ маркиза снизу вверхъ, и остріе его шпаги вонзилось въ верхнюю мою губу; ударъ былъ не очень силенъ, но боль невыносимая. Мы вновь стали въ позицію, я перешелъ въ наступательное положеніе; мои первые удары были отпарированы; на четвертомъ шпага моя проколола маркиза въ грудь съ правой стороны и проколола такъ сильно, что я съ трудомъ могъ ее вытащить. Маркизъ упалъ на руки графа, кровь заструилась изъ раны маркиза.

Я былъ крѣпко взволнованъ; мысль, что нанесъ смертельную рану маркизу, приводила меня въ отчаяніе; я бросился къ нему и съ сожалѣ-

ніемъ, съ глубокимъ раскаяніемъ взоръ мой остановился на покрытомъ мертвенною блѣдностью лицѣ маркиза.

Графъ свистнулъ; явились служители. Графъ П. положилъ на рану компрессъ холодной воды, далъ раненому проглотить нѣсколько капель рому, и маркизъ очнулся. Я протянулъ ему руку, и просилъ простить меня.

Легкое пожатіе руки маркиза и взглядъ, полный примиренія, были его отвѣтомъ.

Наскоро устроили носилки, положили на нихъ маркиза, и печальное шествіе направилось къ его квартирѣ; я просилъ позволенія сопровождать его. Графъ охотно согласился. Послали за докторомъ; онъ объявилъ, что рана очень опасна. Окончивъ перевязку раны маркиза, докторъ обратился ко мнѣ, изслѣдовалъ мою рану на губѣ; губа оказалась проколотою насквозь, шпага разрѣзала и десну. Обмывъ запекшуюся кровь, докторъ стянулъ рану булавками, далъ какую-то примочку, и спросивъ мой адресъ, сказалъ, что завтра посѣтитъ меня. Съ графомъ мы разстались совершенными друзьями.

По возвращеніи домой, я засталъ Натана въ большомъ безпокойствѣ; долгое мое отсутствіе тревожило его и наводило на мысль, что со мною случилось несчастіе. Когда я ему разсказалъ, какъ было дѣло, онъ успокоился.

Въ душевномъ моемъ состояніи произошелъ сильный переломъ: возбужденіе духа исчезло совершенно и дало мѣсто такому упадку нравственныхъ и физическихъ силъ, что нѣтъ словъ описать мое тогдашнее положеніе.

Неожиданная, почти внезапная смерть Наимы, глубокая привязанность моя къ этой прелестной женщинѣ, жертвы, принесенныя ею, благородный, возвышенный ея характеръ, чистая ангельская душа и горячая ко мнѣ любовь, бѣгство изъ дома Леи, отвращеніе къ сыну, безумная, непрерывная оргія Севильи, ничѣмъ неоправдываемая ссора съ маркизомъ, убійство,—все это, взятое вмѣстѣ, грызло, мучило, терзало меня. Словно завѣса спала съ глазъ моихъ; словно взглядъ просвѣтлѣлъ, и я прозрѣлъ и сталъ ненавистенъ самъ себѣ.

Когда Натанъ, замѣтивъ перемѣну во мнѣ, съ участіемъ спросилъ, что со мною, и не страдаю ли отъ ранъ, я отвѣтилъ, что физическая боль ничто въ сравненіи съ нравственнымъ мученіемъ, и произнесъ строфу Метастиза, которая вѣрно передавала мое тогдашнее настроеніе:

Ogni oggetto ch' altrui piace
Per me licto più non è:
Ho perduta la mia pace,
Son io stesso in odio a me.

Ночь провелъ я безъ сна. Утромъ пришелъ докторъ и остался доволенъ положеніемъ моей раны; опухоли не было, но сильная боль не унималась. Я спросилъ о маркизѣ, докторъ отвѣтилъ, что за выздоровленіе ручаться нельзя, но лихорадочное состояніе уменьшилось.

На третій день послѣ дуэли, я навѣстилъ маркиза; ему не было ни лучше, ни хуже, онъ все время находился въ безпамятствѣ, лихорадка впрочемъ ослабѣвала. Я долженъ былъ уѣхать изъ Севильи: дѣло о дуэли огласилось; законы строго преслѣдовали дуэлистовъ. Графъ и Натанъ совѣтовали мнѣ выѣхать изъ Испаніи. Я рѣшился послѣдовать ихъ совѣту. Простился съ графомъ П. и убѣдительно просилъ его писать мнѣ о маркизѣ въ Марсель, гдѣ располагалъ провести нѣсколько времени.

Прощаніе съ Натаномъ было трогательно; я крѣпко къ нему привязался, полюбилъ какъ брата. Онъ возвратилъ мнѣ письмо, назначенное матушкѣ, и оставилъ у себя писанное къ Леѣ. Въ немъ я просилъ прощенія въ бѣгствѣ изъ Малаги, благодарилъ за дружеское, родственное ко мнѣ расположеніе и изъявлялъ глубокое сожалѣніе о необходимости проститься съ Леею навсегда, если меня убьютъ, или на долго, если останусь живъ. О сынѣ ни слова. Заѣхать въ Малагу я не могъ: это было выше силъ моихъ. Обѣщалъ писать изъ Марселя, куда Натанъ долженъ былъ отправить мои вещи. Болѣе всего я дорожилъ портретомъ Наимы и просилъ не забыть прислать его.

На пароходѣ отправился я изъ Севильи въ Кадиксъ, и въ день моего туда пріѣзда отплылъ въ Марсель. Во время переѣзда полная апатія и болѣзненная сонливость овладѣли мною.

Очнулся, пришелъ въ себя только въ Марсели. Нужно было отдохнуть отъ нравственныхъ потрясеній, собраться съ мыслями, окрѣпнуть духомъ и принять какое нибудь рѣшеніе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Голубовскій.—Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-русскихъ степей IX—XIII в. Кіевъ. 1884 г.

Книга г. Голубовскаго по самому сюжету своего изслѣдованія представляетъ высокій интересъ для средневѣковой русской исторіи; выбранный имъ предметъ несомнѣнно одинъ изъ болѣе трудныхъ и автору приходилось бороться съ весьма существенными препятствіями при выполненіи своей задачи: съ одной стороны, онъ могъ пользоваться только разрозненнымъ и весьма неполнымъ историческимъ матеріаломъ, который онъ собралъ весьма тщательно въ историческихъ памятникахъ: русскихъ, византійскихъ, венгерскихъ, польскихъ и арабскихъ (поскольку послѣдніе могли быть доступны автору въ переводѣ на русскій или другіе европейскіе языки); съ другой стороны, при невозможности пользоваться подлиннымъ текстомъ восточныхъ писателей и сличеніемъ между собою тюркскихъ языковъ, авторъ невольно долженъ былъ ограничить въ этомъ отношеніи свои выводы и отказаться отъ цѣлаго ряда историческихъ указаній.

Не смотря однако на указанныя трудности, г. Голубовскому удалось свести довольно полную картину исторіи южно-русскихъ степей до XIII ст. Собравъ все, что возможно было собрать въ извѣстныхъ понынѣ источникахъ, авторъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія съ большою осторожностью и съ большимъ критическимъ тактомъ; не смотря на то, что ежеминутно онъ встрѣчалъ широкое поле для догадокъ, онъ пользовался этою возможностью очень умѣренно и въ рѣдкихъ только случаяхъ поставилъ весьма правдоподобныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма осторожныя гипотезы. Къ числу почтенныхъ качествъ, которыми отличается сочиненіе г. Голубовскаго, принадлежитъ высказанное имъ въ

предисловіи и строго выдержанное въ самой книгѣ положеніе, вслѣдствіе котораго авторъ отказывается отъ полемическаго пріема въ изложеніи избраннаго имъ вопроса. »Мы не излагаемъ, говоритъ г. Голубовскій, всѣхъ теорій, существующихъ по тому или другому вопросу, и не разбираемъ ихъ, считая это совершенно излишнимъ балластомъ: разъ мы строимъ свои выводы на основаніи источниковъ первой руки, то этимъ самимъ возражаемъ противъ тѣхъ мнѣній, съ которыми мы не согласны. Мы не пишемъ исторіи разработки вопроса, а изслѣдуемъ самый вопросъ«. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что избранный имъ пріемъ проще, скромнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣе для самостоятельной разработки предмета, чѣмъ пріемъ полемическій, при которомъ авторъ можетъ высказать и свое остроуміе, и свою эрудицію, но который невольно отвлекаетъ его на каждомъ шагу отъ прямой цѣли его изслѣдованія и очень часто замѣняетъ эту цѣль второстепенными вопросами, дающими поводъ къ спору, и отодвигаетъ ее невольно на задній планъ сочиненія. Другой критическій пріемъ, несомнѣнно весьма цѣнный въ историческомъ изслѣдованіи, высказанъ авторомъ также въ его предисловіи: »Въ своемъ трудѣ мы обращаемъ главное вниманіе на источники первой руки... Мы желаемъ, чтобы намъ были указаны наши ошибки на основаніи источниковъ первой руки. Ими-же и только ими одними мы будемъ защищать свои положенія«. Послѣдній пріемъ авторъ старался дѣйствительно примѣнить, по мѣрѣ возможности, въ своей книгѣ, но, къ несчастью, скудный матеріалъ источниковъ первой руки не всегда дозволилъ ему строго слѣдовать по указанному пути; во временамъ онъ былъ поставленъ въ необходимость прибѣгать къ наведеніямъ изъ болѣе позднихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыя соображенія долженъ былъ заимствовать изъ источниковъ далеко не первой руки. Впрочемъ нельзя не признать, что подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ книгѣ г. Голубовскаго относительно рѣдко и весьма добросовѣстно имъ-же отмѣчены.

Сочиненіе г. Голубовскаго раздѣлено по содержанію на 6 главъ. Въ первой изъ нихъ, озаглавленной: »Степи до появленія печенѣговъ (т. е. до IX ст.), авторъ старается представить картину южно-русскихъ степей въ ту отдаленную эпоху; онъ пришелъ къ заключенію, по собраннымъ имъ свидѣтельствамъ, что степи въ то время были далеко не такъ пустынны, какъ въ послѣдствіи; значительная часть ихъ была покрыта лѣсомъ, другая пересѣкалась лѣсными грядами; лѣса давали возможность селиться осѣдлому населенію и составляли естественное препятствіе для вторженій первыхъ кочевниковъ. Славянское населеніе занимало всю степную полосу до моря; авторъ особенно тщательно со-

бралъ доказательства въ пользу того положенія, что славянское населеніе существовало въ то время въ бассейнѣ Дона и простиралось сплошными поселеніями къ юго-востоку до Тмутаракани.—Вторая глава посвящена исторіи печенѣговъ, торковъ и половцевъ до нашествія татаръ; авторъ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о кочевьяхъ этихъ народовъ въ средней Азіи и въ юго-восточной Европѣ, устанавливаетъ ихъ общее происхожденіе и, указавъ на принадлежность ихъ къ тюркскому племени, наравнѣ съ турками сельджуками и османами, ставитъ гипотезу, что всѣ названные народы правдоподобно выдѣлились изъ одного племени »гузовъ«, кочевавшаго въ IX—X столѣтіяхъ въ аралокаспійскихъ степяхъ.

Самая подробная и обстоятельная глава труда »Русь и кочевники« разсматриваетъ отношенія поочередно смѣнявшихся степныхъ ордъ къ славянскому населенію степей и порубежныхъ съ степью мѣстностей. Авторъ въ этой главѣ, не ограничиваясь изложеніемъ собранныхъ имъ фактическихъ данныхъ, характеризируетъ весьма типично политику разныхъ вѣтвей русскаго княжескаго рода по отношенію къ кочевникамъ и весьма подробно устанавливаетъ границы и боевыя линіи со стороны степи, выдвинутыя князьями рязанскими, сѣверскими, переяславскими и кіевскими.

Указавъ на постепенныя смѣны одной орды другою, онъ обращаетъ вниманіе на поселеніе остатковъ вытѣсненныхъ ордъ въ предѣлахъ Руси и даетъ весьма конкретный и живой очеркъ Черныхъ Клобуковъ и того положенія, какое они занимали на югѣ Россіи.

Четвертая глава озаглавлена: »Судьбы окраиннаго славянскаго населенія«; г. Голубовскій собралъ въ ней свѣдѣнія, сохранившіяся о томъ славянскомъ населеніи, которое заселяло южно-русскія степи до прихода печенѣговъ и которое, по его мнѣнію, въ значительной мѣрѣ уцѣлѣло въ южныхъ степяхъ отъ Дона до Прута, не смотря на завоеваніе этихъ степей кочевниками. Это изслѣдованіе г. Голубовскаго отличается совершенною самостоятельностью и возбуждаетъ весьма живой интересъ. Онъ указываетъ, какъ на остатки славянскаго поселенія, на Тмутаракань, затѣмъ въ степяхъ у Дона онъ видитъ его остатки въ упоминаемыхъ лѣтописью городахъ: Тарукани, Сугровѣ, Балинѣ, Чешлюевѣ; онъ указываетъ на то, что славянское населеніе придонскихъ степей и береговъ Азовскаго моря извѣстно было нашимъ лѣтописцамъ подъ именемъ *бродниковъ*, затѣмъ онъ переходитъ къ очерку такихъ-же славянскихъ поселеній въ степяхъ, занятыхъ кочевниками, на западной степной территоріи, указываетъ на существовавшіе въ этой территоріи въ удѣльно-вѣчевое время города: Олешье, Бѣлгородъ, Черный городъ (Очаковъ),

Малый Галичь, Берладь, Текучій и устанавливаетъ названіе »берладники«, какъ имя, подъ которымъ современникамъ извѣстно было славянское населеніе юго-западныхъ степей. Главу эту г. Голубовскій заключаетъ гипотезою, поставленною впрочемъ весьма осторожно, о томъ, что въ берладникахъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть первоначальное козачество. Гипотеза эта несомнѣнно очень остроумна, но, какъ намъ кажется, не можетъ быть обставлена сколько нибудь удовлетворительно научными данными, вслѣдствіе совершеннаго ихъ отсутствія. Желая подкрѣпить ее сколько нибудь вѣскими соображеніями, г. Голубовскій поставленъ былъ въ необходимость отступить отъ своего обычнаго пріема—основывать свои выводы исключительно на источникахъ первой руки и потому вовлеченъ былъ въ ошибку: съ одной стороны онъ долженъ былъ допустить, вопреки яснымъ свидѣтельствамъ, что Запорожье дало начало осѣдлому козачеству, а не на оборотъ, какъ это явствуетъ изъ древнѣйшихъ современныхъ свѣдѣній о началѣ козачества; съ другой стороны, въ подкрѣпленіе своей гипотезы авторъ принялъ въ основаніе грамоту, данную будтобы запорожцамъ королемъ Стефаномъ въ 1576 г., заимствовавъ ее не изъ источника первой руки, а изъ позднѣйшаго, несомнѣнно апокрифическаго пересказа.

Въ пятой главѣ: »Кочевники у себя« авторъ собралъ всѣ дошедшія до насъ данныя о внутреннемъ бытѣ кочевниковъ. Онъ указываетъ на дѣленіе ихъ на колѣна и роды, на значеніе власти князей, на состояніе у нихъ военнаго дѣла, ихъ бытъ, вооруженіе, привычки, одежду и наружный видъ; указываетъ также и на постепенно развивавшееся среди кочевниковъ культурное вліяніе Руси и на попытки мисіонерской среди ихъ дѣятельности.

Наконецъ шестая глава разсказываетъ исторію изгнанія изъ степей половцевъ татарами; авторъ прослѣдилъ судьбу половецкаго народа до его исчезновенія въ исторіи и указалъ выселеніе ихъ частью въ предѣлы Руси, частью на Балканскій полуостровъ, въ Венгрію и даже въ Египетъ.

Вообще книга г. Голубовскаго представляетъ весьма серіозное изслѣдованіе по предмету, мало понынѣ разработанному, изъ древнерусской исторіи и содержитъ очень обстоятельный очеркъ отношеній южо-русскаго населенія къ сосѣдямъ, составлявшимъ въ теченіи трехъ столѣтій постоянную грозу, висѣвшую надъ этимъ населеніемъ и въ значительной мѣрѣ задержавшую развитіе его культуры и гражданственности.

В. А.

Указатель къ изданіямъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ. Т. II. Имена географическія. Кіевъ, 1883 г. Составилъ И. П. Новицкій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кіевская Археографическая Коммиссія предприняла составленіе отдѣльныхъ указателей къ своимъ изданіямъ, вышедшимъ въ свѣтъ въ теченіе 34-хъ-лѣтняго существованія ея (съ 1845 по 1877 г.) и составившимъ 27 отдѣльныхъ томовъ. По плану Коммиссіи, это изданіе должно составить три отдѣла: 1) указатель личныхъ именъ, 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Въ 1878 г. вышелъ въ свѣтъ I томъ этого изданія, составленный также г. Новицкимъ; теперь-же предъ нами находится II томъ того-же изданія, представляющій, подобно I-му, очень увѣсистую книгу, въ объемѣ болѣе 60-ти печатныхъ листовъ.

По своему характеру, Указатель г. Новицкаго значительно отступаетъ отъ общепринятаго типа указателей: это не есть только простой *сводъ* упоминаемыхъ въ источникахъ географическихъ именъ со ссылками на страницы; въ немъ составитель старается пріурочить каждое *имя* къ *предмету*, къ той или иной по возможности точно опредѣленной мѣстности, съ точнымъ обозначеніемъ ея географическаго положенія, современнаго названія и административной принадлежности—въ прошломъ и въ настоящемъ. Мало того, при весьма многихъ географическихъ именахъ приведены указанія на такіе предметы, которые собственно выходятъ за предѣлы географическаго указателя, или относятся къ другимъ его отдѣламъ. Напримѣръ, подъ названіемъ г. *Кіева* мы встрѣчаемъ не однѣ только ссылки на источники, въ которыхъ упоминается этотъ городъ, но сверхъ того имѣемъ слѣдующія частныя указанія, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ: *Академія* кіевская, при чемъ перечислены всѣ упоминаемые въ источникахъ ректоры ея, префекты и профессоры; всѣ *урочища* г. Кіева, о какихъ только упоминается въ источникахъ, *улицы*, *дворы*, даже *дома*; всѣ *церкви*, *монастыри*, *костелы*, съ перечнемъ священниковъ, игуменовъ, церковныхъ имѣній; *замокъ* съ именами городничихъ; всѣ кіевскія учрежденія: *митрополія* съ именами митрополитовъ, *губернія* съ именами губернаторовъ, *козацкій полкъ* съ именами полковниковъ и пр. и пр., наконецъ—случившіяся въ г. Кіевѣ историческія и другія *событія*—войны, сеймики, пожары и т. под. Такимъ образомъ можно сказать, что каждое почти географическое имя представляетъ въ Указателѣ г. Новицкаго готовый сводъ данныхъ, на основаніи которыхъ легко можетъ быть составлена полная (на сколько позволяютъ источники) исторія данной мѣстности, и въ этомъ смыслѣ г. Новицкій вполнѣ основа-

тельно назвалъ свой трудъ »*Матеріалами для исторической географіи Южной и Западной Россіи*«.

Кто пользовался изданными историческими матеріалами въ ихъ, такъ сказать, сыромъ, необработанномъ видѣ, тотъ легко пойметъ тѣ громадныя трудности, какія, безъ сомнѣнія, пришлось преодолѣвать составителю подобнаго систематическаго Указателя при опредѣленіи, напр., мѣстностей съ одинаковыми названіями, или мѣстностей, подвергавшихся неоднократнымъ переименованіямъ и даже исчезнувшимъ безслѣдно съ лица земли, или, наконецъ, мѣстностей, названія которыхъ въ источникахъ иногда бываютъ испорчены до неузнаваемости и т. под. Въ такихъ случаяхъ изслѣдователю приходится подвергать тщательному многократному анализу всѣ мѣста въ источникахъ, въ коихъ упоминается данная мѣстность, и прибѣгать къ цѣлому ряду различныхъ сопоставленій, соображеній и домысловъ. Безъ сомнѣнія, такую-же чисто критическую работу приходилось г. Новицкому совершать почти на каждомъ шагу при составленіи его настоящаго труда. Къ сожалѣнію, онъ скрылъ отъ насъ тѣ критическіе пріемы, какими онъ пользовался при этомъ, и потому намъ не всегда ясны основанія его выводовъ. Напримѣръ ему пришлось встрѣтить въ источникахъ цѣлый рядъ мѣстностей съ именемъ *Каменки* въ значеніи поселеній, рѣкъ и урочищъ. Для пользующагося Указателемъ г. Новицкаго остается неизвѣстнымъ, почему въ такихъ-то мѣстахъ источниковъ Каменка означаетъ *деревню* херсонскаго уѣзда, а въ такихъ-то *слободу* того-же херсонскаго уѣзда, или въ такихъ-то мѣстахъ Каменка есть лѣвый притокъ р. Роси, впадающій въ *васильковскомъ уѣздѣ*, а въ такихъ-то тоже лѣвый притокъ Роси, но впадающій въ *каневскомъ уѣздѣ*, или еще: почему упоминаемое въ актахъ XVI в. поселеніе *Новогородчичи* есть именно теперешняя деревня острожскаго уѣзда *Новорочинцы*. Вѣроятно, составитель имѣлъ достаточныя основанія для подобныхъ утвержденій; но онъ, повторяемъ, не посвятилъ лицъ, имѣющихъ пользоваться его Указателемъ, въ тайну своихъ соображеній и тѣмъ поставилъ ихъ въ необходимость или слѣпо вѣрить его опредѣленіямъ, или-же по поводу каждаго, подобнаго вышеуказаннымъ имени самимъ производить ту критическую работу, какую пришлось произвести ему самому при составленіи настоящаго труда. Очевидно, что книга г. Новицкаго весьма нуждается въ особомъ предисловіи, въ которомъ были-бы предложены читателю тѣ необходимыя объясненія, о которыхъ мы намекаемъ. Если такое предисловіе почему-то не было приложено къ самой книгѣ, то, намъ кажется, оно могло-бы быть и отдѣльно напечатано.

Еще одно замѣчаніе. Всѣ поселенія, лежащія въ нынѣшней Галиціи, опредѣляются въ Указателѣ г. Новицкаго не по административной

ихъ принадлежности къ округамъ или повѣтамъ, а по *деканатамъ*. Это опредѣленіе настолько-же удобно при пользованіи его Указателемъ, какъ еслибы кто вздумалъ опредѣлять поселенія, лежащія въ Россіи, не по губерніямъ и уѣздамъ, а по духовнымъ *благочиніямъ*...

Ограничиваемся этими замѣчаніями, минуя мелочные недосмотры, неизбѣжные при столь капитальномъ и объемистомъ изданіи, и скажемъ въ заключеніе, что Указатель г. Новицкаго во всякомъ случаѣ составляетъ настолько драгоцѣнную справочную книгу, что навѣрное всякій, кто будетъ ею пользоваться, не разъ скажетъ составителю ея большое »спасибо«.

О. Л

Записки Іосифа, митрополита литовскаго, изданныя императорскою академіею наукъ, по завѣщанію автора. Т. I, II и III. in q—to. Спб. 1883 г. Ц. 12 р.

23 ноября 1868 г. скончался величайшій изъ іерарховъ нашей церкви, литовскій митрополитъ Іосифъ Сямашко. На всемъ протяженіи ея исторіи трудно найти имя, равное ему по исключительности его положенія, великости совершеннаго имъ дѣла, по уму, энергіи и глубокому пониманію судебъ русскаго народа, нуждъ церкви и государства. На ряду съ нимъ можетъ быть поставлено имя дѣйствовавшаго при другихъ обстоятельствахъ знаменитаго кіевскаго митрополита Петра Могилы. Съ именемъ митр. Іосифа Сямашки неразрывно связано одно изъ самыхъ крупныхъ событій нынѣшняго и другихъ столѣтій—возвращеніе къ православію полутора милліона русскихъ обитателей Бѣлоруссіи и Литвы, пріобщеніе ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ русской народности, возстановленіе тамъ вѣками попраннаго православія, пробужденіе угасавшаго народнаго сознанія, подъемъ русской власти и силы и закрѣпленіе за Россіею всего сѣверо-западнаго края. Дѣло возсоединенія уніатовъ во всемъ сѣверо-западномъ и даже юго-западномъ краѣ принадлежитъ м. Іосифу Сямашкѣ всецѣло и безраздѣльно, и исторія этого дѣла, равно утвержденія возсоединенныхъ въ православіи, тянувшаяся десятки лѣтъ, есть только исторія тяжелой борьбы этого великаго дѣятеля съ колебаніями самаго правительства нашего и тѣми препятствіями, какія ставились ему не только противною партіею, но не рѣдко русскими властями.

Изданныя теперь Записки митр. Іосифа Сямашки представляютъ богатѣйшій, ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ какъ для исторіи возсоединенія уніатовъ въ 1839 г., такъ и въ частности для біографіи глав-

наго виновника онаго. Собственно Записки, писанныя собственноручно митр. Іосифомъ, занимаютъ немного меньше половины I-го тома, около 300 стр., остальныя свыше 450 стр. этого тома, равно весь II и III томы наполнены офиціальными и частными разнаго рода документами, касающимися веденнаго авторомъ Записокъ дѣла возсоединенія. Записки представляютъ собою связное и послѣдовательное изложеніе того, что дается массою предложенныхъ документовъ, на которые авторъ въ соотвѣтственныхъ мѣсахъ дѣлаетъ ссылки и указанія. Онѣ писаны разновременно, обнимаютъ собою различные періоды описываемаго событія и подраздѣляются на *пять* частей, къ каждой изъ которыхъ пріурочена особая группа документовъ, въ ней объясняемыхъ. Часть *первая*, писанная въ октябрѣ 1850 г., обнимаетъ собою дѣтство и воспитаніе автора Записокъ, переходъ его изъ Вильны Петербургъ, въ первые годы его службы и выступленіе съ первымъ проэктомъ мѣръ къ возвращенію уніатовъ къ православію. Часть *вторая* писана въ мартѣ 1861 г.; она очерчиваетъ положеніе уніатовъ до 1828 г., выдѣленіе ихъ изъ общей съ римско-католиками юрисдикціи и цѣлый рядъ принятыхъ по проэкту Іосифа Семашки мѣръ къ радикальному измѣненію управленія и состоянія уніатской церкви съ цѣлью приближенія ея къ православной грекороссійской церкви, вообще событія 1828 – 1836 г. Часть *третья*, написанная въ апрѣлѣ того-же года, излагаетъ рѣшительный поворотъ въ ходѣ уніатскаго вопроса, начавшійся съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ св. синода гр. Протасова, подписаніе уніатскою іерархіею акта возсоединенія и постепенное осуществленіе этого дѣла съ надлежащею постановкою дѣла православія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, въ періодъ времени 1837—1844 г. Часть *четвертая*, написанная въ октябрѣ 1861 г., обнимая время 1844—1851 г., рисуетъ тягостный застой въ дѣлѣ возсоединенныхъ и не менѣе тягостное положеніе самаго виновника этого дѣла, приводившее его къ мысли удалиться на покой. *Пятая* часть, написанная въ ноябрѣ того-же 1861 г. и касающаяся событій въ судьбѣ возсоединенныхъ 1852—1860 г., даетъ общій очеркъ всего дѣла обращенія уніатовъ, съ характеристикою главныхъ гражданскихъ дѣятелей и самаго митрополита Іосифа.

Понимая, какъ никто можетъ быть другой, громадное значеніе совершеннаго имъ дѣла для церкви и государства, митр. Іосифъ не желалъ, чтобы память объ этомъ дѣлѣ и о немъ лично, перешла въ потомство съ тѣми превратными сужденіями и толками, какіе разсѣевались о нихъ всюду враждебною латино-польскою партіею, и зная всю цѣну принадлежавшихъ ему лично документовъ, не рѣшался отдать на долю случая ихъ цѣлость и обнародованіе, но подобравъ ихъ за жизни въ

извѣстномъ порядкѣ, связавъ и пополнивъ во многомъ ему одному доступными объясненіями, подъ общимъ заглавіемъ своихъ бумагъ, хранилъ эти драгоцѣнныя рукописи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ особомъ сундукѣ, завѣщавъ передать ихъ послѣ его смерти въ академію наукъ, избравшую его своимъ почетнымъ членомъ, съ просьбою вскрыть и издать эти бумаги, по ея усмотрѣнію, на особую, имъ-же назначенную, сумму пять тысячъ рублей, въ видѣ непрерывнаго доходнаго билета его имени.

Академія наукъ издала Записки м. Іосифа въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставилъ ихъ авторъ, безъ всякихъ опущеній и перемѣнъ, снабдивъ ихъ указателемъ личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ Запискахъ, что само собою вызывалось обширностію изданія и научнымъ его назначеніемъ; къ изданію приложены три портрета автора Записокъ: къ первому тому портретъ его въ санѣ уніатскаго епископа, ко второму—въ санѣ православнаго архіерея и къ третьему—въ санѣ митрополита, въ преклонныхъ лѣтахъ.

Трудно, совсѣмъ почти не возможно въ короткой журнальной замѣткѣ объ этомъ изданіи ознакомить читателей съ богатѣйшимъ его содержаніемъ. И самыя Записки м. Іосифа, и приложенія полны такого высокаго интереса, что положительно не знаешь, чему отдать въ нихъ преимущество. Если все это обширное изданіе посвящено безраздѣльно дѣлу возсоединенія уніатовъ 1839 г. и даетъ неоцѣнимый матеріалъ для ознакомленія съ этимъ дѣломъ и творцемъ онаго м. Іосифомъ, то въ обстоятельствахъ, подготовлявшихъ это дѣло, сопровождавшихъ осуществленіе онаго и послѣдовавшихъ за нимъ, какъ нельзя болѣе отражаются съ одной стороны могущество и сила латино-польской партіи на всемъ пространствѣ Бѣлоруссіи и Литвы, крайнее обнищаніе и приниженіе уніатской церкви, съ другой—безсиліе русской власти и русскаго элемента въ русскихъ областяхъ и колебательная политика нашихъ высшихъ сферъ въ правленіе даже такого твердаго государя, какимъ былъ императоръ Николай I-й. Газеты наши, какъ только появилось это изданіе въ нынѣшнемъ году, отдавъ ему заслуженную цѣну, извлекли изъ него то, что такъ сказать бьетъ въ глаза,—отдѣльные нѣкоторые эпизоды, въ особенности прямодушные и не всегда лестные отзывы м. Іосифа о тогдашнихъ гражданскихъ дѣятеляхъ, прикасавшихся къ уніатскому вопросу, каковы Д. Н. Блудовъ, гр. П. А. Протасовъ и виленскіе генералъ-губернаторы: кн. Долгоруковъ, О. Я. Марковичъ, И. Г. Бибиковъ и Вл. И. Назимовъ. Насъ интересуетъ сущность самаго дѣла возсоединенія, его ходъ и система, а также характеристическія черты м. Іосифа и его положеніе между двумя противными сторонами: православно-рус-

скою и латино-польскою. Представимъ ихъ хотя въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ.

Возсоединеніе уніатовъ Бѣлоруссіи и Литвы съ православною церковью привлекло въ свое время вниманіе православнаго и католическаго міра и въ послѣднемъ вызвало ожесточенные нападки на наше правительство и личность Симашки; стоустая молва, съ помощію заграничной печати, распространяла самые невѣроятные толки и извѣстія, сводившіеся къ тому, что возсоединеніе было актомъ варварскаго насилія съ одной, честолюбія и продажности съ другой стороны. Такіе толки и извѣстія долго бродили въ нашемъ не только польско-католическомъ, но отчасти и православномъ обществѣ; отголоски ихъ остались кой-гдѣ и теперь. Между тѣмъ, прочитавъ записки митр. Іосифа, самый предубѣжденный человѣкъ не можетъ не признать, что тутъ по самому существу дѣла и личнымъ качествамъ Симашки не могло быть ничего подобнаго тому, что съ такою увѣренностію въ свое время утверждали враги православія. Въ изданныхъ теперь Запискахъ дѣло возсоединенія раскрывается во всей его сокровенности и полнотѣ, со всѣмъ его ходомъ и системой, отъ первой мысли о возсоединеніи до послѣднихъ дѣйствій относительно утвержденія возстановленнаго православія. Записки даютъ намъ слѣдующія несомнѣнныя, документально подтверждаемыя данныя. Во 1-хъ мысль о возсоединеніи уніатовъ зародилась самостоятельно и совершенно независимо отъ какихъ либо постороннихъ вліяній въ душѣ Іосифа Симашки, зародилась подъ вліяніемъ впечатлѣній дѣтства и при исключительныхъ условіяхъ его домашняго воспитанія, развивалась при дальнѣйшемъ образованіи и ознакомленіи съ исторіею римской и уніатской церкви и укрѣпилась при ближайшемъ знакомствѣ Симашки съ печальнымъ положеніемъ уніатской церкви, когда онъ сталъ сначала членомъ луцкой уніатской консисторіи, а потомъ членомъ римско-католической коллегіи по департаменту уніатскихъ дѣлъ, окончательно-же выражена имъ въ формѣ стройнаго проэкта въ запискѣ совершенно частнаго характера, написанной имъ въ ноябрѣ 1827 г. по поводу случайнаго разговора съ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Карташевскимъ, который, безъ вѣдома и согласія автора, передалъ ее министру просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишкову, а этотъ представилъ государю Николаю Павловичу; во 2-хъ мысль эта, по тогдашнимъ нашимъ взглядамъ на присоединенныя отъ Польши провинціи и совершенному незнакомству съ ихъ исторіею и современнымъ составомъ и положеніемъ, не могла возникнуть въ правительственныхъ сферахъ и совершенно чужда была нашей недавней относительно ихъ политикѣ, по которой мы великодушно рѣшались возвратить ихъ нами-же возста-

новляемой Польшѣ, а потому въ своемъ развитіи и осуществленіи встрѣчала массу недоумѣній, колебаній и препятствій и если доведена до окончанія, то, какъ свидѣтельствуетъ авторъ Записокъ, единственно твердою волею имп. Николая, принявшаго ее съ сердечнымъ удовольствіемъ и, прибавимъ отъ себя, видѣвшаго вообще гораздо далѣе своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ политиковъ; въ 3-хъ, къ тому времени унія совершила свой недолгій историческій путь и уже подъ русскимъ владычествомъ приблизилась къ окончательному сліянію съ польско-католическою церковію, потому самою жизнію выдвигался теперь вопросъ о томъ, отдать-ли уніатовъ на жертву латинству и полонизму, или-же возвратить ихъ къ тому, чѣмъ они были прежде, а о выборѣ между тѣмъ и другимъ и вопроса быть не могло; въ 4-хъ подготовительныя дѣйствія къ возвращенію уніатовъ въ нѣдра прав. церкви (о сохраненіи самой уніи, обнаружившей полную свою историческую несостоятельность, не могло быть и рѣчи), по проэкту Симашки, были столь-же естественны, какъ и справедливы, и состояли въ отдѣленіи уніатовъ отъ общей римско-католической юрисдикціи, установленіи отдѣльнаго управленія уніатскою церковью, обновленіи состава высшей уніатской іерархіи свѣжими и надежными силами, въ очищеніи уніатскаго богослуженія отъ болѣе важныхъ латинскихъ примѣсей, а уніатскаго клира отъ ярыхъ папистовъ, возстановленіи въ уніатскомъ духовенствѣ сильно упавшей дисциплины, освобожденіи уніатскихъ школъ отъ надзора и гнета монаховъ-базиліанъ, постепенномъ перевоспитаніи въ духѣ намѣченной реформы и конечной ея цѣли какъ наличнаго священства, такъ и будущихъ пастырей церкви и наконецъ въ негласномъ, личномъ соглашеніи на дѣло возсоединенія выдающихся въ уніатскомъ клирѣ лицъ, съ отобраніемъ отъ нихъ письменныхъ въ этомъ росписокъ; въ 5-хъ самое возсоединеніе подраздѣлилось на два отдѣльные акта: возсоединеніе *de jure* и возсоединеніе *de facto*, изъ которыхъ первое состояло въ подписаніи представителями уніатской церкви соборнаго о семъ постановленія, утвержденіи онаго св. синодомъ и государемъ, но безъ оглашенія его и тѣмъ болѣе какихъ либо церемоній и обрядовъ, а второе совершалось постепенно, въ теченіи долгаго времени, и состояло въ подчиненіи возсоединившихся епископовъ и ихъ епархій вѣдѣнію и управленію св. синода, въ устроеніи уніатскихъ церквей и всей обрядности уніатской по чину православной церкви и постепенной замѣнѣ уніатскими епископами и священниками ихъ костюма и внѣшняго вида общимъ всему православному русскому духовенству. Собственно народъ, въ видѣ массы крестьянскаго уніатскаго населенія Бѣлоруссіи и Литвы, ничего не зналъ о задуманной и совершенной перемѣнѣ, пока не уви-

цѣлъ ее въ очію въ формѣ измѣненной обрядности, богослуженія и наружнаго вида своихъ пастырей и лишь самымъ дѣломъ вошелъ въ общеніе съ прав. церковью. Это вполнѣ совпадало и съ тогдашнимъ совершенно безправнымъ положеніемъ нашего крестьянства, и съ особымъ воззрѣніемъ уніатско-католической церкви и самаго Симашки, что въ дѣлѣ вѣры паства должна слѣдовать за своими пастырями.

Таковы существенныя данныя относительно памятнаго возсоединенія 1839 г., представляемыя разсматриваемымъ нами изданіемъ.—Почти половина Записокъ и приложеній къ нимъ заключаютъ не менѣе драгоцѣнный матеріалъ для исторіи утвержденія православія въ сѣверо-западномъ краѣ и возведенія его по внутреннему и наружному положенію на ту высоту, которая отвѣчала бы ему, какъ исповѣданію господствующему. Къ сожалѣнію, славная дѣятельность въ семъ отношеніи митр. Іосифа и его долгая неутомимая борьба съ препятствіями, лежавшими на этомъ пути, не обнимаются Записками во всей полнотѣ, такъ какъ самыя Записки доведены лишь до 1861 г., а смерть митр. Іосифа послѣдовала въ концѣ 1868 г. Перо автора Записокъ не коснулось послѣдняго 8-ми лѣтняго періода въ его жизни, когда ему пришлось переживать примирительную политику нашу предъ возстаніемъ 1863 г., быть свидѣтелемъ пламени возстанія, грозившаго истребить все дѣло рукъ его, порадоваться на короткое время пробужденію духа народнаго, торжеству надъ усиліями противниковъ, возстановленію въ самой резиденціи митрополита—Вильнѣ многихъ памятниковъ православія и закрыть глаза на вѣки при видѣ начинавшейся шутовской игры въ дружбу въ управленіе Потапова.

Впрочемъ и того, что даютъ намъ о жизни и дѣятельности митр. Іосифа изданныя теперь его Записки и приложенія, слишкомъ достаточно, чтобы получить ясное представленіе объ этомъ великомъ дѣятелѣ недавняго времени и опредѣлить его характеристическія черты. Сынъ »уніатина«, жителя с. Павловки, кіевской губерніи, липовецкаго уѣзда, ставшаго впослѣдствіи уніатскимъ священникомъ въ м. Илинцахъ, Іосифъ Симашко происходилъ изъ древней бѣлорусской дворянской фамиліи. Неизвѣстно, когда предки его перешли въ Украйну;. но уже дѣдъ его былъ священникомъ въ Павловкѣ,—въ такой степени уніатскимъ, что носилъ бороду и длинные волосы, а за приверженность къ русскимъ едва случайно избавился отъ польской висѣлицы. Мать Симашки и въ старости не знала польскаго языка, а отецъ его, занимавшійся до принятія священства въ 1811 г. чумачествомъ, не польскою, конечно, рѣчью пробавлялся, когда ходилъ въ Крымъ за солью и на Донъ за рыбой; въ домѣ ихъ не слышалась польская рѣчь и языкомъ семьи былъ при-

родный малорусскій языкъ. »Родина моя, пишетъ митр. Іосифъ, была поприщемъ двухъ-вѣковой борьбы между малороссіянами, защищавшими свою вѣру и народность, и ихъ притѣснителями—поляками. Я слушалъ разсказы этого народа, прикрашенные ѣдкими сарказмами на своихъ притѣснителей, внималъ съ дѣтскимъ сочувствіемъ его стонамъ, и этотъ мѣстный духъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе«. О страстной его любви къ народнымъ пѣснямъ мы знаемъ изъ разсказовъ свидѣтелей его дѣтства[1]) и самъ онъ говоритъ: »насъ дѣтей отецъ заставлялъ въ праздничное послѣобѣднее время пѣть малороссійскія пѣсни, подъ игру не безъискусную его скрипки«. »Но самое пламенное удовольствіе моего дѣтства, замѣчаетъ онъ далѣе, было слушать сказки. Я просиживалъ до полуночи, вставалъ съ первымъ пѣтухомъ, если кто изъ служителей потѣшитъ бывало меня сказкой. Самъ отецъ былъ мастеръ разсказывать и часто въ длинные зимніе вечера дѣлалъ намъ дѣтямъ это удовольствіе. Но удивительный разскащикъ былъ безногій Ѳедько, который часто портняжилъ въ домѣ моихъ родителей. Этого я готовъ былъ слушать день и ночь, и когда впослѣдствіи читалъ о восточныхъ разскащикахъ, то всегда представлялъ себѣ стараго Ѳедька—его сказки хоть-бы вписать въ тысячу и одну ночь«. Съ другой стороны унія, въ которую по крещенію былъ записанъ будущій ея искоренитель, совсѣмъ не коснулась его въ дѣтствѣ. Симашко родился въ 1798 г., т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ съ присоединеніемъ края къ Россіи народъ самъ оставилъ ненавистную унію. Мать Симашки водила его въ православную церковь, отецъ самъ посѣщалъ эту церковь, пока не сталъ уніатскимъ священникомъ. Учителемъ Іосифа былъ православный дьячекъ Бочковскій и если обучилъ его польскому чтенію, то лишь потому, что безъ этого нельзя было въ школы поступить. Въ домѣ отца были кое-какія книги. »Я перечитывалъ ихъ съ жадностію, пишетъ авторъ Записокъ; библію прочелъ три раза, римскую и англійскую исторію зналъ почти наизустъ«. Къ гимназіи 12-лѣтній Іосифъ Симашко оказался настолько подготовленнымъ, что хотя поступилъ въ первый классъ, но нерѣдко былъ призываемъ во второй отвѣчать за лучшихъ учениковъ. Прилежаніе и память его были необыкновенны; во всѣхъ классахъ онъ шелъ первымъ. Но въ гимназіи царилъ непотизмъ, взяточничество; большинство учащихся были дѣти зажиточной польской шляхты, богатыхъ пановъ, квартировали у учителей; платившіе больше занимали первыя въ классѣ скамьи, уніаты-поповичи мѣстились на *Запорожьѣ*. Вдругъ распоря-

[1]) См. іюньск. кн. »Кіевск. Стар.« на 1884 г., стр. 334 и 335.

женіе изъ виленскаго университета, которому подчинены были гимназіи,— разсадить учениковъ по успѣхамъ, и уніаты-поповичи, числомъ семь, заняли первую скамью, а первымъ въ ряду ихъ сѣлъ Симашко. Съ годами и развитіемъ ослабѣла въ немъ память, но развилась способность и страсть къ математикѣ. Первымъ онъ оканчиваетъ курсъ гимназіи въ 1816 г. и переходитъ въ виленскій университетъ на богословскій факультетъ. Для воспитанниковъ этого факультета, католиковъ и уніатовъ, было особое помѣщеніе и учрежденіе, подъ названіемъ *Главной Семинаріи*. Здѣсь читались имъ уроки профессорами университета, здѣсь, въ этомъ общежитіи, на казенный счетъ, по особой системѣ велось ихъ воспитаніе и вся подготовка къ спеціальному служенію. Весь строй и духъ заведенія былъ ультра польско-католическій; но » думаю,—замѣчаетъ авторъ Записокъ,—ни въ одной православной академіи воспитанники не услышатъ о злоупотребленіяхъ римской церкви того, что я слышалъ тамъ; противъ православной церкви намъ ничего не говорили, вѣроятно боялись... и безъ предъубѣжденія противъ сей послѣдней выѣхалъ я изъ Вильны, напротивъ съ важными предъубѣжденіями противъ римской«. Духъ воспитателей и совоспитанниковъ былъ явно враждебный Россіи; русскихъ книгъ нигдѣ нельзя было достать, и когда товарищъ Симашки Антоній Зубко добылъ гдѣ-то № стариннаго журнала *Улей* и оба они накинулись на него въ классѣ въ виду товарищей, послѣдніе подняли шумъ: »развѣ такіе намъ нужны священники, которые забываютъ мать Польшу... сочувствуютъ Россіи?!«... Но былъ старикъ Черняевскій, профессоръ русской словесности. »Это, говоритъ авторъ Записокъ, была настоящая ходячая библіотека разнообразнѣйшихъ свѣдѣній о Россіи; анекдотически, безъ всякаго порядка, но занимательно, съ чувствомъ и душею разсказывалъ онъ вмѣсто урока все, что приходило ему на мысль о Россіи, ея исторіи, геройхъ, ея бытѣ народномъ. Много-бы нужно сочиненій, чтобы узнать то, что узналъ я тогда отъ него... Онъ поселилъ въ моемъ сердцѣ разумное предпочтеніе и любовь къ Россіи«.

Таковы были сѣмена, посѣянныя въ душѣ Симашки семьею и школою! Могли-ли они заглохнуть, могли-ли иной плодъ принести, чѣмъ какой принесли?

Окончивъ курсъ университета со степенью магистра богословія, Симашко, убѣжденный настоятельными совѣтами луцкаго епископа Іакова Мартусевича, рѣшился безженнымъ вступить въ уніатскій клиръ и принять службу въ луцкой уніатской консисторіи. »Я былъ дикъ для свѣта, пишетъ онъ въ своихъ Запискахъ, чуждъ всякихъ свѣтскихъ связей и равнодушенъ къ женитьбѣ... Если женюсь, если займусь хозяйствомъ, приходомъ, если придутъ семейныя заботы, что станется съ моими кни-

гами, куда обратится моя любовь къ чтенію и познаніямъ?« Быстро прошелъ онъ первыя священныя и служебныя степени, далеко раньше всякихъ сроковъ сталъ священникомъ и членомъ консисторіи; но тутъ же онъ увидѣлъ бездну, на краю которой стояла унія: требовалось не много времени, чтобы она поглощена была латинствомъ. Заговорили природные инстинкты, послышались вліянія дѣтства, поднялись соображенія яснаго, положительнаго ума.» Пусть ненавидятъ насъ православные русскіе,—они враги; за что-же обижаютъ *друзья?*« Зародившаяся душевная борьба усилилась въ Симашкѣ, по поводу переѣзда его въ Петербургъ на должность члена коллегіи, вѣдавшей католиковъ и уніатовъ. Повсюду въ Бѣлоруссіи и Литвѣ видѣлъ онъ до невѣроятія бѣдные, на сараи и амбары походившіе уніатскіе храмы, а за Великими Луками, въ долинѣ Ловати, насчиталъ 13-ть каменныхъ, чисто обѣленныхъ, подъ желѣзными крышами православныхъ церквей. Пріѣхалъ въ Петербургъ, тутъ храмы великолѣпные, богослуженіе прекрасное, пѣніе отличное..., тутъ же богатый латинскій костелъ, а для богослуженія уніатскаго, митрополичьяго »скудная бесѣдка«... А въ коллегіи, въ обоихъ департаментахъ, было полное господство латинства и полонизма, ловко опутывавшихъ своими сѣтями самое правительство русское; въ дѣлахъ царили полная несправедливость, пристрастіе, взяточничество. Самъ митр. Булгакъ былъ на сторонѣ римлянъ; въ коллегіи то и дѣло возникали проэкты, гибельные для уніатовъ. Совращенія уніатовъ шли десятками тысячъ. Твердость и смѣлость помогали Симашкѣ иное остановить, иное измѣнить, но удержать потокъ всепожирающей лавы было выше его силъ. Между тѣмъ, еще съ перваго пріѣзда своего въ Петербургъ онъ принялся изучать его; перебывалъ всюду, все пересмотрѣлъ, проникъ въ публичную библіотеку, у одного Глазунова въ одинъ первый годъ перечиталъ болѣе 400 книгъ, а ежегодно тратилъ на покупку ихъ по 100 р. Такъ прошло семь лѣтъ. Съ 1822 г. Симашко былъ протоіереемъ, съ 1823 каноникомъ, съ 1825 прелатомъ; предъ нимъ былъ архіерейскій санъ. Но въ душѣ его происходила невыносимая борьба. »Я давно уже, пишетъ онъ, убѣдился въ православіи восточной церкви, а между тѣмъ принадлежалъ къ западной. Я былъ членомъ, и не маловажнымъ, церкви русской, хотя и уніатской, а между тѣмъ долженъ былъ служить орудіемъ окончательнаго измѣненія оной въ латинскую. Я преданъ былъ Россіи сердцемъ и душой, а между тѣмъ считался для нея чуждымъ и принадлежавшимъ непріязненной для нея Польшѣ«... Борьба разрѣшилась рѣшительнымъ намѣреніемъ его принять православіе и монашество въ александро-невской лаврѣ. Симашко сталъ писать сочиненіе о православіи восточной церкви, довелъ до половины, какъ вдругъ случайная бесѣда съ Карташевскимъ и данная ему записка о

положеніи уніи, о которыхъ мы выше упоминали,—и дальнѣйшая судьба Симашки измѣнится неожиданно и безповоротно.

Такъ совершился въ душѣ Симашки внутренній переворотъ, повлекшій за собою переворотъ всего уніатства, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и первымъ годамъ жизни и службы.

Нуженъ былъ необычайно тонкій и проницательный, обширный и глубокій умъ, чтобы обнять судьбы уніи на всемъ историческомъ ея теченіи, сообразить силы противниковъ, изъ-за нея боровшихся, взвѣсить данныя прежняго и того времени и безъ предубѣжденія и пристрастія рѣшить, при какомъ исходѣ борьбы положеніе исповѣдниковъ уніи можетъ быть естественнѣе и счастливѣе; нужна была быстрая сообразительность, находчивость и практичность, что-бы въ одну ночь написать такой проэктъ возвращенія уніатовъ къ православію, отъ котораго правительство не отступило ни на шагъ до самой развязки всего дѣла. Требовались съ другой стороны необычайная сила воли, крѣпость убѣжденій, увѣренность въ своихъ силахъ и правотѣ дѣла, полное наконецъ самоотреченіе, чтобы бросить вѣрное, почетное и обѣщающее положеніе и пуститься на неизвѣстный, скользкій и опасный путь, способный привести къ полной неудачѣ и разочарованію. И таковы именно были умъ и характеръ Симашки. Чѣмъ далѣе шло, усложнялось и запутывалось дѣло возсоединенія, тѣмъ болѣе раскрывались его зоркость и проницательность, энергія, смѣлость и настойчивость и та особая гибкость, которая отличаетъ людей, стоящихъ между двухъ партій. Ему одновременно приходилось бороться съ коварствомъ и интригами уніатовъ и поляковъ, равнодушіемъ и недовѣріемъ православныхъ, иногда-жъ и съ ихъ не умѣлостію и незнаніемъ дѣла. Въ крайнихъ случаяхъ онъ прибѣгалъ къ крайнимъ рѣшительнымъ мѣрамъ. Смѣлость и прямота его были такъ велики, что одна записка его вызвала замѣчаніе имп. Николая Блудову: »это обвинительный актъ противъ тебя и меня.» Въ 1833 году, уже въ санѣ епископа и когда дѣло о возсоединеніи было въ ходу, но заторможилось отъ нерѣшительности Блудова, Симашко явился въ синодъ съ прошеніемъ о присоединеніи его лично къ православію, что равносильно было отреченію отъ дѣла, и хотя не подалъ прошенія, потому что не могъ дождаться оберъ-прокурора, который ввелъ-бы его въ присутствіе, но этимъ шагомъ рѣшительно подвинулъ дѣло впередъ. Тотъ же пріемъ и съ такимъ-же успѣхомъ онъ повторилъ въ 1836 г. и подвинулъ дѣло къ рѣшительной развязкѣ. Отказъ въ средствахъ для устройства возсоединенныхъ епархій и поднятія православія съ внѣшней стороны на подобающую ему въ центрѣ католицизма высоту, а также въ удовлетвореніи другихъ пред-

ставленій Симашки заставлялъ его выступать съ прошеніемъ объ отставкѣ, какъ было въ 1842, 46 и 51 г., и каждый разъ онъ выходилъ изъ затрудненія съ торжествомъ. Лично для себя онъ ничего не просилъ и ничего, кромѣ обычныхъ наградъ и пенсіи въ 6,000 р., не получалъ, отказавшись на отрѣзъ отъ возвышенія ея до 10,000 р. Но онъ былъ ревнивъ къ судьбѣ созданнаго имъ дѣла и отстаивалъ и поддерживалъ его цѣлость и зоркимъ наблюденіемъ за дѣйствіями противной партіи, и искусною политикою съ мѣстными и высшими властями, письмами, записками и изрѣдка печатными статьями. Положеніе его въ завоеванной имъ Вильнѣ и краѣ было всегда въ высшей степени напряженное и трудное и требовало особаго такта, умѣнья, хладнокровія и терпѣнія. Побѣжденные имъ противники не могли простить ему своего посрамленія и громаднаго урона, распускали о немъ небылицы, подкапывались подъ него со всѣхъ сторонъ. Въ то-же время русскіе администраторы играли не рѣдко въ руку польской партіи, по недомыслію и другимъ причинамъ, а ихъ чиновники, закупленные панами, и прямо дѣйствовали во вредъ ему. Съ другой стороны въ средѣ чиновныхъ русскихъ, особливо военныхъ, было не мало такихъ, которые и къ православію архіепископа и митрополита относились съ недовѣріемъ. Нашелся генералъ, который въ глаза ему назвалъ его служеніе неправославнымъ. Оказалось, что генералъ не зналъ архіерейскаго служенія и считалъ уніатствомъ все, что не сходствовало съ литургіею его полковаго священника. Высшее православное духовенство относилось къ Симашкѣ по временамъ неискренно, церемонно, почти недоброжелательно, опасаясь его новаго возвышенія и преобладанія. Особой мудрости и проницательности Симашки надо приписать то, что онъ предупредительно отклонилъ дважды готовившееся ему возвышеніе въ званіе первоприсутствующаго синода, въ видахъ преобразованія церковнаго управленія. Хотя онъ несомнѣнно могъ бы ввести новую струю въ эту сферу, всегда требовавшую нѣкотораго освѣженія; но въ складѣ его мыслей и церковно-практическихъ воззрѣній, въ самомъ образѣ его жизни было нѣчто такое, что могло возбудить противъ него и соархипастырей и самую паству его. Въ 1851 г. просясь въ отставку и опасаясь перемѣщенія, Симашко писалъ государю Николаю Павловичу: »Я не привыкъ къ обычаямъ, нравамъ и самымъ постамъ; не привыкъ къ заученымъ фразамъ и движеніямъ, которыя пріобрѣтаются только изъ дѣтства, и по необходимости покажусь страннымъ среди древне-православнаго населенія, а тѣмъ болѣе среди иноковъ«. Въ нашемъ церковномъ управленіи онъ всегда видѣлъ больше формы, нежели дѣла; сложившійся подъ многоразличными вліяніями образъ его жизни вовсе не походилъ на традиціонную жизнь нашихъ

іерарховъ. Митр. Іосифъ въ своихъ Запискахъ съ подробностію очерчиваетъ привычки и особенности своей жизни. Въ молодые годы, въ санѣ каноника и прелата онъ бывалъ въ театрѣ и отдѣлялъ на это 100 р. въ годъ, читалъ самыя разнообразныя книги, не пропускалъ и Вольтера, игралъ въ карты, хотя рѣдко на деньги; уже въ санѣ архіерея уніатскаго и православнаго, живя въ Жировицахъ, собиралъ у себя по вечерамъ служащихъ съ семействами, допускалъ при томъ музыку и танцы, »развлекался землевѣдѣніемъ, статистическими и политическими соображеніями, а также путями сообщеній« и астрономическими наблюденіями и вычисленіями, любилъ произведенія свѣтской живописи и украшалъ ими свои комнаты въ Вильнѣ и Тринопольской дачѣ, до конца жизни дважды въ недѣлю дѣлился часами досуга съ семьею сестры своей Елены, жены каѳедральнаго протоіерея Гомолицкаго, допускалъ невинное развлеченіе музыкою и пѣніемъ, а на дачѣ игрою и прогулками съ дѣтьми и стряпаньемъ общими силами ужина въ оврагѣ, надъ прудомъ. Привычку къ польскому языку онъ сохранилъ до послѣднихъ дней, но употреблялъ оный лишь съ самыми близкими людьми. Съ переходомъ Симашки въ Вильну, отношеніе его къ постороннимъ было, по его словамъ, »нѣсколько официальное, этикетальное, а въ такомъ положеніи, прибавляетъ онъ, освѣжительнаго развлеченія не найдешь«. »На артистическія произведенія издержалъ я по крайней мѣрѣ 10,000 р. с. Меня, кажется, обвиняли за это, а я не могъ понять, какъ другіе могутъ довольствоваться образами, и то еще безобразными. Вы, господа, обращаетесь съ живымъ міромъ, говорилъ я имъ; не удивляйтесь, что я любуюсь имъ хотя въ картинахъ«. Достойно замѣчанія, что достигши высшихъ почестей и удобствъ жизни, митр. Іосифъ, какъ истый украинецъ, идеаломъ счастья поставлялъ для себя уединенный домикъ, садикъ, прудъ и комнату съ книгами.

Говоря объ авторѣ разсматриваемыхъ Записокъ, не можемъ не сдѣлать въ заключеніе одного историческаго сопоставленія, которое напрашивается, такъ сказать, само собою. За три четверти вѣка предъ воссоединеніемъ бѣло-русско-литовскихъ уніатовъ бѣлорусецъ Георгій Конисскій, архіепископъ могилевскій, своимъ ораторскимъ талантомъ и энергическимъ ходатайствомъ въ Варшавѣ и Петербургѣ поддержалъ Украйну въ борьбѣ ея съ уніею и католичествомъ; теперь Украйна дала Бѣлоруссіи и Литвѣ дѣятеля, который помогъ имъ снять съ себя тѣже вѣковыя оковы и возвратиться къ единой вѣрѣ отцевъ.

Собственно объ изданіи говорить нечего; оно безукоризненно: но цѣна его, 12 р. за 3, хотя и большіе, тома, непомѣрно высокая. Матеріальная стоимость изданія, безъ сомнѣнія, не вынуждала къ назначе-

нію такой цѣны академію наукъ, получившую на это изданіе, по завѣщанію автора, пятитысячный непрерывно доходный билетъ съ процентами—вѣроятно съ 1862 г., т. е. составленія завѣщанія и опредѣленія этой суммы. **А. Н.**

Андріевскій Л.І. Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ 6-й. Кіевъ. 1884 года. 225 стр. Цѣна 50 коп.

Изданіе г. Андріевскаго, шестой выпускъ котораго теперь передъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ скромныхъ, но кропотливыхъ работъ, которыя, не производя въ обществѣ шума и не дѣлая громкой славы издателю, тѣмъ не менѣе приносятъ несомнѣнную и весьма важную пользу для науки. Отряхнуть отъ тлѣющихъ архивныхъ хартій пыль и грязь, извлечь и спасти изъ груды канцелярскихъ переписокъ все, что можетъ намъ освѣтить общественную и бытовую обстановку нашего прошлаго и тѣмъ восполнить пробѣлъ въ нашей исторіографіи,—это трудъ не легкій, не видный, мало благодарный, но тѣмъ не менѣе полезный и важный. Мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ каждый выпускъ изданія г. Андріевскаго и отъ души желаетъ ему успѣха на этой почвѣ.

Читатели »Кіевской Старины« знакомы съ характеромъ изданія по рецензіямъ на прежніе выпуски, а потому я ограничусь только указаніемъ на содержаніе шестого выпуска. Онъ посвященъ главнымъ образомъ г. Кіеву и отчасти его окрестностямъ.

Изъ двѣнадцати отдѣловъ разнообразныхъ матеріаловъ большую половину выпуска занимаютъ послѣдніе два, относящіеся къ питейному вопросу. Въ первомъ изъ нихъ: »Казенные кабаки и корчемство« изложены *in extenso* нѣсколько дѣлъ, возбужденныхъ въ 1738—1754 г.г. о кражѣ денегъ въ казенныхъ кабакахъ и о корчемствѣ отставныхъ солдатъ. Во второмъ (12-омъ) отдѣлѣ: »борьба кіевскаго магистрата съ »неуказнымъ на подступъ мѣсту шинкованіемъ« изложены девятнадцать дѣлъ 1743—1757 годовъ, возникшихъ по поводу нарушеній козаками, проживавшими въ Кіевѣ, и кіевскими монастырями привиллегіи, по которой предоставлялось кіевскому магистрату исключительное право продажи хлѣбнаго вина распивочно и на выносъ въ особыхъ шинковыхъ домахъ въ »нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ«. Дѣла эти возникали или вслѣдствіе ходатайствъ магистрата о закрытіи посторонніхъ шинковъ, или же по жалобамъ монастырей и козаковъ на магистратскихъ »потыжниковъ« и др. урядниковъ за учиненные ими »гвалты, бои и пр.«.

Въ остальныхъ десяти отдѣлахъ матеріалъ довольно разнообразный. Для исторіи землевладѣнія въ прошломъ столѣтіи и для топографіи немалый интересъ представляютъ дѣла по взаимнымъ спорамъ изъ за раз-

ныхъ грунтовъ между монастырями и между этими послѣдними и магистратомъ. Мирныя обители, по общему унаслѣдованному отъ прежнихъ временъ обычаю, прибѣгали иногда къ »гвалтовному« занятію спорныхъ участковъ, какъ это напр. случилось въ 1725 г. въ спорѣ о правѣ на островъ Муромецъ между Днѣпромъ Черторыемъ, когда игуменъ троицкаго монастыря, прогнавъ чиновника, посланнаго отъ ген. губ. канцеляріи, »самовольно и насильно сѣна до щенту восемь скиртъ заграбилъ и перевозилъ на свой берегъ подъ село Троетчину«.

Далѣе не лишены интереса для исторіи промышленности свѣдѣнія о кожевенномъ промыслѣ въ г. Кіевѣ и раскольничьихъ слободахъ въ 1766 г. По именному указу его императорскаго величества были потребованы отъ кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова справки о выдѣлываемыхъ кожахъ, ихъ цѣнности и сбытѣ. Изъ репортовъ оказалось, что »какъ въ самомъ здѣшнемъ городѣ Подолѣ, такъ и въ присутственномъ къ оному подгородьѣ Преоркѣ, Сырцѣ и Куреневщинѣ кожевныхъ фабрикъ никогда не было и нынѣ не состоитъ«, но нашлись »партикулярные мѣщанскіе 22 дома, въ которыхъ сырыя кожи выдѣлываются«. Кромѣ кожъ мѣстнаго убоя, кожемяки скупали еще въ Малороссіи, но выдѣланныя кожи въ отпускную торговлю не шли, а потреблялись на мѣстѣ.

Весьма любопытенъ представленный въ 1747 г. въ кіевскую генералъ-губернаторскую канцелярію кіевскимъ полицмейстеромъ Акимомъ Литвиновымъ проэктъ организаціи въ Кіевѣ полицейскаго надзора. Надзоръ этотъ касался только »великороссійскаго народа людей«, такъ какъ по указу отъ 9 апрѣля 1734 г. »до нижняго города Кіева, прозываемаго Подола, гдѣ только малороссійскаго народа люди особливое жительство имѣютъ, дѣйствительно подъ гетманскимъ региментомъ, и вѣдомы они въ кіевскомъ магистратѣ, кіев. полицмейстерской конторѣ интересоваться не велѣно«. Въ проэктѣ играетъ главную роль вопросъ о безпаспортныхъ людяхъ. Въ утѣшеніе нынѣшнихъ кіевскихъ домовладѣльцевъ, платящихся часто за несвоевременную прописку видовъ, можемъ привести слѣдующую выдержку изъ проэкта: »когда-жъ кто къ себѣ жить пуститъ, оныхъ объявлять подъ опасеніемъ за необъявленія съ обывателей взятія штрафа 50 рублевъ въ годъ«.

Въ 1738 г. по указамъ изъ кабинета его императорскаго величества о сысканіи въ кіево-межигорскомъ монастырѣ янтаря, дѣлались сначала подъ наблюденіемъ капитана Веревкина, а затѣмъ присланнаго изъ генералъ-бергъ директоріи саксонца Питера Пикарта въ продолженіи цѣлаго лѣта раскопки »янтарной руды«. Янтарь дѣйствительно былъ найденъ, но въ весьма маломъ количествѣ и въ мелкихъ кускахъ, а потому »штенгеръ« Пикартъ былъ отозванъ, причемъ велѣно ему привезти найденный янтарь и »такожъ, въ которыхъ мѣстахъ оной янтарь лежалъ, изъ нихъ взять по нѣкоторой части для признаку каждаго слоя земли съ яснымъ описаніемъ«. Ц. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЛЮБОПЫТНАЯ КНИЖИЦА КОНЦА XVIII СТ.

Разнообразный и обширный составъ южно-русской библіографіи прежнихъ временъ далеко еще не опредѣленъ даже простымъ перечневымъ порядкомъ и едвали скоро будетъ исчерпанъ. Интересующемуся южно-русскими изданіями прежняго времени приходится нерѣдко встрѣчаться съ новинками, о которыхъ онъ не мечталъ. Въ частныхъ библіотекахъ и архивахъ, на чердакахъ деревенской глуши попадаются остатки разнообразныхъ изданій, потерявшихъ нынѣ всякое практическое значеніе для своихъ владѣльцевъ, но бросающіе все новые лучи свѣта на наше прошлое въ его культурныхъ и бытовыхъ проявленіяхъ.

Къ числу такихъ остатковъ относится и книжица, съ которою желаю познакомить читателя. Это сборникъ разныхъ секретовъ и лечебныхъ средствъ, необходимыхъ въ »господарствѣ«. Принадлежитъ онъ теперь проф. В. Б. Антоновичу; печатанъ въ 16-ю долю листа; переплетъ недавній, но истрепанный, свидѣтельствуетъ о долгомъ употребленіи книги; заглавнаго листа нѣтъ и потому ни мѣсто, ни годъ изданія, ни имя автора неизвѣстны. По шрифту, бумагѣ и предисловію можно заключить, что книжка напечатана во второй половинѣ XVIII ст., въ одной изъ типографій правобережной Украины; въ предисловіи неизвѣстный авторъ прямо говоритъ, что она напечатана для »поспольства Волынскаго, Кіевскаго, Подольскаго и Брацлавскаго воеводствъ«. Кромѣ заглавнаго листа

въ книжкѣ не достаетъ еще нѣсколькихъ страницъ: послѣ 96-ой слѣдуютъ стр. 103—108, но и изъ нихъ видно, что книга безъ конца.

Предисловіе на польскомъ языкѣ и занимаетъ 6 страницъ, а затѣмъ слѣдующее малорусское заглавіе, печатанное славянскимъ шрифтомъ:

»*Книжиця для господарства, указующая, якъ ратовати въ хоробахъ всякую скотину, то есть, конь, воли, овьци, козы, свинь, якъ бѣлити полотно, якъ боронити пашнь отъ саранчи, якъ ратоватися отъ джумы, якъ губыти гуселницю отъ капусты, якъ ловиты рыбу, якъ губыти мыши и щурь, якъ ратовати скаженіи собаки, якъ ратовати людей, которыхъ собаки скаженіи покусали, якъ ратовати человѣка, который не въ давномъ времени зъ ума зыйдетъ.*

Все содержаніе книги состоитъ изъ наставленій на всѣ показанные случаи. Наставленія изложены по малорусски; напечатаны славянскимъ шрифтомъ; на послѣднихъ шести страничкахъ помѣщены нѣкоторыя изъ тѣхъ же наставленій шрифтомъ польскимъ.

Приведемъ въ русскомъ переводѣ польское предисловіе; оно ознакомитъ насъ съ цѣлью изданія книжки, ея значеніемъ и назначеніемъ.

»До сихъ поръ издаваемы были книги разныхъ лекарствъ языкомъ и шрифтомъ польскимъ. Можно безошибочно утверждать, что чтеніе и разноска такихъ книгъ въ нашемъ русскомъ краѣ не приносили никакой или весьма малую пользу: книги попадали всегда въ руки землевладѣльцевъ поляковъ, въ руки пановъ, а они прочитавъ однажды ради любопытства или желанія развлечься отъ праздности, болѣе не имѣли побужденія въ нихъ заглядывать, будучи заняты свойственными ихъ состоянію забавами, которыя не оставляли времени для испытанія на дѣлѣ совѣтовъ, какъ подавать помощь больнымъ животнымъ.—Вслѣдствіе этого печатаемъ Книжечку лекарствъ для скота, лошадей, овецъ и пр., переведенную изъ польскихъ и другихъ авторовъ на языкъ русскій, обыкновенно употребляемый и понимаемый польскимъ простонародіемъ въ воеводствахъ волынскомъ, кіевскомъ, подольскомъ и брацлавскомъ. Мы употребили даже шрифтъ славянскій, т. е. русскій, какъ знакомый большей части простого народа и такой, которому народъ легче можетъ обучиться«. — »По этому,

мы можемъ разсчитывать, что польскіе подданные, занятые преимущественно земледѣліемъ, зная, что ихъ рабочій скотъ: волы и лошади и часть ихъ имущества, состоящая изъ коровъ, овецъ и свиней, необходимы для ихъ работъ и жизненныхъ потребностей, будутъ со вниманіемъ читать такую книжечку и тѣмъ охотнѣе будутъ ей слѣдовать, что она обѣщаетъ имъ пользу и отвѣчаетъ ихъ требованіямъ«.

»Каждое село въ нашемъ краѣ нуждается въ достаточномъ количествѣ лошадей и воловъ, однако въ сотомъ развѣ селеніи можно розыскать человѣка, который, въ случаѣ заболѣванія лошади или вола, съумѣлъ-бы подать помощь.—Поэтому кстати будетъ предложить всѣмъ владѣльцамъ городовъ и селъ, чтобы они заставляли своихъ подданныхъ смолоду упражняться въ русскомъ чтеніи, чтобы давались имъ для чтенія такія книги, въ которыхъ изложены хозяйственные совѣты, какъ напр. настоящая о поданіи помощи больнымъ животнымъ. При этомъ условіи, можно надѣяться, мы имѣли-бы въ скоромъ времени отличныхъ хозяевъ, опытныхъ въ уходѣ за разнымъ скотомъ, отличныхъ коноваловъ, полезныхъ слугъ и конюховъ при стадахъ и конюшняхъ, а отъ сего быстро развилась-бы торговля и благосостояніе края«.

»Но чтобы молодежь простонародія дошла до того, что съумѣлабы читать и исполнять предписанія и совѣты, вы священники обряда греческаго (Ritus Graeci) и всѣ настоятели изъ любви къ ближнему и къ ввѣренной вашему управленію паствѣ, предпишите своимъ церковнымъ дедаскаламъ, чтобы въ приходскихъ школахъ дѣтямъ, набраннымъ для обученія чтенію книгъ, печатанныхъ на славянскомъ языкѣ, и эту также книжечку для упражненія давали.— Вѣдь и вы почтенные (zacni) настоятели греческаго обряда должны стараться о преуспѣяніи блага отечества.—Хотя эта книжечка и не содержитъ въ себѣ ничего возвышеннаго, однако проникнута она надеждой на общественную пользу, преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы бѣдные люди, которыхъ судьба не надѣлила состояніемъ, достаточнымъ для содержанія ихъ и ихъ дѣтей, будучи опытными въ леченіи домашнихъ животныхъ, могли найти средства къ жизни«.

»Въ этой книжкѣ приложены и нѣкоторые хозяйственные секреты, полезные какъ для народнаго здравія, такъ и для удобства; они полезны не менѣе первыхъ, а именно: о ловлѣ рѣчныхъ

рыбъ, о выбѣлкѣ полотна, о предосторожности отъ змѣй, заразы, сарапчи; о посадкѣ и прищепкѣ плодовыхъ деревьевъ, о посѣвѣ лѣсныхъ деревъ и о поданіи помощи на случай пожара въ городахъ и селахъ. Все, заключающееся въ этомъ маломъ сборникѣ, можетъ показаться кому либо недостаточнымъ; но желающимъ открывается поле для просвѣщенія простого и бѣднаго люда въ ихъ нуждахъ съ помощію подобнаго изданія правилъ на разные случаи; къ этому по всей вѣроятности можетъ побуждать не одного изъ польскихъ соотечественниковъ стремленіе быть полезнымъ въ этой или другой мѣрѣ своему народу <.

Какъ видимъ, авторъ предназначалъ свою книжицу для простого народа во имя просвѣщенія во имя блага народа и отечества. Предлагаемые имъ совѣты и наставленія извлечены изъ польскихъ и другихъ авторовъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала указываются лекарства противъ болѣзней лошадей, потомъ воловъ, далѣе овецъ и свиней; за тѣмъ слѣдуютъ разные хозяйственные секреты и домашнія средства противъ болѣзней людей, а въ концѣ помѣщено нѣсколько статсекъ, посвященныхъ садоводству.

Въ ряду совѣтовъ и средствъ, изложенныхъ въ книжкѣ, много такихъ, которые теперь уже покажутся несостоятельными и даже наивными, но въ большей части они основаны на разумныхъ соображеніяхъ или же на опытѣ и чужды суевѣрія и предразсудковъ, которыми руководствуется знахорство, нѣкоторые же совѣты, особенно въ отдѣлѣ о лошадяхъ, о прививкѣ деревьевъ и пр., до сихъ поръ съ успѣхомъ могли-бы быть примѣняемы.

Изъ числа рецептовъ наивныхъ и курьезныхъ, приведемъ слѣдующіе четыре:

1) *На слиногуръ.* Слиногуръ значится болячка въ горлѣ конскомъ, отчого и языкъ пухне, на тое треба лѣтнои воды и положивши коня, треба лляти на языкъ и въ губу, щобъ загрѣвся языкъ и губа, а заразъ воловою жовчею патерти языкъ и губу, а при томъ не давати нѣчого иншого ѣсти, тилко ячмѣнь перевѣяній и отовчаній з салѣтрою пѣвтора лута (ст. 44).

2) *Якъ тіи робаки губити, которіи на древь въ садахъ листъ и цвѣтъ обѣдаютъ?* Рибу якуколвякъ росплатай въ штуки, покрай

и помочи въ водѣ, нехай мокне чрезъ день *единъ*, накривши, и тою водою кропи всѣ древа що дня, зробивши кропило зъ соломы (ст. 88).

3) *Коли зуби болятъ, якъ ратоватися.* Лучину смолную вари з оцтомъ, и тимъ губу часто полощи, а хрѣну утерши на тертцѣ, приложи на руку до локтя с противной стороны, з которой зубы не болятъ (ст. 86).

4) *Якъ ратовати человѣка, которій недавно з ума зыйде?* Тому человѣкови треба пустити з ноги *едной* кровъ рано, з другой ноги въ вечеръ, а заразъ хустку въ зимную воду умочивши, на каркъ *ему* прикладати уставичне чрезъ день и ночь, а на ночь давати *ему* салѣтри в водѣ наперстокъ, тожъ и на рано (ст. 84).

Въ языкѣ книжки обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе вліянія языка церковно-славянскаго; это простая малорусская рѣчь, испещренная по мѣстамъ полонизмами и то главнымъ образомъ въ техническихъ словахъ. Употребленіе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго времени всегда съ твердымъ окончаніемъ, напр. роблятъ, болятъ, даетъ поводъ думать, что авторъ былъ подъ вліяніемъ подольскаго говора.

Интересно было бы разрѣшить вопросъ о національности автора. Польскій языкъ въ предисловіи самъ по себѣ не даетъ еще основанія считать автора непремѣнно полякомъ; по польски говорили и писали тогда и малороссіяне; но на польское происхожденіе автора указываютъ: тонъ предисловія, названіе: *pospólstwo polskie* и эти заботы его о благѣ народа польскаго, отечества польскаго, очень напоминающія настроеніе лучшей части польскаго общества во времена упадка Рѣчи Посполитой, настроеніе, выразившееся въ Коллонтаевскомъ движеніи и конституціи 3-го мая, проникнутыхъ надеждой на спасеніе съ помощію поднятія уровня нравственнаго и матеріальнаго положенія народа.

Ц. Г. Нейманъ.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ОТКРЫТІЮ УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА И ПРАВИЛА ПОСТУПЛЕНІЯ ВЪ ОНЫЙ.

Жизнь отодвинула насъ отъ этого сравнительно недавняго событія. Много-ли въ живыхъ осталось свидѣтелей этого торжества, которые могли-бы разсказать намъ, какъ оно происходило, какія

думы, чувства, надежды будило,—не въ тѣхъ, что устрояли праздненство и распоряжались имъ,—они исполняли лишь свой служебный долгъ, и не въ тѣхъ, что призывались къ участію въ немъ,—едвали оно было имъ по сердцу, но въ томъ коренномъ населеніи и Кіева и края, которое удалено было цѣлымъ ходомъ исторіи отъ участія въ этомъ торжествѣ, которому не было на немъ мѣста и предъ которымъ долго еще закрыты были двери открывавшагося тогда святилища наукъ?

Существовали, и уже давно, университеты въ Москвѣ и Петербургѣ; былъ университетъ въ Харьковѣ, даже въ Вильнѣ; еще въ прошломъ столѣтіи проэктировалось не разъ учрежденіе университета въ Глуховѣ и Батуринѣ, а въ началѣ нынѣшняго даже въ Новгородъ-Сѣверскѣ. О Кіевѣ, какъ мѣстѣ для университета, упоминалось подъ конецъ царствованія Екатерины и въ началѣ царствованія Александра I, но самаго университета дождался онъ въ тотъ годъ, когда отмѣнены были для его чиновниковъ польскіе мундиры, прекращено дѣйствіе магдебургскаго права и замазаны въ великой церкви кіево-печерской лавры портреты великихъ кіевскихъ князей и гетмановъ малороссійскихъ. Но такова была историческая судьба столицы равно-апостольнаго Владиміра, колыбели просвѣщенія, матери градовъ русскихъ, что даже на открытіи здѣсь первой гимназіи, въ памятный 1812 годъ, митрополитъ, генералъ-губернаторъ и прочія русскія власти угощены были подъ рядъ тремя польскими рѣчами и только четвертую, послѣднюю, сказалъ директоръ Мышковскій на россійскомъ уже діалектѣ [1]).

Скоро университетъ св. Владиміра празднуетъ 50-лѣтній юбилей своей жизни. Открытіе университета происходило 15 іюля 1834 г., начало ученія 15 августа того-же года, въ промежуткѣ шелъ пріемъ студентовъ, юбилейное-же торжество совершится 8 сентября сего года. Но если воображеніе способно будетъ перенести участниковъ сего послѣдняго торжества за 50 лѣтъ, то не встрѣтитъ оно затрудненія перенести ихъ и еще за нѣсколько дней назадъ, ибо на то у него есть крылья.

Въ газетахъ появляются уже воспоминанія о прежней жизни университета св. Владиміра, печатаются приглашенія ко дню юбилей-

[1]) См. въ этой же книжкѣ стр. 449.

наго торжества. Умѣстно будетъ ознакомить читающую публику съ приглашеніемъ къ открытію самаго университета и правилами поступленія въ оный, какъ они опубликованы были въ печатныхъ экземплярахъ 50 лѣтъ назадъ, въ 1834 г. Эти два письменные памятника того времени, въ такой степени мало значительные, что получавшіе ихъ тогда же употребляли ихъ на обертку сальныхъ свѣчей и на другія надобности, говорятъ кое-что объ этомъ-же времени, отъ нихъ вѣетъ также исторіею. Приглашается къ торжеству открытія университета св. Владиміра, въ день посвященный его памяти, *почтеннѣйшее Сословіе Дворянства* нынѣшнихъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго края, а поступающіе въ университетъ обязываются представлять свидѣтельство о *свободномъ* состояніи. Изъ кого-же состояло, какой національности принадлежало это »почтеннѣйшее сословіе«, въ качествѣ любителя отечественнаго просвѣщенія, приглашавшееся »быть *свидѣтелями* столь важнаго для края событія«, и кто эти *осободные* состояніемъ, для которыхъ однихъ открытъ былъ доступъ въ храмъ наукъ? Пояснять это едва-ли есть надобность;—слишкомъ извѣстны тогдашній составъ дворянства юго-западныхъ и сѣверо-западныхъ губерній (мы не понимаемъ только, какъ въ число ихъ попала губернія черниговская) и нашъ тогдашній государственно-общественный строй. Скажемъ развѣ, что мѣстное русское купечество въ то время почти не существовало, а и существовавшее сторонилось даже отъ гимназіи, держась правила, что не книга кормитъ брюхо; что-же касается дѣтей священно и церковно-служителей, то для поступленія какъ въ гимназію, такъ и въ университетъ они должны были увольняться изъ духовнаго званія, приписываться въ мѣщане или крестьяне и за тѣмъ брать удостовѣренія отъ ихъ обществъ, что они будутъ платить за нихъ подать и пр. и не препятствуютъ учиться. Если въ университетъ св. Владиміра допускались тогда, въ качествѣ студентовъ, чиновники, служащіе и отставные, то опять сказать надо, что чиновниковъ русскихъ въ обоихъ краяхъ въ то время можно было по пальцамъ счесть. Какъ особенность программы вступительныхъ экзаменовъ можно отмѣтить требованіе, чтобы поступающій въ университетъ »излагалъ свои мысли на латинскомъ языкѣ, безъ грамматическихъ ошибокъ«.

Приводимъ текстъ и приглашенія и правилъ по печатному экземпляру 1834 г.

Объявленіе о торжественномъ открытіи императорскаго университета св. Владиміра.

Его императорское величество, всемилостивѣйшій государь нашъ въ непрестанномъ попеченіи о благѣ народовъ, провидѣнісмъ Ему ввѣренныхъ, желаетъ насадить и распространить между ними просвѣщеніе истинное, утвержденное на основаніяхъ святой вѣры, которое одно упрочиваетъ благоденствіе человѣческихъ обществъ. Равно благотворящій всѣмъ своимъ подданнымъ, соизволилъ онъ повелѣть учредить въ западныхъ губерніяхъ Россіи учебное заведеніе, имѣющее цѣлію развитіе высшаго образованія, основаннаго на благихъ началахъ, правительствомъ предписанныхъ.

Основанія сего учрежденія подробно изложены въ обнародованныхъ высочайшихъ указахъ и постановленіяхъ: здѣсь излагается вкратцѣ ихъ содержаніе.

Учреждаемый въ семъ краю университетъ, преобразованный изъ Волынскаго лицея, предназначенъ преимущественно для образованія губерній: кіевской, волынской и подольской; наслѣдственное усердіе жителей оныхъ къ пользѣ просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній сего края.

Мѣстомъ учрежденія сего заведенія избранъ г. Кіевъ, столица святаго равноапостольнаго князя Владиміра, гдѣ впервые возсіялъ и откуда разлился въ предѣлы древней Россіи свѣтъ истинной вѣры. Да предзнаменуетъ сіе избраніе успѣхи новаго разсадника просвѣщенія, въ духѣ благочестія и нравственности!

Открываемый университетъ наименованъ: императорскимъ университетомъ св. Владиміра, въ память великаго просвѣтителя Россіи, и удостоенъ принятія подъ особое покровительство его императорскаго величества.

Университету св. Владиміра дарованы всѣ права и преимущества, какія предоставлены прочимъ университетамъ въ государствѣ. Ему присвоены всѣ доходы съ фундушей и капиталовъ, пожертвованныхъ дворянствомъ и другими сословіями кіевской, волынской и подольской губерній для волынскаго лицея и кіевской гимназіи; по недостатку же сихъ средствъ, всемилостивѣйше повелѣно увеличить оныя значитель-

ными пособіями изъ общихъ государственныхъ доходовъ, соразмѣрно потребностямъ на содержаніе университета.

Вмѣстѣ съ отмѣненіемъ предположенія объ учрежденіи лицея въ г. Оршѣ, по неимѣнію въ бѣлорусскомъ учебномъ округѣ высшаго учебнаго заведенія, высочайшимъ указомъ предоставлено юношеству губерній, въ составъ сего округа входящихъ, получать окончательное образованіе въ университетѣ св. Владиміра; на каковой конецъ суммы, на построеніе лицея въ г. Оршѣ назначенныя, обращены на возведеніе зданій университета св. Владиміра.

Таковы благодѣтельныя мѣры правительства! Благотворныя намѣренія его клонятся къ распространенію истиннаго просвѣщенія въ семъ краю. Да увѣнчаются попеченія Николая I-го о благѣ тысячи народовъ, промысломъ ему ввѣренныхъ, полнымъ успѣхомъ!

Основаніе университета въ семъ краю сопряжено было съ толикими затрудненіями, что открытіе его въ нынѣшнемъ году, по общему мнѣнію жителей сихъ странъ, казалось невозможнымъ. Попеченія господина министра народнаго просвѣщенія, Сергія Семеновича Уварова, при просвѣщенномъ участіи г. кіевскаго военнаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, много содѣйствовали къ преодолѣнію сихъ препятствій,—и предначертанія правительства готовы быть приведены въ исполненіе. Проектъ университета св. Владиміра уже составленъ и удостоился высочайшаго утвержденія; возникающему заведенію доставлены всѣ пособія, отъ высшаго училищнаго начальства зависящія; важнѣйшія каѳедры его замѣщены; совѣтъ и правленіе университета вступили въ исполненіе своихъ обязанностей, и университетскіе курсы будутъ начаты 15 августа сего года.

Такимъ образомъ совѣтъ императорскаго университета св. Владиміра, съ разрѣшенія г. попечителя онаго, симъ честь имѣетъ извѣстить почтеннѣйшее сословіе дворянства губерній: кіевской, волынской, подольской, черниговской, какъ равно и губерній, принадлежащихъ къ бѣлорусскому учебному округу: витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской и бѣлостокской области, что торжественное открытіе университета св. Владиміра послѣдуетъ 15 іюля сего года, въ день, посвященный памяти св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Объявляя о семъ, совѣтъ университета позволяетъ себѣ надѣяться, что какъ всѣ любители отечественнаго просвѣщенія вообще, такъ и особенно тѣ, кои своими пожертвованіями доказали на опытѣ свое усердіе къ пользамъ онаго,—пожелаютъ быть свидѣтелями сего важнаго для здѣшняго края событія.

При семъ прилагаются: высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ и правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1834 года. Г. Кіевъ.

Высочайше утвержденное постановленіе о распредѣленіи учебныхъ предметовъ по факультетамъ.

Университетъ св. Владиміра составленъ изъ двухъ факультетовъ: философскаго и юридическаго. Философскій раздѣляется на два отдѣленія.

Въ составъ философскаго факультета входятъ слѣдующія каѳедры:

I-е ОТДѢЛЕНІЕ.

1) Философія.
2) Греческая словесность и древности.
3) Римская словесность и древности.
4) Россійская словесность.
5) Всеобщая и россійская исторія и статистика.

II-е ОТДѢЛЕНІЕ.

1) Чистая и прикладная математика.
2) Астрономія.
3) Физика и физическая географія.
4) Химія.
5) Минералогія и геогнозія.
6) Ботаника.
7) Зоологія.
8) Технологія, сельское хозяйство, лѣсоводство и архитектура.

Въ факультетѣ юридическомъ преподаются:

1) Общее систематическое обозрѣніе законовѣденія, или такъ называемая энциклопедія правъ.

2) Основные законы и учрежденія россійской имперіи, законы о состояніяхъ людей въ государствѣ.

3) Россійскіе гражданскіе законы какъ общіе, такъ и особенные, какъ то: кредитные, торговые и о фабрикахъ, со включеніемъ и тѣхъ мѣстныхъ законовъ, кои дѣйствуютъ въ нѣкоторыхъ токмо губерніяхъ.

4) Россійскіе уголовные законы.

5) Законы благочинія.

6) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ.

7) Римское законодательство въ соединеніи съ исторіею его какъ внутреннею, такъ и внѣшнею.

Сверхъ того, для догматической и нравоучительной богословіи, церковной исторіи и церковнаго права, опредѣляются двѣ особыя непринадлежащія къ факультетамъ каѳедры: одна для студентовъ грекороссійскаго, а другая для студентовъ римско-католическаго исповѣданія.

Въ университетѣ будутъ преподаваться языки:

1) Французскій.

2) Нѣмецкій.

3) Италіянскій.

4) Польскій.

Свободныя искусства:

1) Рисованіе.

2) Фехтованіе и волтижированіе.

3) Музыка.

4) Танцованіе и

5) Верховая ѣзда.

Правила для принятія студентовъ въ университетъ.

1. Всѣ желающіе поступить въ университетъ должны выдержать предварительное испытаніе, при чемъ одобрительныя свидѣтельства гимназій принимаются въ особое уваженіе и даютъ право предстать на экзаменъ немедленно и прежде прочихъ.

2. Предметами испытанія будутъ науки, входящія въ составъ гимназическаго курса, а именно:

а) Законъ Божій, священная и церковная исторія.

б) Русская грамматика, словесность и логика.

в) Языкъ латинскій. Отъ испытуемаго требуемо будетъ, чтобы онъ могъ переводить и объяснять изъ прозаиковъ Саллустія, Ливія и Цицерона, изъ поэтовъ Виргилія и лучшія оды Горація, равно излагалъ-бы мысли свои на латинскомъ языкѣ безъ грамматическихъ ошибокъ.

г) Языкъ нѣмецкій. Желающій поступить въ университетъ долженъ понимать и разбирать лучшихъ писателей на семъ языкѣ, какъ прозаиковъ, такъ и стихотворцевъ, и излагать мысли свои на нѣмецкомъ языкѣ, подобно какъ и на латинскомъ, безъ грамматическихъ ошибокъ.

д) Въ такой-же степени требуется отъ испытуемаго знаніе языка французскаго.

е) Ариѳметика, алгебра до уравненій 2-й степени включительно, геометрія и плоская тригонометрія.

ж) Исторія всеобщая и россійская.

з) Географія и въ краткомъ обозрѣніи статистика.

и) Физика общая и частная.

3. Студентъ, начавшій лекціи въ одномъ изъ русскихъ университетовъ, перемѣнивъ мѣсто жительства, можетъ окончить оныя въ университетѣ св. Владиміра, и обратно, съ зачетомъ времени пребыванія въ первомъ изъ сихъ заведеній въ число лѣтъ, опредѣленныхъ для окончанія полнаго курса, если причины, побудившія его оставить университетъ, въ коемъ прежде обучался, будутъ уважены попечителемъ, и если, по предварительномъ испытаніи, представитъ вполнѣ одобрительный отъ того университета аттестатъ. Впрочемъ такой зачетъ времени въ университетѣ св. Владиміра можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда откроются всѣ четыре курса, въ наступающемъ же академическомъ году открытъ будетъ одинъ первый; слѣдующіе будутъ вводимы постепенно, всякій годъ по одному.

4. Дабы предоставить способы къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ наукахъ и полученію права на ученыя степени или чины, къ слушанію университетскихъ курсовъ допускаются, съ дозволенія

попечителя, кромѣ студентовъ, также и чиновники служащіе и отставные; они должны для сего выдержать испытаніе, подобно желающимъ вступить въ число студентовъ университета, а служащіе имѣютъ представить сверхъ того позволеніе на то отъ своего начальства.

5. Государю императору благоугодно было при семъ университетѣ опредѣлить комплектъ казеннокоштныхъ студентовъ изъ 50 человѣкъ; въ томъ числѣ 26 предназначаются въ учительское званіе, и 24 въ гражданскіе чиновники.

6. Для каждаго изъ сихъ званій ежегодно будетъ принимаемо только по 6 человѣкъ, всего 12; они избираемы будутъ изъ учениковъ гимназій, окончившихъ курсъ съ отличными успѣхами.

7. Казенные студенты, по окончаніи 4-хъ годичнаго въ университетѣ курса, поступаютъ по распредѣленію начальства въ учители заведеній кіевскаго учебнаго округа, или въ гражданскіе чиновники въ губерніяхъ: кіевской, волынской и подольской, съ обязательствомъ прослужить 6 лѣтъ въ томъ вѣдомствѣ, въ которое опредѣлены будутъ.

8. Сверхъ предполагаемаго комплекта казеннокоштныхъ студентовъ, будутъ принимаемы въ университетъ и пансіонеры, съ платою за полное свое содержаніе 800 рублей ассигнаціями въ годъ, на правилахъ, для благороднаго пансіона при кіевской гимназіи постановленныхъ.

9. Время пріема въ университетъ назначается отъ 1 іюля до 15 августа. Вступающіе должны имѣть слѣдующіе документы:

а) Метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи.

б) Свидѣтельство о происхожденіи и свободномъ состояніи.

в) Аттестатъ или одобрительное свидѣтельство о своихъ познаніяхъ изъ гимназій, ежели въ оныхъ обучались.

г) Тѣ, кои желаютъ поступить въ число казенныхъ студентовъ или пансіонеровъ, должны представить также докторское свидѣтельство о бывшей на нихъ натуральной или прививной оспѣ.

Графъ **Милорадовичъ**.

ЕЩЕ О БОРОВИКОВСКОМЪ.

Дополненія и поправки г. Божерянова къ замѣткѣ моей о Боровиковскомъ, помѣщенныя въ предыдущей книгѣ »Кіевской Старины«, нуждаются въ оговоркахъ. Эти оговорки пригодятся, быть можетъ, будущему біографу Боровиковскаго, если наши замѣтки,—моя и г. Божерянова,—попадутся ему на глаза.

Прежде всего о случаѣ изъ юности художника, сохраненномъ въ разсказѣ г. Данилевскаго »Екатерина II на Днѣпрѣ«. По этому разсказу, Боровиковскій освобожденъ былъ отъ солдатчины по просьбѣ дѣда своего, козака Грицька, участника полтавскаго боя, и впослѣдствіи обратилъ на себя талантомъ вниманіе царицы, расписавъ стѣны одного изъ домовъ, выстроенныхъ для ея остановокъ.

Какихъ лѣтъ могъ быть козакъ Грицько, просившій Екатерину за своего внука? Полтавская битва была въ 1709 году. Екатерина ѣздила въ Крымъ въ 1787. Козаку, слѣдовательно, было лѣтъ сто и болѣе. Былая долговѣчность допускаетъ конечно такой возрастъ, но противъ розсказываемаго случая есть другія данныя. Въ преданіи говорится о свадьбѣ Боровиковскаго. Онъ жилъ въ Петербургѣ одинокимъ и умеръ бездѣтнымъ. Надо предположить изъ двухъ одно: или онъ овдовѣлъ сейчасъ послѣ женитьбы и до отъѣзда въ Петербургъ или, что вѣрнѣе, что онъ женатъ совсѣмъ не былъ. Домъ, росписанный Боровиковскимъ, по разсказу, находился въ Полтавѣ. Тамъ дѣйствительно до сихъ поръ сохранился домъ, гдѣ останавливалась Екатерина, путешествуя въ Крымъ. Онъ стоитъ въ усадьбѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, надъ долиной Ворсклы. Въ пріемномъ залѣ его до сихъ поръ уцѣлѣла стѣнная живопись. Но живопись эта груба, не носитъ ни малѣйшаго слѣда таланта и не можетъ быть приписана Боровиковскому уже потому, что сюжеты фресокъ совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, о которыхъ сохранилось преданіе. Гдѣ былъ тотъ домъ—въ подлинности неизвѣстно, и самъ г. Данилевскій конечно не считаетъ живописи полтавскаго монастырскаго дома живописью Боровиковскаго, такъ какъ въ изданномъ имъ впослѣдствіи описаніи »достопримѣчательностей« Полтавы, описывая монастырскій домъ, онъ ничего не говоритъ о Боровиковскомъ. Наконецъ послѣднее. Въ офиціальныхъ бумагахъ

первыхъ лѣтъ пребыванія въ Петербургѣ, Боровиковскій называется поручикомъ. Съ этимъ чиномъ онъ пріѣхалъ въ столицу и его не не могли дать ему ни академія, ни Левицкій, ни Лампи. Когда-же могъ онъ его достичь? Не въ короткій-ли промежутокъ между освобожденіемъ отъ рекрутчины и отъѣздомъ въ Петербургъ? Хотя въ эту эпоху бывали примѣры особенно быстраго движенія по чиновной лѣстницѣ, но на такое движеніе давали права таланты иного свойства, чѣмъ тѣ, какими обладалъ Боровиковскій.

Къ офиціальнымъ даннымъ о Боровиковскомъ, заимствованнымъ г. Божеряновымъ изъ »Сборника матеріаловъ для исторіи императорской академіи художествъ«, могутъ быть прибавлены свѣдѣнія, сообщенныя П. И. Петровымъ въ »Художественномъ Сборникѣ«. Мы оставили ихъ въ сторонѣ, считая служебныя подробности дѣломъ наименѣе важнымъ въ характеристикѣ художника. Но въ біографіи онѣ будутъ необходимы. Упорство, съ какимъ академія долгое время отказывала Боровиковскому въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью устава академіи, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званія профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое, но на конкурсѣ, о которомъ упоминаетъ и г. Божеряновъ, за портреты Бутурлиныхъ, онъ получилъ все таки только вторую награду, на ряду съ забытымъ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, не оставившему слѣда въ искуствѣ. Окончательное признаніе досталось Боровиковскому только послѣ исполненія портретовъ лицъ царской фамиліи, въ которыхъ онъ превзошелъ не только Вуаля и г-жу Виже-Лебрёнъ, гостившую тогда въ Россіи, но подчасъ и самого Лампи.

Къ одному изъ этихъ портретовъ относится указанная г. Божеряновымъ погрѣшность въ составленномъ мною спискѣ работъ Боровиковскаго, гдѣ портретъ великой княгини Александры Павловны названъ портретомъ великаго князя Александра Павловича. Ошибка произошла отъ сокращенія въ рукописи, въ чемъ ссылаюсь на уважаемаго редактора »Кіевской Старины« [1]). Свидѣтельство

[1]) Дѣйствительно, такъ. — Ред.

его привожу въ тѣхъ видахъ, что мало почтеннымъ пріемомъ сваливанья своихъ грѣховъ на плечи часто неповиннаго наборщика злоупотребляли слишкомъ часто и въ болѣе важныхъ случаяхъ.

Что касается »Портрета неизвѣстнаго священника«, бывшаго прежде въ галлереѣ Прянишникова, а нынѣ находящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ, то относительно него я правъ. Какъ доказано нынѣ, этотъ портретъ писанъ Левицкимъ и изображаетъ отца художника. Писаннаго-же Боровиковскимъ священника, извѣстнаго или неизвѣстнаго, въ Румянцевскомъ музеѣ нѣтъ.

Сводя разнорѣчивыя цифры печатныхъ замѣтокъ о Боровиковскомъ, г. Божеряновъ хочетъ установить нѣчто въ родѣ *средняго числа* для опредѣленія въ точности дня его смерти. На этотъ счетъ есть свѣдѣніе вполнѣ достовѣрное. Это надпись на могилѣ Боровиковскаго, гдѣ ошибки быть не можетъ. Надпись эта, теперь полуистертая, гласитъ слѣдующее: »На семъ мѣстѣ предано землѣ тѣло совѣтника академіи Владиміра Лукича Боровиковскаго, скончавшагося на 68 году отъ рожденія, *въ 6-й день апрѣля 1825 г.*

Смоленское кладбище, гдѣ покоится прахъ художника, лежитъ на одной изъ дальнихъ окраинъ Васильевскаго острова въ Петербургѣ. Близость моря даетъ себя чувствовать неустойчивостью и влажностью почвы. Вновь вырытыя могилы,—а ихъ ежечасно требуетъ сѣверная столица,—тотчасъ наполняются водою. Печальныя и тощія березки осѣняютъ это жилище смерти.

Въ сторонѣ отъ средней дороги стоитъ церковь святой Троицы. Здѣсь, близь самой церкви на право, маленькій, почернѣлый, гранитный саркофагъ украшенъ надписью, приведенною выше.

Въ этой церкви два престола. Иконостасъ верхняго, во имя Михаила Архангела,—работы Боровиковскаго. Есть слухъ, что онъ писанъ во время предсмертной болѣзни художника. Фигуры иконъ далеко не закончены, а мѣстами только едва начерчены. Къ счастью ничья чужая рука не коснулась этихъ, полныхъ скорбнаго чувства, набросковъ. Царскія врата изображаютъ все ту-же отрадную минуту Благой Вѣсти. На мѣстныхъ иконахъ Христосъ и Богоматерь, окруженные ангелами, во всей своей славѣ. Но въ выборѣ остальныхъ сюжетовъ отразилось страдающее настроеніе художника. Вотъ исцѣленіе Товіи, вотъ Архангелъ Михаилъ, поражающій Змія, и наконецъ вотъ шестой образъ,—странный и таинствен-

ный: полуденный пейзажъ, съ караваномъ вдали, а прямо, противъ зрителя, ангелъ уноситъ на небо пожилого человѣка. Лицо очень обыкновеннаго типа, но на немъ печать такого просвѣтленія и блаженства, какія грезились вѣрно художнику во время предсмертныхъ молитвъ. Не смотря на свою незаконченность, это лучшая изъ религіозныхъ картинъ Боровиковскаго. Здѣсь всего ярче передалъ онъ свой внутренній міръ, свою вѣру, здѣсь остался лучшій слѣдъ этой, глянувшей въ вѣчность, нѣжной души, стремившейся къ высшей правдѣ и красотѣ.

В. Горленко.

КІЕВСКІЙ ПЕЩЕРНИКЪ XVIII СТ.

Традиціонная форма отшельничества,—пещерное житіе, ведущая свое происхожденіе отъ начальника русскаго иноческаго житія, пр. Антонія печерскаго, удерживаясь въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, не смотря на множество перемѣнъ во внѣшней и внутренней жизни русскаго народа, доходитъ до нынѣшняго даже столѣтія. Пещерничество, отъ котораго, по внѣшней обстановкѣ и условіямъ жизни, мало чѣмъ разнится суровая жизнь нашего крестьянства, въ болѣе близкое къ намъ время находило своихъ приверженцевъ преимущественно въ этой послѣдней средѣ. Строгіе указы Петра В. и его преемниковъ о непринятіи въ монастыри людей бѣглыхъ и не свободныхъ могли только поддерживать именно этотъ видъ иночества, который освобождалъ отшельника отъ узъ общественнаго рабства и навсегда укрывалъ его отъ взоровъ міра и полицейскихъ. Только десятки годовъ суроваго анахоретства привлекали снова къ спасающемуся такимъ образомъ вниманіе міра, но уже полное благоговѣйнаго уваженія.

Извѣстіе объ одномъ такомъ кіевскомъ пещерникѣ нашлось въ массѣ разнородныхъ фамильныхъ бумагъ малорусскаго рода Лашкевичей. Записано оно неизвѣстно кѣмъ на полулистѣ синей бумаги, почеркомъ конца прошлаго столѣтія. Приводимъ его здѣсь отъ слова до слова.

„Кіево-печерскія Лавры рясофорный монахъ, старецъ Досиѳей родомъ былъ великороссіянинъ, крестьянинъ нѣкоего изъ великихъ россій-

скихъ боляръ: имѣя непремѣнное желаніе быть монахомъ. когда не могъ исполненія своему желанію получить въ великой Россіи, яко не уволненный рабъ, то удалился въ малую Россію, во градъ Кіевъ, какже и въ кіевскихъ обителяхъ не могъ получить желанію исполненія, рѣшился жить при пустыни китаевской, въ горѣ называемой Китай, при вершинѣ ея, вирывши въ ней небольшую пещерку, гдѣ и пожилъ немалое время въ великомъ воздержаніи. 1744 года, посѣщая Кіевъ, блаженныя памяти благочестивѣйшая императрица Елисаветъ Петровна, услышавши о живущихъ богоугодяѣ въ пустыни китаевской монашествующихъ и о семъ пещерникѣ Досиѳеи, благоизволила не оставить убогаго мѣста сего августѣйшимъ своимъ посѣщеніемъ, куда съ многими духовными и свѣтскими чиновними персонами прибывши, изволила пѣшо шествовать на гору Китай по здѣланнымъ на тотъ случай невеликолѣпнымъ, прибытимъ къ земли изъ деревляшекъ степенькамъ. Пришедши къ пещеркѣ Досиѳеевой, повелѣть изволила вызвать его и за вопрошеніемъ увѣдомившись, что за рабство онъ не постриженъ, изволила повелѣть на другой день постричь, и постриженъ въ рясофоръ и долгое время послѣ постриженія въ тойже пещерѣ прожилъ. Когда указъ послѣдовалъ, чтобъ отшельникамъ не быть нигдѣ, по причинѣ послѣдовавшихъ нѣкоторыхъ злоупотребленій; то и Досиѳею отъ лаврскихъ властей велено преселится въ лавру, и жилъ на дальней пещерѣ и невозбранно служилъ уединенно затворникомъ, получая по желанію пищу отъ лавры, которую ему послушникъ опредѣленній приносилъ тогда, когда подвижникъ сей щиталъ нужною къ употребленію. На пещерѣ прожилъ онъ по 74 й годъ, а сего года, по совѣту митрополита кіевского, Гавріила Кременецкаго, архимандритомъ Зосимою Валкевичемъ удаленъ въ пустынь китаевскую и жилъ въ келлійкѣ уединенной, при прудкѣ, всегда съ обычнимъ воздержаніемъ; по годъ отъ сего скончался, имѣя отъ рожденія близъ ста лѣтъ, съ коихъ три части проживъ въ великомъ воздержаніи. Изъ сего можно заключить о его дивной жизни, что во все въ горизонтахъ кіевскихъ время пребыванія его никогда не согрѣвалъ себя вещественнымъ огнемъ и никогда не возжещалъ огня въ келліи до кончины жизни своея".

Имѣетъ ли Лавра печерская свѣдѣнія объ этомъ подвижникѣ своемъ? Имѣетъ ли она другія подобныя свѣдѣнія за время позд-

нѣйшее? Тамъ писались нѣкогда лѣтописи, патерики, житія, сказанія. Пишется ли и хранится ли теперь что-либо, кромѣ бумагъ офиціальныхъ, о подвижникахъ этой древнѣйшей обители въ ближайшее къ намъ время?—Извѣстія, въ родѣ сообщаемаго теперь, съ какой-бы кто стороны ни разсматривалъ ихъ, имѣютъ значеніе не для одной монастырской, но и вообще бытовой нашей жизни.

Сообщ. **Ал. Лашкевичъ.**

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ НАШЕСТВІЯ ШВЕДОВЪ НА РОССІЮ.

Установилось мнѣніе, подтверждаемое массою несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, что измѣна Мазепы не встрѣтила никакого сочувствія въ малорусскомъ народѣ и что на сторону Мазепы, кромѣ запорожцевъ, стали лишь весьма немногіе изъ козачей старшины дорого потомъ поплатившіеся за свое сочувствіе къ измѣннику.

Намъ довелось услышать преданіе, совершенно противуположное такому мнѣнію и свидѣтельствующее о сочувствіи къ Мазепѣ и его союзникамъ шведамъ не отдѣльныхъ, при томъ служилыхъ лицъ, но цѣлой и притомъ довольно численной общины.

Какъ преданію, въ которомъ не выяснены ни мотивы, ни ближайшія обстоятельства передаваемаго имъ факта, мы отнюдь не думаемъ придавать значенія историческаго свидѣтельства, подрывающаго установившееся въ исторической наукѣ мнѣніе. Сохраненный имъ случай все-таки единичный и могъ быть плодомъ частнаго внушенія или недоразумѣнія. Народъ, чуткій къ общимъ перемѣнамъ въ своей судьбѣ, плохо понимаетъ тонкости политики случайной, каковъ былъ союзъ Мазепы съ Карломъ, составлявшій секретъ для самаго Петра; обыкновенно онъ становится на сторону того, кто заступается или видъ показываетъ, что заступается за него; по части же забиранія фуража и провіанта въ то военное время русскія войска конечно не уступали шведамъ. Однако, какъ преданіе весьма опредѣленное, пріуроченное къ извѣстной мѣстности, мы считаемъ совсѣмъ не лишнимъ привести въ извѣстность: въ крайнемъ случаѣ передаваемый имъ фактъ можетъ служить образчикомъ великодушія побѣдителя Карла XII, на которое онъ былъ способенъ и въ минуты самаго сильнаго гнѣва.—Вотъ въ чемъ дѣло.

На границѣ харьковской губерніи существуетъ уѣздный городъ курской губерніи Грайворонъ или по мѣстному Гайворонъ. Грайворонъ въ степень уѣзднаго города возведенъ только въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія, до этого-же времени былъ селомъ хотмыжскаго уѣзда. Основаніе села Гайворонки относятъ къ очень далекимъ временамъ и основателемъ называютъ нѣкоего козака *Жеребила*, потомки котораго, а также и потомки другаго, дѣйствующаго въ преданіи лица, *Гетепана*, живутъ и по настоящее время въ Грайворонѣ; первые теперь носятъ фамилію *Жеребиловыхъ*, а вторые не измѣнили таковой и остались Гетепанами.

Преданіе говоритъ, что во время движенія Карла XII подъ Полтаву, а за нимъ по пятамъ Петра I, Грайворонъ или въ то время село Гайворонка находилась на пути. Жители села, по совѣту своего старшины Жеребила, а можетъ быть и по собственному соображенію, охотно дѣлились всѣми возможными съѣстными припасами съ шведскими войсками. Узнавъ-же о приближеніи русскихъ войскъ, весь провіантъ попрятали и по прибытіи Петра I не переставали тайкомъ доставлять въ шведскія войска, отказывая по неимѣнію русскимъ. Петръ I, узнавъ о такомъ отношеніи своихъ подданныхъ къ врагу, страшно разсердился и порѣшилъ наказать все село полнымъ уничтоженіемъ,—такъ сказать, стереть его съ лица земли. Для исполненія этой казни было приказано обложить село кругомъ соломой и никого не выпускать оттуда, а дабы предупредить всякое поползновеніе къ бѣгству, обставить село пушками и въ бѣглецовъ стрѣлять. При исполненіи-же казни зажечь одновременно со всѣхъ концовъ солому и палить въ село изъ пушекъ. Казнь должна была быть совершена въ присутствіи самого Императора. Гайворонцы, видя свою неминуемую гибель и не ожидая пощады, собрали раду и обратились къ тому-же Жеребилу, который, посовѣтовавъ подчиниться своей горькой участи, предложилъ однако испробовать послѣднее средство, заключавшееся въ томъ, чтобы въ день казни собрать всѣхъ могущихъ только ходить дѣтей и выслать ихъ за село на дорогу, по которой будетъ ѣхать Государь. Совѣтъ радою былъ принятъ и дѣти, какъ говоритъ преданіе, въ числѣ болѣе ста душъ, были высланы по назначенію. Государь, увидя столькихъ плачущихъ дѣтей, былъ крайне озадаченъ и остановившись, спросилъ разъясненія. Въ это время подъѣхалъ случив-

шійся здѣсь уроженецъ Гайворонки, козачій старшина Гетепанъ, находившійся въ войскахъ русскихъ и обратился съ слѣдующими словами къ Императору: »Ваше Императорское Величество, это невинныя дѣти тѣхъ виновныхъ отцовъ и матерей, которые сегодня должны погибнуть. Дѣти эти могли-бы быть вѣрными и полезными слугами Вашего Величества, но со смертью своихъ родителей и ихъ ожидаетъ гибель. Пощадите ихъ! «.. Государь, ничего не сказавши, махнулъ рукой и возвратился, приказавъ оставить въ покоѣ Гайворонку.

А. Катрухинъ.

Александрія.
Херсонской губерніи.

МНОГОЛѢТІЕ, ВОЗГЛАШЕННОЕ ВЪ КІЕВѢ ВЪ НАЧАЛѢ XVIII В.

Помѣщаемое здѣсь многолѣтіе сохранилось въ современной записи, на особомъ листѣ сдѣланной, по всей вѣроятности, для возглашавшаго его діакона. Оно знакомитъ насъ съ составомъ высшаго духовенства въ г. Кіевѣ и съ цѣлой корпораціей служившихъ въ кіевской академіи въ началѣ XVIII вѣка. Не трудно догадаться, что это особое многолѣтствованіе составлено по случаю какого-либо академическаго праздника. Странно одно: въ немъ нѣтъ имени кіевскаго архипастыря, между тѣмъ какъ не забытъ кіевскій войтъ. Отсюда можно заключить, что многолѣтіе относится къ 1718—1722 г., когда по смерти кіевскаго митрополита Іоасафа Кроковскаго, 4 года митрополичья каѳедра въ Кіевѣ оставалась вакантною.

Всечестнымъ игуменомъ кіевскимъ *Христофору* [1]), обители пустынно-никольскія, *Іоанникію* [2]) обители святаго архистратига Михаила златоверхія, *Ѳеофану* [3]) обители Богоявленскія, братскія, ректору и богословіи учителю, *Евстратію* [4]) обители свято-троицкія

---

[1]) Чарнуцкому—(1706—1709 ректоръ кіевск. академіи).

[2]) Сенютовичу—1715 года; съ 1715 по 1729 года архимандритъ печерской лавры.

[3]) Прокоповичу—1711 года, съ 1718 года епископъ псковскій, архіепископъ новгородскій.

[4]) Самборовичу—1713 года.

кирилскія, *Лаврентію* [1]) архангелова чудова выдубицкаго, *Іосифу* свято-петропавловскому и всѣмъ всечестнымъ игуменомъ и строителемъ многая лѣта.

Мысленнаго винограда дѣлателемъ трудолюбивымъ *Сильвестру* [2]), учителеви философіи и префекту училищъ кіевскихъ, *Θеодосію* [3]) реторицкому, *Симону* [4]) поэтицкому, *Аванасію* [5]) синтаксискому, *Іосифу* [6]) грамматицкому, *Епифанію* [7]) инфимискому, *Геннадію* [8]) аналогитскому въ православномъ собраніи кіевскомъ учителемъ и всѣмъ во словѣ ученія и наставленія труждающимся, честнымъ православнымъ протопресвитеромъ и пресвитеромъ и всему церковному причту многая лѣта.

Его царскаго пресвѣтлаго величества державной отчизны Богоспасаемаго града Кіева упревѣлеіованному войту, благочестивому *Димитрію* [9]) со всѣмъ майстратомъ и со всѣми гражданами и всѣмъ повсюду во благовѣріи и благочестіи сіяющимъ православнымъ христіаномъ благодать, милость, миръ, тишина, здравіе и изобиліе плодовъ земныхъ и многая лѣта.

Сообщ. **П. Л—въ.**

ИСТОРИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВЪ КОНОКРАДСТВА.

Конокрадство—величайшій бичъ нашего времени, преимущественно южныхъ мѣстностей Россіи. Изъ всего, что придумано было противъ этого зла на нашихъ глазахъ, въ нашей памяти пайболѣе врѣзалось то, что когда были учреждены спеціальные чиновники для пресѣченія конокрадства, народъ безъ всякаго умысла, а просто для удобства произношенія назвалъ ихъ конокрадами. У нашихъ предковъ было, какъ кажется, средство подѣйствительнѣе нашихъ.

---

[1]) Горкѣ—1713—1719 г.
[2]) Пиновскому—1716 г.—1721 г.
[3]) Глѣнскому.
[4]) Кохановскому.
[5]) Хмарному.
[6]) Волчанѣцкому.
[7]) Тихарскому, съ 1722 г. епископъ бѣлгородскій.
[8]) Шпаковскому.
[9]) Полацкому—1700—1729 г.

Это запродажныя записи, совершаемыя по точной формѣ тогдашнихъ купчихъ крѣпостей на недвижимыя имущества. Запись краткая, свидѣтельствовалась мѣстною, хотя-бы самою низшею инстанціею и служила до нѣкоторой степени гарантіею для покупщика, что продана ему лошадь не завѣдомо краденая. Одну изъ такихъ записей мы нашли въ нашихъ фамильныхъ бумагахъ и предлагаемъ ее для любопытства читателей.

Погарскій мѣщанинъ Яковъ Петровъ продаетъ лошадь калужскому посадскому человѣку Семену Дехтереву 1701 г., 11-го декабря, и вотъ какъ обезпечиваетъ ему принадлежность этой лошади на все послѣдующее время:

Се азъ Іаковъ Петровъ, мѣщанѣнъ и абыватель Погарский, ведомо чиню сеею моею купьчою, же я продалъ своево коня власнаго, шерстѣ гнедого, лѣтъ пяти, грива на право, на правомъ стегни зостаетъ пынуровъ зъ чотыри. А продалемъ посадскому человеку Семену Дегтяреву калуженину за копъ девятнадцать, которого то коня во всемъ чыстого, а не краденого, и волно ему Семену онымъ конемъ, якъ хотячи продать, даровать и заминять и якъ хотячи владеть. А ежели въ оного коня хто могъ бы увозънати (опознати), то его Семена маю у кажьдого суду и права его Семена заступовать и очыщать и на томъ ему Семену подаю сею купьчую предъ урядомъ, предъ паномъ Гаврилою Еремиевѣчемъ, сотникомъ Погарскимъ и предъ Григоремъ Притыкою, атаманомъ городовымъ, съ подписомъ рукъ и зъ притисненіемъ печати урядовои. Въ Погарѣ, року ахл, декабря аї. Гаврило Еремиевѣчъ, сотникъ войска Его Царского Пресвѣтлого Величества запорожского Погарскій. Сообщ. **А. Марневичъ.**

ОРЕСТЪ МАРКОВИЧЪ НОВИЦКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

Другую уже книжку намъ приходится заканчивать некрологомъ, и также кіевскаго профессора и ученаго. 4-го іюня скончался въ Кіевѣ на 79-мъ году жизни, въ чинѣ дѣйст. стат. совѣтника, б. профессоръ кіевской академіи и кіевскаго университета Орестъ Марковичъ Новицкій. Съ его именемъ соединяются воспоминанія о самой лучшей, цвѣту-

щей порѣ обоихъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Кіева; это птенецъ изъ гнѣзда знаменитаго Иннокентія, это старѣйшій профессоръ кіевскаго университета, бывшій свидѣтелемъ и участникомъ его открытія и всей его полувѣковой жизни, не дожившій лишь около полутора мѣсяца до 50-ти лѣтняго его юбилея. Орестъ Марковичъ пережилъ своихъ братьевъ, массу знакомыхъ, родныхъ, сослуживцевъ и многихъ, весьма многихъ изъ своихъ многочисленныхъ слушателей. Грустную картину представлялъ собою гробъ его, вокругъ котораго стояли лишь немногіе его ученики и одинъ товарищъ по первымъ годамъ университетской службы. Это зрѣлище смерти среди потухающей жизни, точно листья пожелтѣвшіе, чуть-чуть держащіяся на изсохшихъ стебелькахъ, а предъ ними упавшій съ дерева, совсѣмъ засохшій листъ...

Покойный Орестъ Марковичъ былъ уроженецъ Волыни и происходилъ изъ древней дворянской фамиліи, но уже отецъ и дѣдъ его были священниками, что въ ту пору было дѣломъ обыкновеннымъ. Волынско-шляхетское его происхожденіе сказалось въ немъ отсутствіемъ той простоты и угловатости, которыя нерѣдко выдаютъ духовнаго воспитанникахъ въ самыхъ высшихъ чинахъ и должностяхъ. Чувство порядочности, нѣкотораго даже изящества и лоска было присуще ему, какъ и двумъ старшимъ его братьямъ, изъ которыхъ Наркисъ Марковичъ скончался въ званіи житомирскаго каѳедральнаго протоіерея, а Ѳеофилъ Марковичъ, б. варшавскій каѳедральный протоіерей, пользовавшійся особымъ благоволеніемъ князя Паскевича и близостью къ нему, извѣстенъ своею трагическою судьбою: въ первое польское возстаніе онъ былъ объявленъ народовымъ жондомъ внѣ законовъ и всякій поймавшій его, какъ гласили афиши на фонарныхъ столбахъ, могъ убить его, какъ собаку, а предъ началомъ втораго возстанія, по странному недоразумѣнію, былъ высланъ изъ Варшавы въ 24 часа, съ отрѣшеніемъ отъ всѣхъ должностей, и умеръ въ Кіевѣ въ 1864 г.

Первоначальное образованіе Орестъ Марковичъ получилъ въ домѣ отца, который для своего времени и круга былъ довольно образованнымъ и начитаннымъ человѣкомъ. За тѣмъ онъ учился въ острожскомъ духовномъ училищѣ, волынской духовной семинаріи, помѣщавшейся тогда въ м. Аннополѣ, и наконецъ въ кіевской духовной академіи, въ со-

ставѣ воспитанниковъ V ея курса, гдѣ въ 1831 г. окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ со степенью магистра. Полагать надо, что только не имѣніе свободныхъ наставническихъ вакансій въ академіи помѣшало академическому начальству оставить этого даровитѣйшаго воспитанника при академіи; но, какъ предназначенный къ ней, онъ получаетъ мѣсто въ ближайшей къ Кіеву переяславской семинаріи, а спустя менѣе двухъ лѣтъ мы видимъ его въ должности баккалавра кіевской академіи — сперва на каѳедрѣ польскаго языка, а потомъ философіи. Первое мѣсто службы Ореста Марковича было совсѣмъ не по его натурѣ. Переяславская семинарія и въ болѣе позднее время отличалась отъ всѣхъ другихъ такою крайнею патріархальностію нравовъ и такими наклонностями и привычками ея профессоровъ и учениковъ, которыя много напоминаютъ собою послѣдніе годы Сѣчи Запорожской. Въ самостоятельной, иначе направленной натурѣ Ореста Марковича переяславская атмосфера не оставила никакихъ слѣдовъ, но и въ послѣднее время своей жизни онъ не могъ безъ особой улыбки вспоминать о своей службѣ въ Переяславѣ.

Перемѣщеніе въ академію подѣйствовало на него освѣжающимъ и ободряющимъ образомъ. Во главѣ ея стоялъ *Иннокентій*, извѣстный и тогда уже своими талантами и обширными познаніями; онъ не давалъ никому заснуть, часто посѣщалъ лекціи профессоровъ, указывалъ каждому новѣйшія и лучшія изслѣдованія по его предмету въ иностранной литературѣ, всѣхъ и каждаго располагалъ и возбуждалъ къ дружной научной работѣ. Много ученый тогдашній кіевскій митрополитъ Евгеній собственнымъ примѣромъ и вліяніемъ могъ только располагать къ научному труду. Вліяніе обоихъ сказалось на молодомъ баккалаврѣ; первые шаги его на академическомъ поприщѣ вполнѣ оправдали возлагаемыя на него надежды. Скоро пришлось ему раздѣлить свой трудъ между двумя заведеніями. Въ іюлѣ 1834 г. открывался въ Кіевѣ университетъ св. Владиміра; по рекомендаціи Иннокентія, Новицкій приглашенъ былъ, въ званіи адъюнкта, къ чтенію лекцій по философіи студентамъ перваго университетскаго курса. Съ открытіемъ втораго курса въ слѣдующемъ году и увеличеніемъ занятій, онъ оставилъ академію съ званіемъ экстраординарнаго профессора и остался

на каѳедрѣ университетской, гдѣ спустя два года получилъ званіе ординарнаго профессора. Можно безъ преувеличенія сказать, что это былъ лучшій и даровитѣйшій профессоръ того и послѣдующаго времени; равнаго ему по совокупности всѣхъ качествъ блестящаго профессора мы не можемъ указать за все 50-лѣтнее существованіе университета. Широкое, разностороннее образованіе, основательное знаніе своего предмета, подновляемое неустанною работою философствующаго ума и чтеніемъ новѣйшихъ изслѣдованій въ области философіи, стройное сочетаніе и развитіе всѣхъ душевныхъ способностей, систематическое развитіе мысли и тонкій анализъ, ясное представленіе излагаемаго въ цѣломъ и частяхъ и необычайно ясное и простое изложеніе—таковы преподавательскіе таланты, отличавшіе О. М. Новицкаго. Прибавьте къ этому свободную, плавную и изящную рѣчь, чистую, явственную дикцію, мягкій, дышащій спокойствіемъ и добродушіемъ голосъ, при самой счастливой и представительной наружности, и вы будете имѣть наглядное представленіе о томъ блестящемъ лекторѣ, который очаровывалъ, увлекалъ не только своихъ постоянныхъ слушателей, но всѣхъ, кому приходилось быть на его лекціяхъ. Высокій, стройный, красавецъ и въ возрастѣ болѣе, чѣмъ зрѣломъ, съ высокимъ открытымъ челомъ, съ благородной, исполненной достоинства осанкой и умнымъ, то сосредоточеннымъ, то улыбающимся выраженіемъ лица, онъ производилъ неотразимое впечатлѣніе на всѣхъ, кто видѣлъ его хоть на короткое время. Не даромъ студенты боготворили его, не даромъ начальство университетское съ увѣренностію препровождало на его лекціи высокихъ посѣтителей въ понятномъ желаніи выставить университетъ съ лучшей стороны. Вѣримъ вполнѣ восторженнымъ отзывамъ слушавшихъ его лекціи, вѣримъ и тому, что онъ имѣлъ огромное вліяніе на развитіе въ нихъ не просто идеальнаго философствованія,—оно было тогда въ ходу у насъ и за границей, но строгаго, отчетливаго мышленія, а это имѣло неоцѣнимое значеніе и въ научныхъ занятіяхъ студентовъ и въ самой ихъ жизни. Въ этихъ отзывахъ вся карьера умершаго профессора, весь его формуляръ и мы не много прибавили-бы къ нимъ, если-бы сказали о служебныхъ его отличіяхъ и неоднократномъ прохожденіи имъ съ полнымъ достоинствомъ должности декана, въ которую онъ былъ избираемъ своими сослужив-

цами. Карьера стоющая многихъ отличій, почестей и самыхъ громкихъ дѣлъ!

Къ сожалѣнію, Оресту Марковичу пришлось оставить ее едва не на половинѣ обычнаго ея срока, въ полномъ разцвѣтѣ ума и знанія Въ 1850 г. по политическимъ соображеніямъ закрыты въ Россіи философскія каѳедры при всѣхъ университетахъ. Университетъ св. Владиміра понесъ двойную утрату: кромѣ первостепенной важности предмета, онъ лишился въ лицѣ Новицкаго даровитѣйшаго и самаго вліятельнаго своего дѣятеля. Съ полнымъ стоицизмомъ, руководясь соображеніями, которыя вызывала необезпеченность довольно численной семьи, онъ принялъ должность цензора, отнюдь не требовавшую ни его таланта, ни знанія, и на ней окончилъ такъ блестяще начатую и продолженную службу.

Печатные труды Ореста Марковича дополняютъ его репутацію, какъ человѣка разностороннe образованнаго и замѣчательнаго мыслителя, самостоятельно относившагося къ разнымъ философскимъ системамъ и направленіямъ и въ самой доступной формѣ знакомившаго своихъ слушателей съ результатами научныхъ работъ въ области философіи. Первымъ печатнымъ его трудомъ было историко-критическое изслѣдованіе о сектѣ Духоборцевъ, написанное покойнымъ еще на студенческой скамьѣ и доставившее ему степень магистра богословія. Напечатанное въ 1832 г. на счетъ академіи, оно привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и въ особенности самихъ духоборцевъ. Въ немъ впервые являлись въ печати новыя, недоступныя дотолѣ свѣдѣнія о зарожденіи и распространеніи у насъ этой секты, и ея ученіе приведено въ связь съ раціоналитическими сектами западной и древней восточной церкви. Систематическій умъ молодаго автора сказался тутъ какъ нельзя ярче; разнообразныя, не ясныя вѣрованія сектантовъ, какъ они представлены въ слѣдственныхъ ихъ показаніяхъ, приведены здѣсь въ стройную систему и изложены въ опредѣленной научно-богословской формѣ. Духоборцы увидѣли въ первой части сочиненія Новицкаго какъ бы нарочито для нихъ составленный катихизисъ и дорого, десятками, сотнями рублей, скупали эту небольшую книжечку въ 146 страницъ. Изданіе разошлось быстро и ставъ не доступною библіографическою рѣдкостію, возбудило

неосновательные толки о томъ, будто оно подверглось запрещенію. Къ академическимъ трудамъ Ореста Марковича относится и его изслѣдованіе »О первоначальномъ переводѣ св. писанія на славянскій языкъ«, написанное по предложенію митр. Евгенія и вошедшее въ составъ трудовъ воспитанниковъ кіевской академіи 1839 г. Слѣдующія за тѣмъ три неравныя по объему сочиненія: 1) *Объ упрекахъ дѣлаемыхъ философіи*, въ формѣ рѣчи для университетскаго акта 1837 г., 2) *Руководство къ опытной психологіи* 1840 г. и 3) *Постепенное развитіе философскихъ ученій въ связи съ религіозными вѣрованіями*, въ 4-хъ томахъ, 1860 г., составляютъ плодъ спеціальныхъ его занятій философіею. Главное отличительное достоинство этихъ сочиненій состояло также въ необычайной ясности изложенія, а чтобы опредѣлить значеніе этого качества, припомнимъ, что говорилъ о философіи другой, столь-же ясный и положительный русскій умъ. »До сихъ поръ думаю«, писалъ въ своихъ Запискахъ въ 1850 г. (т. I, стр. 20) митрополитъ Іосифъ Симашко, что главный недостатокъ философіи состоитъ въ томъ, что для нея нѣмцы выдумали особый языкъ, котораго многіе изъ нихъ самихъ не понимаютъ, и что они любятъ болтать на цѣлые томы о томъ, что на обыкновенномъ языкѣ можно изложить на нѣсколькихъ страницахъ«.

Столь малое число философскихъ работъ не отвѣчаетъ дарованіямъ и трудолюбію покойнаго профессора, но это не должно удивлять насъ. Въ составъ философіи входили тогда слѣд. науки; логика, психологія, умозрительная философія или метафизика, философія нравственная или этика и наконецъ исторія философіи. Въ то время, какъ въ академіи для преподаванія философіи въ этомъ-же составѣ назначались четыре профессора, въ университетѣ оно лежало на одномъ—Новицкомъ, а читать ему приходилось не однимъ студентамъ философскаго отдѣленія, но также математикамъ и юристамъ. При такомъ громадномъ, не посильномъ для другого трудѣ, ему некогда было думать объ обработкѣ всѣхъ своихъ изустныхъ чтеній для печатанія, которое, правду сказать, было тогда и не въ модѣ, когда-жъ Орестъ Марковичъ послѣ многолѣтнихъ напряженныхъ трудовъ овладѣлъ вполнѣ столь сложнымъ предметомъ, изученіе философіи надолго было прервано и печатать было не

для кого. Пока прошло время запрета, радикально измѣнилось направленіе философіи, ея пріемы и самая основа; въ самомъ обществѣ нашемъ зародились новыя стремленія, отнюдь не гармонировавшія съ прежнимъ идеальнымъ философствованіемъ. Философствовать печатно приходилось въ убытокъ, что отчасти показалось на послѣднемъ изъ упомянутыхъ выше философскомъ трудѣ Ореста Марковича Новицкаго. Лучше другихъ это видно было ему самому и потому, продолжая до послѣднихъ дней жить въ области науки, онъ не возвратился къ изданію какого либо новаго философскаго труда, а принялся за свой первый историко-критическій этюдъ, переработалъ его на ново, пополнилъ данными за цѣлыя 50 лѣтъ и издалъ въ 1882 г. Послѣднею литературною его работой была обширная его автобіографія, написанная, по приглашенію университета для предстоящаго юбилейнаго торжества и готовящагося къ тому времени историческаго сборника. Съ этими интересными мемуарами мы надѣемся въ свое время ознакомить нашихъ читателей, а пока закончимъ нашу характеристику этого замѣчательнаго дѣятеля высшей науки указаніемъ на выдающіяся нравственныя его черты.

Спокойствіе и твердость, глубокая честность и благородство, прямота и искренность, привѣтливость и добродушіе—таковы отличительныя свойства характера и жизни Ореста Марковича. Ни предъ кѣмъ онъ не преклонялся, ни въ комъ не заискивалъ, ничего не искалъ, ни къ какой партіи никогда не примыкалъ; свое мнѣніе и положеніе охранялъ съ большимъ тактомъ и достоинствомъ, но сторонился отъ всякихъ ухищреній, шумной полемики, ссоры и разлада. Въ кружкахъ академическомъ и университетскомъ, въ кругу знакомыхъ и родныхъ это былъ любимѣйшій собесѣдникъ, остроумный и веселый; для дѣтей это былъ нѣжнѣйшій отецъ, для внучатъ любящій, попечительный дѣдушка. Съ стоическимъ спокойствіемъ и покорностію судьбѣ онъ переносилъ нерѣдкіе ея удары, какъ нежданный свой выходъ изъ университета, смерть старшаго сына, блестяще окончившаго курсъ училища Правовѣдѣнія, катастрофу съ братомъ, равносильную смерти болѣзнь старшей дочери, нежданную смерть второй и смерть жены, скончавшейся за мѣсяцъ предъ нимъ. Съ такимъ же настроеніемъ онъ оставилъ жизнь, спокойно отдавшись въ объятія смерти.

Университетъ св. Владиміра, готовясь къ юбилейному своему торжеству, избралъ Ореста Марковича почетнымъ своимъ членомъ, и это была высшая награда его честной и славной дѣятельности на поприщѣ науки и просвѣщенія. Смерть не дала ему дождаться ни торжественнаго провозглашенія этой награды, ни той высшей послѣдней радости, какую доставило бы ему участіе въ самомъ торжествѣ и которую онъ могъ-бы воспринять всѣми нервами своей старческой души.

Да будетъ ему вѣчная память!

ЗАГАДОЧНАЯ ПѢСНЯ.

Свите, свите, ясенъ мисяць,
Ще й вечирняя зоря;
Пише, пише кроль французський
Ажъ до билого царя:
Та оддай намъ нашу Польщу
Билый, руський Царь,
Бо не втерплю я вже больше,
Буду битись, якъ лыцарь.
Якъ не вернешь нашой Польщи,
То мы тебе розобьёмъ;
По твоихъ деревнлхъ, по новихъ заводахъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Зажурився Олександеръ царь,
У сенати сидючи;
Схиливъ, склонивъ головоньку,
Перо въ пальцяхъ держучи.
Обизвався славный гранъ Пашкевичъ:
»Не журися, билый царь,
Наберемо війско—крепкого запасу,
То й мы ёго розобьёмъ,
По ёго свитлицяхъ, по его скамницяхъ
Конюшеньки становлёмъ«.
Дурна, дурна французьска голова,
Що стала биться—воеваться
Та противъ билого царя!

Сообщ. **А. Маркевичъ.**

Записано въ Кіевѣ въ 1864 г. 13 декабря, отъ 12-лѣтняго деревенскаго хлопца Павла Стременецкаго, родомъ изъ Волыни.

КЪ ПОРТРЕТУ АННЫ ЯРОСЛАВНЫ.

Лице, изображеніе котораго мы предлагаемъ, даже занимающимся русскою исторіею едва извѣстно по имени. Оно принадлежитъ такому отдаленному времени что самое появленіе его изображенія способно возбудить во многихъ недоумѣніе, не есть-ли оно плодъ фантазіи художника позднѣйшаго времени. Настоитъ поэтому необходимость говорить объ исторической дѣйствительности лица и подлинности его изображенія и отъ перваго идти къ послѣднему.

Анна Ярославна, одна изъ дочерей великаго кіевскаго князя Ярослава Мудраго, состояла въ замужествѣ съ Генрихомъ I, королемъ французскимъ и по признанію многихъ французскихъ хроникеровъ и историковъ была одною изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какія когда либо появлялись на тронѣ Франціи. Кіеву и Россіи она принадлежитъ лишь по рожденію и первымъ годамъ юности; съ выходомъ отъ насъ она становится для насъ иностранкой и напрасно мы стали-бы искать какихъ либо свѣдѣній о ней въ нашихъ лѣтописяхъ. Иностранкой тѣмъ болѣе была она для Франціи и нѣтъ ничего удивительнаго, что и тамъ занимались ею менѣе, чѣмъ заслужила она по своимъ прекраснымъ качествамъ, что тамъ нѣтъ доселѣ посвященной ей монографіи, что являлись писатели, которые, подъ вліяніемъ духа династическихъ партій, отвергали ея русское происхожденіе и производили ее изъ французскаго дома *Roucy*, отрасли дома Гуго Капета.

Намъ русскимъ пріятно было-бы, хотя и по французскимъ источникамъ, узнать, какова была судьба и жизнь нашей кіевской княжны по переселеніи ея отъ насъ, что принесла и дала она отъ себя новому своему отечеству, оставила ли тамъ слѣды своего пребыванія, сохранила ли свои національныя вѣроисповѣдныя черты, какъ долго жила, когда и гдѣ умерла и гдѣ погребена. Чтобы отвѣчать на эти вопросы, что-бы представить болѣе или менѣе подробныя біографическія свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ, по разнорѣчію позднѣйшихъ французскихъ сказаній объ ней, необходимо обратиться къ источникамъ первоначальнымъ, къ актамъ и документамъ того далекаго времени, которыхъ, по справкамъ, не оказывается въ лучшихъ нашихъ библіотекахъ и даже въ библіотекѣ императорской публичной. Работа длинная, уто-

мительная: отлагая ее на дальнѣйшее время, ограничимся на сей разъ указаніемъ лишь главнѣйшихъ, болѣе достовѣрныхъ хронологическихъ данныхъ о жизни Анны Ярославны, опуская критику доступныхъ теперь намъ источниковъ, а также представимъ тѣ данныя о ея портретѣ, какими располагаемъ въ настоящее время,

Время рожденія Анны Ярославны, не отмѣченное въ нашихъ лѣтописяхъ, по сопоставленію французскихъ свидѣтельствъ о годѣ смерти Генриха I и возрастѣ, въ какомъ она осталась вдовою, можно приблизительно относить къ 1034 году. Первое предложеніе о помолвкѣ Анны Ярославны съ Генрихомъ I, французскимъ королемъ, принятіе и объявленіе этой помолвки, по свидѣтельству болѣе достовѣрныхъ французскихъ источниковъ, падаетъ на 1044 годъ. Съ тѣхъ поръ Анна считалась невѣстою Генриха и хотя ей могло быть въ ту пору 10—11 лѣтъ, но по тогдашнимъ обычаямъ и законамъ это не можетъ казаться страннымъ. Сватовство Генриха произведено заочно, посредствомъ особаго посольства, пріѣзжавшаго изъ Франціи въ Кіевъ ко двору Ярослава, и хотя брачная сдѣлка могла считаться и тогда уже дѣйствительною, тѣмъ не менѣе переговоры по поводу оной продолжались и въ послѣдующіе годы, а въ 1049 г. прибыло въ Кіевъ новое посольство. Въ составѣ его были, кромѣ свѣтскихъ сановниковъ, епископы мельденскій Вальтерій и епископъ каталонскій Рогерій; отъ послѣдняго сохранилось извѣстіе о томъ, что великій князь Ярославъ показывалъ ему главу Климента, папы римскаго, привезенную прежде въ Кіевъ. Посольство прибыло осенью 1049 г. и пробыло въ Кіевѣ до лѣта 1050 г., задержанное, какъ думать можно, не затрудненіями въ окончательномъ соглашеніи, а трудностію переѣзда въ зимнюю пору. Но въ апрѣлѣ 1050 г. случилась смерть княгини Ирины, жены Ярослава, матери Анны и бракъ состоялся въ Парижѣ лишь въ 1051 г., съ чѣмъ согласуется и опредѣленно извѣстный (1052) годъ рожденія у Генриха и Анны перваго сына Филиппа.

---

*) Собирая свѣдѣнія объ Аннѣ Ярославнѣ и ея портретѣ, мы совершенно неожиданно получили изъ Переяслава отъ Степана Даниловича Карпенка извѣстіе о томъ, что, обучаясь въ 30-хъ годахъ въ кіевской гимназіи, онъ у товарища своего Кириченка, сына кіево-подольскаго гражданина, видѣлъ

Кромѣ Филиппа были у нихъ еще два сына: Робертъ и Гуго, а также дочь, имя которой остается неизвѣстнымъ.

Бракъ Анны съ Генрихомъ былъ счастливый, но продолжался всего около десяти лѣтъ. Въ 1060 г. Генрихъ умеръ; Аннѣ было тогда едва 25 лѣтъ, старшему сыну Филиппу исполнилось лишь 8 лѣтъ. Еще при жизни отца, въ 1059 г. онъ былъ коронованъ и помазанъ на царство; опекуномъ его Генрихъ самъ назначилъ мужа сестры своей Аделаиды, графа фландрскаго Балдуина. Такое назначеніе произвело разладъ въ королевской семьѣ; образовались партіи, произошло смятеніе, грозившее государству переворотомъ: являлись попытки освободить отрока-короля отъ опеки Балдуина, котораго подозрѣвили въ честолюбивыхъ и коварныхъ замыслахъ, и возстановить права королевы-матери. Положеніе Анны было не только не удобно, но крайне затруднительно. Чтобы обезопасить себя отъ случайностей въ борьбѣ партій, Анна, дождавшись чрезъ годъ окончанія траура, вышла за мужъ за могущественнѣйшаго изъ вельможъ графа Рудольфа Креши. Онъ удалилъ для этого отъ себя вторую свою жену Элеонору, но кромѣ того между имъ и умершимъ королемъ по тогдашнимъ понятіямъ находили родство, такъ какъ оба они были Капеты. Бракъ Анны съ Рудольфомъ хотя объявленъ платоническимъ, тѣмъ не менѣе произвелъ сильное волненіе при дворѣ и въ народѣ. Негодовалъ Римъ и успокоился, лишь когда узналъ объ истинной цѣли брака. Рудольфъ скончался въ 1074 г., Анна имѣла на него самое благотворное вліяніе. Не смотря на этотъ бракъ, между матерію и сыномъ-королемъ существовали самыя добрыя отношенія, которыя сохранялись какъ при жизни, такъ и по смерти втораго мужа и остались такими до смерти самаго Филиппа въ 1108 г. По отсутствію положительныхъ свидѣтельствъ, мы не можемъ установить, какъ, когда и въ силу какого государственнаго акта Анна

и читалъ пергаменную рукопись, написанную по церковно-славянски и заключавшую въ себѣ подробное описаніе пріѣзжавшаго въ Кіевъ для сватанья дочери Ярослава Анны посольства отъ французскаго короля Генриха I, съ поименованіемъ бывшихъ въ посольствѣ лицъ и разсказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, времяпрепровожденіи, угощеніяхъ и пр. Если-бы это было такъ и если-бы нашлась самая рукопись или списокъ съ нея, на что мы не теряемъ надежды, то въ нашей исторіи явился-бы новый интересный листокъ изъ ея древняго періода.—Ред.

стала соправительницею своего сына; но на это указываютъ уцѣлѣвшія грамоты и другіе акты того времени, на которыхъ послѣ подписи короля слѣдуетъ подпись королевы-матери въ такихъ словахъ: *Agna Dei gratia francorum Regina* (Анна Божіею милостію королева французская). Первый изъ такихъ актовъ относится, если не ошибаемся, къ 1060 году, но подобныя же подписи находимъ въ актахъ послѣдующихъ годовъ, до 1075 г. и далѣе.

По смерти Генриха, Анна Ярославна избрала своимъ мѣстопребываніемъ старый замокъ въ Санли, невдалекѣ отъ Парижа. Здѣсь она еще при жизни мужа выстроила великолѣпную церковь во имя св. Викентія, а потомъ учредила при ней аббатство. Въ этой церкви на стѣнѣ былъ написанъ ея портретъ, съ котораго точный снимокъ изданъ въ концѣ XVII в. ученымъ Мезере въ его жизнеописаніяхъ французскихъ королевъ.

Годъ смерти Анны Ярославны не можетъ быть опредѣленъ даже приблизительно, но мѣсто погребенія ея въ точности извѣстно. Въ 1682 г. ученый іезуитъ Менестріе нашелъ въ Вилье, въ тамошнемъ систерціанскомъ аббатствѣ, надгробную плиту, на которой было изображеніе этой королевы съ короной на головѣ, въ родѣ вѣнца, даваемаго курфирстамъ, и начинавшуюся такими словами надгробную надпись: *Hic jacet Domina Agnes, uxor quondam Henrici Regis*... Раньше этого времени другой ученый—Парадэнъ открылъ ея гербъ съ лиліями, древнею эмблемой Франціи, на одной половинѣ, — крѣпостными открытыми воротами на другой и короной на верху, сходной съ короной на прилагаемомъ портретѣ. Не включила-ли Анна Ярославна въ свой гербъ дорогія ея сердцу кіевскія *Златыя врата*, родныя, отчія?...

Древніе французскіе писатели, у которыхъ находимъ извѣстія объ Аннѣ Ярославнѣ, отзываются о ней съ благоговѣніемъ, какъ о женщинѣ, которая *plus de futuris, quam de praesentibus cogitavit*. По ихъ свѣдѣніямъ, съ высокимъ уваженіемъ и похвалою ея добродѣтелямъ отзывались папы Николай I и Григорій VII, первый въ письмѣ къ ней 1059 г., а второй въ письмѣ 1083 г. Въ духѣ благочестія воспитывала ее мать ея Ирина, за что похвалялъ эту послѣднюю митрополитъ кіевскій Иларіонъ. Независимо отъ того можно думать, что Анна Ярославна получила въ домѣ своихъ родителей об-

разованіе, соотвѣтственное готовившейся ей высокой роли. Достаточно времени давало для этого долго длившееся сватанье и достаточно средствъ образованность семьи Ярослава; самъ онъ, по свидѣтельству пріѣзжавшаго въ посольствѣ епископа Рогерія, велъ съ нимъ разговоры на латинскомъ языкѣ, а одинъ изъ сыновей его, Всеволодъ, какъ извѣстно, объяснялся на пяти языкахъ. Такимъ образомъ Анна Ярославна, прибывъ въ Парижъ для бракосочетанія, не могла показаться тамъ дикаркой и простушкой, но съ разу пріобрѣла то уваженіе, которымъ, какъ видно, пользовалась до самой смерти.

Удержала-ли она во Франціи свои вѣроисповѣдныя и національныя особенности, судить объ этомъ трудно. Вопросъ о переходѣ ея въ латинство въ смыслѣ нынѣшнемъ не могъ тогда имѣть мѣста, такъ какъ Анна прибыла во Францію двумя годами раньше раздѣленія церквей; но безъ сомнѣнія она свыклась впослѣдствіи съ особенностями тамошняго богослуженія и его языкомъ, который она знала, какъ показываютъ ея подписи, а равно усвоила языкъ, обычаи и нравы новаго своего отечества. Есть впрочемъ данныя, заставляющія полагать, что на первыхъ порахъ она имѣла своего священника, вывезеннаго изъ Кіева, свои иконы, богослужебныя и молитвенныя книги. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и знаменитое реймское евангеліе, на которомъ присягали французскіе короли, и другія книги и рукописи, которыя ученые Сорбоны показывали Петру I-му, остались отъ временъ Анны Ярославны. По ея, конечно, желанію, ея первенцу, будущему королю въ первый разъ дается имя христіанскаго святаго, а духъ ея благочестія отразился въ послѣдующихъ поколѣніяхъ королевскаго дома Франціи.

Что касается прилагаемаго здѣсь портрета Анны Ярославны, то гравюра его обязательно сообщена намъ полковникомъ Д. М. Резвымъ, а имъ получена отъ академика Бассена, къ которому перешла въ составѣ богатой и рѣдкой коллекціи отъ отца его, б. профессора живописи въ императорской академіи художествъ. Отъ кого и когда получена этимъ послѣднимъ, свѣдѣній объ этомъ не имѣемъ. Гравюра, какъ показываетъ подпись подъ ней, сдѣлана въ Венеціи, а русская надпись на ней: *Анна Ярославна, королева французская, родилась въ Кіевѣ, скончалась близъ Парижа* указываетъ на то, что она сдѣлана по заказу кого

либо изъ русскихъ, жившихъ за границей. Почеркъ русской надписи начала нынѣшняго, если не конца прошлаго столѣтія. Имѣемъ свѣдѣнія, что въ 1825 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языкѣ біографія Анны Ярославны съ относящимися къ ней документами. Былъ-ли при ней портретъ, не знаемъ, да и самаго изданія этого нигдѣ розыскать не могли. Что настоящая гравюра сдѣлана съ какого либо древняго портрета, на это указываетъ корона — несомнѣнная принадлежность XI в. Не есть-ли это снимокъ съ изданія Мезерэ, которое, какъ снятое съ современнаго оригинала, имѣетъ всѣ условія автентичности? Прическа указываетъ по видимому на вѣкъ Людовика XIII и ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что она подновлена на портретахъ того времени. Девизъ на дугѣ герба королевы Анны свидѣтельствуетъ также о древности изображенія, послужившаго основою для гравюры. Смыслъ его: *оплакиваю мою жизнь и его смерть* эмблематически выраженъ въ видѣ горлицы, уныло сидящей на землѣ: предъ ней безплодное, увядающее дерево, назади кустъ лиліи, символъ чистоты. Горлица—это древнѣйшій, излюбленный въ нашихъ думахъ и пѣсняхъ символъ скорби и грусти; какъ нельзя болѣе онъ идетъ къ положенію вдовы-королевы, отвѣчаетъ ея думамъ и чувствамъ. Вдали отъ родины, забытая своими, чуждая всѣмъ и всему окружающему, лишившись друга жизни, ради котораго пожертвовала всѣмъ дорогимъ, Анна Ярославна хотя и соединяетъ свое имя съ именемъ новаго друга, покоряясь политической необходимости, но не принадлежитъ ему ни тѣломъ, ни душой, всѣмъ существомъ своимъ живетъ въ прошедшемъ, оплакиваетъ свою надломленную жизнь, когда-то широко распустившуюся, льетъ слезы о безвременной смерти своего подружія, какъ горлица-голубка воркуетъ и въ этомъ воркованьи вся ея жизнь, приближающая и ее къ неизмѣнному предѣлу. При взглядѣ на этотъ образъ нашей кіевской княжны, невольно приходятъ на память слова кіевской-же пѣсни, правда школьной, но симпатично и полно досказывающей смыслъ неяснаго въ подробностяхъ образа.

Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки съ другимъ не спарится,
Гдѣ древо зелено,
Вѣтьми украшено,
Не сядетъ...

Отъ редакціи.

Журналъ «**Кіевская Старина**» выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки*.

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882 и 1883 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ, Софійская площадь, № 11-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, „Новаго Времени“ и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Ѳедорова, Розова, Динтера, Дьяконова и Малецкаго въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, присылающимъ экземпляры своихъ изданій въ редакцію, обѣщаются рецензіи.

Статьи и матеріалы просимъ высылать, по адресу редакціи, въ возможно *четкой* перепискѣ, безъ особыхъ помарокъ, и непремѣнно съ полями, а не съ сплошными и слишкомъ тѣсно стоящими строчками. Статьи, въ случаѣ надобности, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ. Этнографическій матеріалъ, какъ-то: пѣсни, сказки, думы, и т. под. просимъ предварительно свѣрять съ существующими Сборниками и снабжать примѣчаніями о мѣстѣ и обстоятельствахъ записи.

Въ редакціи, кромѣ полныхъ экземпляровъ журнала за 1882, 1883 и 1884 г., есть также экземпляры разрозненные, образовавшіеся отъ высылки отдѣльныхъ книжекъ въ замѣнъ утраченныхъ при пересылкѣ. Гг. подписчики, у которыхъ случайно затерялись какія либо книжки »Кіевской Старины« предъидущихъ или нынѣшняго года, могутъ въ замѣнъ ихъ получить новыя, обращаясь въ редакцію съ приложеніемъ *одного рубля* за каждую вновь требуемую книжку; особой платы за пересылку не требуется.

ПОДПИСКА НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,"

1884 г. (Третій годъ изданія). **1884 г.**

Журналъ „**Кіевская Старина**", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, выходитъ и въ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ—изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, а также памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за **12 книжекъ**, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ **10 руб.**, на мѣстѣ **8 руб. 50 к.**, за границу **11 руб.** Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ **5 руб.**, по выходѣ IV книжки **3 руб.** и VI—**2 руб.**—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: *Въ редакцію* „**Кіевской Старины**", *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевской Старины" принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, газету „ДѢЛО". Газета выходитъ три раза въ недѣлю листами большаго формата; особыя приложенія составляютъ оригинальныя и переводныя повѣсти. Годичная цѣна съ пересылкою и приложеніями 16 р., безъ приложеній 12 р. Можно подписываться на полгода и по четвертямъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Г. Лебединцевъ.**